

Министерство образования Российской Федерации
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА СЛОВА

Сборник научных трудов

Екатеринбург 1993

Рассматриваются модификации языкового значения слова в речи и конкретных художественных и публицистических текстах, анализируется актуальный смысл слова в конкретных коммуникативных условиях. Исследуются функциональные аспекты синонимии, паронимии и многозначности, контекстная семантика производных слов, собственных имен и диалектизмов, типовые актуальные смыслы слов определенных тематических и лексико-семантических групп.

Предназначается для научных работников, студентов и преподавателей факультетов русского языка и литературы, учителей-филологов.

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор А. П. Чудинов (отв. редактор); доктор филологических наук, профессор Л. Г. Бабенко; доктор филологических наук, профессор Н. А. Кушина; кандидат филологических наук М. Л. Кусова; доктор филологических наук, профессор М. Ю. Федосюк; доктор филологических наук, профессор Н. Е. Сулименко

Рецензенты:

кафедра современного русского языка Уральского государственного университета; кандидат филологических наук, доцент А. В. Пузырев (Пензенский педагогический институт)

Функциональная семантика слова

Редактор *Н. В. Шевченко*

Технический редактор *Н. М. Руднева*

ЛР № 040330 от 17.02.92

Сдано в набор 28.10.93. Подписано в печать 23.12.93. Формат 60×90^{1/16}. Бумага кн.-журн. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 8,0. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 800. Заказ № 356.

Уральский государственный педагогический институт
620219 Екатеринбург, ГСП 135, просп. Космонавтов, 26

Издательско-полиграфическое предприятие
«Уральский рабочий». 620219 Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

ISBN 5—7186—0074—0

© Уральский государственный
педагогический институт,
1993 год

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы значения слова и его варьирования традиционно находятся в центре внимания семасиологии как специальной области языкознания, но наиболее интенсивно учение о вариативности лексической семантики слова развивается в последние десятилетия. Новые публикации, посвященные собственно семантическому варьированию, а также более общим проблемам системности словарного состава в целом, лексико-семантическим, тематическим и функционально-семантическим полям, коммуникативному синтаксису, значительно изменили традиционные представления о сущности лексического значения, его компонентном составе, возможностях языковой и речевой модификации лексической семантики, взаимодействии значения слова и окружающего его контекста.

Публикации по лексической семантике 60—70-х годов были обращены преимущественно к значению слова и его модификациям в системе языка. В настоящее время особую актуальность приобретает проблема функционирования словесных знаков в реальных актах коммуникации. Обращение к речевой семантике слова, к закономерностям его актуализации в речи позволяет более полно представить диапазон варьирования словесной семантики; одновременно это делает более многогранными наши представления о структуре лексического значения, общих закономерностях функционирования лексической системы, принципах взаимодействия словесных знаков в речи, потенциальных свойствах семантики слова.

Характерной чертой современных исследований по функциональной семантике слова является стремление лингвистов обнаружить закономерности в процессах варьирования значения, что отразилось прежде всего в становлении теории регулярного семантического варьирования как особого направления в семасиологии. Предметом исследования в данном случае выступают модели, по которым образуются вторичные значения и актуальные смыслы семантически сопоставимых слов.

Проблема речевой вариативности словесной семантики имеет несколько аспектов. Первый из них — это исследование речевой многозначности, окказиональных вторичных значений, не зафиксированных толковыми словарями. Специальные исследования показывают, что подобные вторичные значения достаточно часто отмечаются в самых разнообразных текстах и, как правило, возникают под воздействием существующих в русском языке моделей регулярной многозначности (Н. А. Боровикова, А. П. Чудинов). В данном сборнике указанные проблемы рассматриваются в статьях С. Д. Томиловой и В. Д. Черняк.

Второе направление исследования функциональной семантики — это анализ речевого (семного) варьирования, не связанного с приобретением словом нового значения. При речевом варьировании сохраняются все обязательные семы языкового значения слова, но возможно изменение их яркости, акцентирование потенциальных и факультативных признаков (В. Г. Гак, М. В. Никитин, И. А. Стернин, А. П. Чудинов). В настоящем сборнике закономерности речевого варьирования терминов родства рассматриваются в статье Н. В. Багичевой.

Третий аспект исследования проблем функциональной семантики — анализ речевых модификаций семантики производного слова, выявление закономерностей акцентирования в речи внутренней формы слова. В настоящем сборнике этим проблемам посвящены работы Т. В. Поповой (анализируются контекстные факторы, воздействующие на актуализацию мотивационной базы), Л. А. Хачатуровой (описание внутренней формы зоонимов), Т. А. Гридиной (характеризуются закономерности языковой игры при окказиональном словообразовании) и С. П. Петруниной (обращение к паронимическим оговоркам в речи).

Четвертый аспект исследований по функциональной семантике — вариативность грамматической семантики слова. Эта область после появления работ А. В. Бондарко может считаться едва ли не самой законченной в теории речевого варьирования, но накопление материала продолжается, свидетельством чего может служить, в частности, публикуемая в настоящем сборнике статья Т. А. Будановой.

Особое место занимают комплексные исследования, не сводимые к какому-либо одному уровню, работы, посвященные общей теории художественного текста и роли лексических средств в его структуре. В настоящем сборнике такой характер имеют статьи Н. Е. Сулименко, Н. А. Купиной, М. Ю. Новиковой и А. А. Водяхи.

Наконец, вполне закономерны исследования, в которых рассматривается функциональная семантика отдельных пластов лексики в произведениях конкретных авторов, как это делается в представленных в данном сборнике статьях Д. А. Архаровой (анализируется диалектная лексика в сказах П. П. Бажова) и М. В. Тростникова (сопоставление метафорической организации поэзии И. Анненского и А. Фета).

Каждое новое исследование вносит свой — больший или меньший — вклад в исследование функциональной семантики русской лексики, но в целом необходимо отметить, что современное состояние указанной области языкознания характеризуется известной разобщенностью, отсутствием единства как в теоретическом, так и в методическом отношении, различной степенью изученности ряда одинаково важных проблем.

Н. Е. СУЛИМЕНКО
Российский педуниверситет

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ДИАЛОГИЧНОСТИ МОНОЛОГА

Выявляются типы лексической поддержки внутренней диалогичности монологической речи как особого средства формирования художественного текста.

Внутренняя диалогичность монологического текста получила свое обоснование в психологическом исследовании диалога как единицы анализа сознания, подтверждающем диалогичность любой психической функции и всего сознания человека в целом, наличие в нем дискретных и недискретных образований, основного и дополнительного психических процессов, диалог которых движет человеческое сознание и позволяет воздействовать на него и его изменять [6]. Эти наблюдения согласуются с мыслью о приоритетности тех лингвистических теорий, которые ставят вопрос «о психической реальности своих объектов», реабилитируя права обоих участников речевой коммуникации [7]. Диалогичность речевой коммуникации опирается и на когнитивный субстрат — диалогичность процесса мышления, понимания, ассоциативное соотнесение известного с неизвестным, метафорическая стадия переработки новой информации [4]. Причем если в диалоге как форме социально-речевого общения диалогичность процесса познания в целом, эвристический характер восприятия более или менее прозрачны, то в монологе как опосредованной, вторичной форме речи установка на адресата более или менее имплицитна. Идея ориентации на способы проявления личностного начала в языке развита Т. Г. Винокур: «Говорящий есть всегда первый приемный пункт собственных коммуникативных усилий», направленных прежде всего на свое же (обманутое или необманутое) ожидание [3]. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные случаи самокоррекции, речевые самооценки, материалы редакторской правки собственного текста. Эмоционально этот процесс переживается как соответствие или несоответствие определенным нормативно-ценностным представлениям, культурно-речевому, эстетическому идеалу: «...разумная интерпретация или понимание в его высших выражениях исходит из развитого единства познавательного, эстетического и этического моментов человеческой деятельности» [1, с. 107].

Очевидно, в каждой функциональной подсистеме языка, имеющей не глобального, а параметризованного (термин Н. Д. Арутюновой) адресата, будут свои проявления диалогичности, в том числе и лексические, связанные с разными социально-групповыми, психологическими ролями адресата в различных условиях коммуникации.

В другой функциональной системе использования языка — в поэтической речи — обнаружены иные закономерности проявления фактора адресата: здесь отмечается слияние двух типов речи — внутренней (речи для себя) и внешней (речи для других) со всей совокупностью специфических языковых средств и последствий этого совмещения [5]. Отмечается своеобразие диалогизации монолога в газетно-публицистической речи, языке теле- и радиопередач с акцентом на разнообразии синтаксических сигналов.

Ключом к постижению языковых сигналов диалогичности монологов служит та их типология, которая предложена В. В. Виноградовым и в основе своей предполагает учет коммуникативных потребностей не только «самоадресата» (говорящего), но и адресата — получателя и интерпретатора текста: монолог убеждающей окраски, монолог лирический, драматический и сообщающий в его разновидностях — рассуждение и повествование [2]. Нельзя не заметить, что нет строгой изоляции указанных типов монолога от представленных в литературе типов диалога (диалог-унисон, диалог-спор, диалог — конфиденциальное объяснение, диалог-ссора и др.). Наблюдается не только взаимопроницаемость внутри двух форм социально-речевого общения, но и внутренняя перекличка между отдельными их подразделениями, что естественно в свете отмеченных выше механизмов речепорождения и понимания.

Программируя речемыслительные действия адресата, монологический текст содержит те или иные лексические опознавательные знаки, рассчитанные на активизацию сознания адресата определенного типа. В прозаическом художественном тексте типы повествования, избранные автором, выступают как эстетически преобразованные разновидности реальных монологов и напрямую связаны с авторским замыслом и прогнозируемой моделью адресата, возможностями преобразования его сферы сознания. Так, ориентация на адресата, владеющего языковыми нормами и связанного не только с деревенской, но и городской средой, диктует несовпадение даже стилистически однонаправленных средств в речи автора, для которого адресат — читатель, и персонажа, для которого адресат — другой персонаж. Так, элементы разговорности в речи автора и персонажей трилогии Ф. Абрамова «Пряслины» находятся в отношениях пересечения, обнаруживая черты общности и различий как в составе данных средств, так и в их функциях. В той и другой композиционно-речевых формах активно используется разговорная лексика и фразеология. Ср. в речи автора: *Находила на него иной раз блажь — комок к горлу подступал, когда встречал Егоршина отпрыска*; в речи персонажей: — *Да, вот так надо добывать счастье-то. А что мы? Живем куда поволокло-потащило, и ладно; — Вот так и живем, браташа. Совсем заездила супружница. — Тебя заездишь. Ты в эту Москву*

слетал — совсем ошалел. — Да, ребята, слетал. Повидал белый свет.

В этой общности актуализируются такие свойства разговорного стиля, как непринужденность, раскованность, количественно-качественная экспрессия лексических способов выражения, поддерживаемая интонационными и синтаксическими средствами. Учет потребностей прямого адресата обнаруживается в известной минимизации состава разговорных средств в авторском повествовании, перераспределении их разрядов в пользу синтаксиса, редукции и внелитературного просторечия. Один из сигналов такого неприятия — введение «отчуждающих» кавычек: *Все нажитое за долгую жизнь пустил по ветру и докатился до того, что перешел на «аванец»*. Речь же персонажей, опосредованно связанная с читателем (иерархическое строение адресата), изобилует внелитературными словами и их формами, вплоть до новообразований: *кабы, ноне, дак, ейный, страсть, смалу, тверёзой, пущать, але, нету, дочерь, безлапотинное, матерхат* и др.

Менее специфичен в указанном смысле переходный тип повествования — несобственно-прямая речь, учитывающая коммуникативные потребности читателя и персонажа, его необходимость выразить себя: *...но ему вдруг приходил на память Егорша, и хняя дружба-товарищество, и срывались, срывались с губ непрошенные слова; Вроде бы старичонко... да вдруг так сказано, такую породу выкажет — сразу по стойке «смирно» уши поставишь,*

Соответственно составу нет полного тождества и в функциях разговорных элементов в авторском повествовании, и диалоге персонажей.

Если продолжить соотнесение типов диалога и монолога, можно заметить, что в системе диалогической речи персонажей очень активен тип диалога-спора, имитирующий субъективный характер разговорной речи, непосредственный способ контакта общающихся, момент коммуникативного соперничества. Ср. наряду с приведенным выше: — *...к тебе, вишь вот, приехали, прилетели... А я один как перст на всем свете... Ко мне никто не придет, никто не прилетит. — ...не одного тебя война осиротила, Пройди по деревне. Этот тип диалога соседствует с диалогом-ссорой, знаменующим «разрыв отношений»: — Я без сестры не пойду, — сказал Петр. — Чего, чего? — Без сестры, говорю, не пойду. — Не пойдешь? Ко мне не пойдешь? — Михаил вскинул кулачищи: гора пошла на Петра.*

В монологической же речи активно используется прием интимизации изложения, вживания в речевую манеру персонажей и частичного ее воспроизведения, стилизация может сопровождаться элементами сказовости, проступающей, в частности, в двоянных обозначениях (*дружба-товарищество*), лексических и семантических повторах (*срывались, срывались*): *Было, было*

времечко, и еще недавно было, когда и она не была обойдена этими радостями — в обнимку с братом, с невесткой выходила на люди. Все это сближает монолог лирической окраски с диалогом-унисоном. Естественно, что внутренне диалогичны также монологи драматической и убеждающей окраски.

В монологе воспроизводятся эстетические, творческие начала разговорной речи, свойственная ей установка на языковую игру как способ оживления коммуникаций, ассоциирования разных предметных и стилевых зон: *Михаил ошалело посмотрел на управляющего, на заседателей... и — что делать — пошел на посадку.* Если здесь необычный способ выражения требует некоторых мыслительных усилий читателя, то в других случаях автор заметно облегчает его задачу, переводя стилистически отмеченное средство на общепринятую манеру выражения и тем самым очерчивая границы читательской аудитории: *И вслед за тем горделивым взглядом [Михаил] обвел горницу, или гостиную, как сказали бы в городе.* Правда, здесь речевая оценка отмечает несовпадение своего и чужого речевого опыта.

Таким образом, в лексической экспликации внутренней диалогичности монолога объективируется параметричность адресата, иерархическая структура его модели. В самом общем виде он может обретать лик читателя, персонажа, автора с последующей конкретизацией.

Лексические сигналы внутренней диалогичности монолога, дифференцируясь по типу адресата, связываются не только с его языковой компетенцией, но и с его картиной мира, социокультурными факторами, фоновыми знаниями, системой ценностей, определяющей коммуникативные потребности. Это особенно очевидно при ориентации художественного повествования не только на разговорную речь, но и на ее обработанные формы. Так, повествование фольклорно-сказового характера предполагает наличие у адресата представлений о мифологических формах сознания и соответствующих в данной национальной культуре способов их выражения. Ср. фрагмент «Из рассказов Олены Даниловны» Ф. Абрамова:

Я рано на работу пошла. У отца нас шестеро было, а земли одна душа — как тут жить? И вот не знаю, было мне шесть-то полных, когда меня в няньки отдали. Сперва в родную деревню — ничего, а через год и на чужбину, за четыре деревни от своей. Вот тут я взвыла. Всю дорогу плачу, угорела от слез, да реву, и в каждом ручье тоску с меня смывали. Вода холодная, весной дело было. А все равно не смыли, я попервости как елушечка в сырую погоду — сижусь вся в слезах... Ну, хозяйка попалась мне нехудые. Оба еще молодые — и сам и сама. А уж работающие-то! А на мне двое: зыбочный ребеночек да Федя, трех лет мальчик.

Полноте восприятия смысла текста способствует употребление слов и оборотов крестьянской речи: *в работу, на чужбину*

(за четыре деревни), сам и сама (о хозяевах), избыточный ребенок, землицы одна душа, и — знание стоящих за ними представлений об укладе и реалиях дореволюционной деревни, вчувствование в характер тропов фольклорно-поэтического характера, связанных с народными традициями и обрядами: *взвыла, уговарила от слез, в каждом ручье тоску с меня смывали, я попервости как елущечка в сырую погоду — сижу у окошка вся в слезах.*

На иную картину мира адресата ориентированы лексические маркеры повествования, стилизованного под исторический сказ, хотя и здесь описано мифологическое мировосприятие:

Она снарядила корабли и поехала. Синим ветром незнакомо и дивно обдуло ее, когда они вышли в море... из простора бежали, бежали, бежали, бежали, бежали белые гривки. Корабли грудями резали гривки, то сбиваясь в стаи, то протягиваясь через простор длинным караваном. Каждый день тут был велик и полон, как эта синевой налитая чаша. Падал ветер, и приходилось тащиться на веслах.

Ветер набрасывался, вздувались паруса, корабли безумно взлетали на вершины и срывались в бездны. Тогда многим боярыням делалось так худо, что они вповалку лежали на палубе, блюя и стеная, а Ольга смеялась над неженками. Находила черная туча, от середины к окоему резали ее молнии, терзал гром. Священник Григорий при каждом ударе осенял крестным знамением запад, юг, восток и север. Перун уgomонился, снова воцарялся мир и блеск, и, выпуская из гладких блестящих спин высокие струи воды, мирно плыли куда-то морские чудовища. Русское море оно звалось. Потому что давным-давно мы здесь плавали.

В коммуникативных стратегиях автора заложена программа речемыслительной деятельности адресата. Сам выбор жанра исторической повести предполагает способность адресата с опорой на лексическую структуру текста ощутить особенности архаического типа сознания. Полнота такого ощущения будет связана также со способностью увидеть лексические экспликации сказовости (разговорные средства, повторы и постоянные эпитеты, свойственные народно-поэтическому творчеству: *синий ветер, синевой налитая чаша, черные тучи*), образно-антропоморфного строя мышления (*грудь кораблей, набрасывался ветер, безумно взлетали корабли, терзал гром*), культовых понятий (*Перун, священник, осенять крестным знамением*). Адресат погружается в атмосферу страха перед потусторонними силами, неизвестными, необъяснимыми, если он ощутит ассоциативные связи слов, не вполне совпадающие (а иногда и совсем не совпадающие) с мироощущением современного читателя: *дивно обдуло* (от диво), *морские чудовища, бездны* и др. Немалую роль в восприятии колорита эпохи играет архаическая лексика и собственно историзмы: *окоем, блюя и стеная, боярыни, княгиня Ольга, Русское море.*

По справедливому замечанию В. Б. Касевича, адаптационные возможности языка в изображении пластов иной культуры во многом связаны с тем, что «семантика языковых систем нового и новейшего времени во многом сохраняет архаическую природу (связанную с мифологизирующим типом мышления)» [8]. Соотнесение архаической и новейшей картин мира, осмысление их диалога с опорой на имеющийся языковой и внеязыковой опыт требует встречной активности адресата.

Лексические маркеры внутренней диалогичности монолога отражают динамический характер языка, закономерности речевой коммуникации и концептуального освоения действительности в ее движении и изменении. Особенно это заметно в монологах убеждающей, драматической и рассуждающей окраски и их преобразованиях в художественных текстах, где лексические средства выполняют сигнальную функцию. Ср. подобные средства и их функции в следующих монологах.

1. Монолог Лопатина в повести К. Симонова «Двадцать дней без войны»:

Лопатин сидел напротив и смотрел на эти исхудалые, подрагивающие руки. Нет, Вячеслав не был похож на человека, струсившего на войне, но счастливого тем, что он спасся от нее. Он был не просто несчастен, он был болен своим несчастьем. И те издевки над ним, которые слышал Лопатин в Москве, при всем своем внешнем правдоподобию были несправедливы. Предполагалось, что спасшись от войны, он сделал именно то, чего хотел. А он, спасшись от войны, сделал то, чего не хотел делать. И в этом состояло несчастье. Да, да, да! Все против него! Он всю жизнь писал стихи о мужестве и читал их своим мерным, мужественным голосом... И вдруг, когда она [война] случилась, еще не доехав до нее, после первой большой бомбежки вернулся с дороги в Москву и лег в больницу, а через месяц оказался безвыездно здесь, в Ташкенте.

Текст фиксирует момент постижения драматической истины и в своей лексической структуре отражает спор с иной, более поверхностной, точкой зрения на случившееся с героем. Драматизм ситуации именно в том, что она имела право на существование, не была беспочвенной. Динамика размышлений над поступком персонажа сближает данный монолог с диалогом-спором, хотя состав его участников в этом внутреннем монологе неопределим однозначно в силу принципиальной диалогичности художественного слова (это и автор, и сближенный с ним Лопатин, и Вячеслав, и его московские знакомые). Сигналы диалогичности: слова *нет* и *да* (с троекратным повтором); деривационно сближенные слова антонимического и иного типа, включенные в противительно-уступительные структуры, фиксирующие сосредоточенность мысли на сложном для квалификации явлении; ситуативно сближенные и противопоставленные

слова: *струсивший — мужественный, война — бомбежка — Ташкент, несчастен — болен, правдоподобие — несправедливы*. Слово *вдруг* отмечает непостижимость поступка персонажа на фоне того «имиджа», который был им создан.

2. Авторский монолог из книги А. Адамовича и Д. Гранина «Блокадная книга»:

...Нельзя судить Юру взрослым умом, да еще по логике мирной жизни. Это мальчишеские мечтания, в которых, конечно же, мало учитывается реальность, главное в них — страстное, азартное желание, чтобы все и разом изменилось в лучшую сторону.

Впрочем, минуто спустя и сам Юра замечает, пишет с грустью, что «все это несбыточная, фантастическая мечта». Ему шестнадцать лет, когда *детское и взрослое в человеке еще сосуществует, перебивает друг друга*. Он старается додуматься, почему *немецко-фашистские войска оказались под Ленинградом*, и первое что ему приходит на ум — *шпионы!* Юрин план разгрома под Ленинградом немецких армий, который он мог осуществить на пару с *главнокомандующим*, не последний всплеск предвоенного детства и предвоенной психологии. Будут и еще всплески такого вот понимания, *наивных, а порой и нелепых представлений*, не говоря уж о проявлениях откровенно *детского эгоизма*, с которым немало намучится *совесть Юры*.

Авторский монолог рассуждающего типа содержит рефлексию над представлениями довоенного детства и предвоенной психологии вообще. Раздумья над *дневниковыми записями* протекают в форме диалога с самим собой и современным читателем; его сигналы: *модальные слова (нельзя, конечно с усиленными частицами же, впрочем)*, постоянная защита коммуникативных прав юноши (*взрослый ум, логика мирной жизни, мальчишеские мечтания, детское в человеке, предвоенное детство, детский эгоизм*). С другой стороны, многие всплески *наивных, а порой и нелепых представлений* характеризуют и картину мира взрослых в рассматриваемый период. Здесь уже нет той доброй насмешки, которая сопровождает Юрино видение мира (*шпионы* — слово из его словаря, *на пару с главнокомандующим* — ирония по поводу юношеского максимализма). Таким образом, диалогичность монолога связана с соотношением детской и взрослой картины мира, прошлого и настоящего видения событий.

Помимо рассмотренных случаев, диалогичность монолога отчетливо выступает в лексической структуре «вторичных», переложенных текстов, связанных с межкультурным взаимопониманием. Ориентация на фрейм как общее основание образа позволяет адресату, с одной стороны, «подтягиваться» до авторского видения мира, опираясь на ключевые для данного текста слова, а с другой — обходиться при переложении собственными,

пусть ограниченными, лексическими ресурсами. Внимание к диалогичности монолога связано с ренессансом риторики как руководства по эффективной коммуникации, с разработкой коммуникативных стратегий в реальной речевой практике. Но это уже сюжеты, требующие специального развертывания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Автономова Н. С. Метафорика и понимание // Загадка человеческого понимания. М., 1991.
2. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
3. Винокур Т. Г. О характеристике говорящего. Интенция и реакция // Язык и личность. М., 1989.
4. Загадка человеческого понимания. М., 1991.
5. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986.
6. Познание и общение. М., 1988.
7. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
8. Фрумкина Р. М., Эвонкин А. К., Ларичев О. И., Касевич В. Б. Представление знания как проблема // Вопросы языкознания. 1990. № 6.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

Т. В. ПОПОВА
Уральский пединститут

КОНТЕКСТНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

Анализируются контекстные условия актуализации мотивирующей базы в значении деривата, специально рассматриваются типовые контексты, насыщенные однокоренными, одноструктурными словами, текстовыми мотиваторами и т. п.

Можно считать общепризнанным положение о том, что значение любого слова в тексте видоизменяется: одни семы под влиянием контекстных партнеров актуализируются, другие — стираются, «затухают». В лексикологии открыты и описаны основные закономерности и особенности семантического варьирования слов в языке и речи. При таком анализе, правда, не всегда обращалось внимание на различный характер функционирования производных и непроизводных лексем, хотя в последнее десятилетие появились даже монографические исследования, учитывающие в той или иной степени эту особенность слова [2; 3; 5].

Учитывать влияние деривационной структуры слова на его функционирование необходимо, поскольку она во многом обуславливает жизнь лексемы в языке: ее словообразовательные возможности, «склонность» к семантическому варьированию, сте-

пень и специфику полисемии, некоторые морфологические и синтаксические особенности, экспрессивно-стилистические черты. Кроме того, современный русский язык относится к языкам с высокоразвитой словообразовательной системой, что обуславливает абсолютное преобладание в нем производных слов: по разным данным, они составляют не менее 90 % русской лексики. С учетом всего вышесказанного проблема функционирования производного слова, его коммуникативно-динамических особенностей, соотношения речевой и языковой мотивации и семантики представляется чрезвычайно актуальной и требующей более тщательных и глубоких исследований.

Особенностью производного слова является его вторичность, мотивированность более простой по форме и значению языковой единицей. Мотивированность деривата, его внутренняя форма обладают «удивительным свойством, которое, прибегая к образу, можно определить как фосфоресцирующее: в зависимости от речевой ситуации и коммуникативной заданности» они могут оставаться незаметными, но могут и ярко светиться, если того требует цель общения [1, с. 15].

Фокализация (термин М. Н. Мурзина) мотивированности производного слова, его морфодеривационной структуры приводит к актуализации в тексте различных компонентов семантики деривата: значения мотивирующей базы, словообразовательного средства или сем, «дооформляющих» лексическое значение слова, обуславливающих его фразеологичность. Под фразеологичностью семантики понимается невыраженность части значения производного слова составляющими его морфемами. Значения не менее половины дериватов русского языка фразеологичны. Такая особенность семантики слова оказывает существенное влияние на восприятие значения как самого производного, так и всего текста в целом.

Одним из центральных вопросов актуализации мотивированности лексемы, различных компонентов ее словообразовательной и лексической семантики является вопрос о пусковых механизмах такого процесса, условиях его протекания. Потребность в актуализации морфемно-мотивационного плана производного слова зависит от специфических особенностей контекста, «в котором оказывается данное слово как мотиватор своих возможных модификаций» [2, с. 152]. Такие особенности контекста не всегда представлены эксплицитно, поскольку в конечном счете они связаны с коммуникативным заданием, управляющим развертыванием текста [Там же]. В настоящих заметках предполагается выявить те условия актуализации мотивационно-словообразовательной структуры производного, которые материально выражены, эксплицитно представлены в контексте, а также определить «специализацию» этих пусковых механизмов (конечно, если она обнаружится) по фокализации различных компонентов семантики деривата: его мотивирую-

щей базы, словообразовательного значения или фразеологизирующих значений сем. Наблюдения проводились в основном на материалах, извлеченных из периодики последних лет.

Актуализация семантики мотивирующей базы в значении деривата происходит в контекстах, обладающих хотя бы одной из раскрываемых ниже особенностей.

1. В производном слове усиливается значение его мотивирующего при эпидигматическом насыщении текста однокоренными словами. Значения мотивирующего, повторяясь несколько раз в однокоренных словах, «продлеваются» и тем самым усиливаются. Например: *И опять — не менее острый вопрос: а надо ли вообще вести куда-то читателя? Не из прошлых ли десятилетий эта идея — поводья и слепых?* (Лит. газ.); *Судорога потребителя: дайте, дайте! Спасите, помогите! Выручите, устройте! Дайтальный надеж в страдательном наклонении* (В. Леви); *С одной стороны давит на него [на главного врача] пациент, начитавшийся журнала «Здоровье» и критических выступлений прессы. С другой — свой коллега-врач, справедливо требующий лекарств, шприцев, моющих средств и пр. Сверху давливают всевозможные комиссии...* (Известия). Наиболее показательным в этом отношении является употребление в тексте синтаксических дериватов, отличающихся от своих мотивирующих категориально-грамматической семантикой, но совпадающих с мотиваторами в остальных компонентах значения: *Реабилитация — покаяние общества перед невинными его жертвами, убитыми или невыслушанными. Покаяние в свою очередь реабилитирует общество* (Лит. газ.).

Однокоренные слова, употребленные в таком контексте, входят в одно словообразовательное гнездо, но не всегда связаны отношениями непосредственной производности. Главное условие их «сочетаемости» для актуализации семантики корня — отсутствие их сопоставления или противопоставления (последнее приводит к актуализации семантики деривационного средства или фразеологических компонентов значения). Ср.: *Нетерпение всегда идет рука об руку с нетерпимостью; Одни начинают с подножья, другие с подножек; Это в моем поколении явились миру инженеры-шабашники, которые, перекуривая на кирпичах возле недостроенной фермы, спорили о вполне реалистических, но совершенно нереальных тогда планах перестройки экономики* (Лит. газ.).

2. Вторым условием актуализации семантики мотивирующей базы является замена в тексте узуальной мотивирующей единицы другой — «текстовым» мотиватором. Если дериват — простое слово, то «подменяющий» мотиватор должен минимально отличаться от узуального по своей форме. В качестве текстового мотиватора для простого производного может использоваться омоним к узуальному производящему или иное, чем в литературном языке, значение обычного мотивирующего.

Так, существительное *фронтовик* имеет значение «тот, кто сражается или сражался в действующих частях на фронте» и мотивируется в русском литературном языке четвертым значением производящего *фронт* — «действующая армия и район, ею занимаемый». В тексте: *Отдаляясь от проблемы НКАО, взвалив ее решение на центр, руководство Азербайджана словно создало вакуум между собой и народом. Этим воспользовались радикалы НФА. Вакуум влияния был заполнен «фронтавиками»* (Правда) — оно приобрело иное значение, поскольку мотивируется уже шестым переносным значением лексемы *фронт* — «объединение общественных сил для действия в каком-нибудь направлении». Замена узуальной мотивирующей семемы многозначного производящего привела к концентрации внимания воспринимающего этот текст именно на семантике мотивирующей базы деривата *фронтовик*.

У прилагательного *кроссовочный* в словосочетании *кроссовочное поколение* узуальное мотивирующее *кроссовки* заменяется на *cross off* — «быть против», что специально оговаривается ведущим (телепередача). Такое омонимичное столкновение двух мотивирующих баз привлекает внимание именно к этому компоненту семантики деривата.

Если производное слово — композит, то текстовым мотиватором может быть любая другая структурно отличающаяся или не отличающаяся от узуального мотивирующего единица. Замена любого мотивирующего сложного слова приводит к актуализации семантики одного из его мотиваторов. Так, в тексте: *Кто они, бесчисленные имя-отчества? Андреи Александровичи, Андреи Палычи, Михаилы Андреевичи... От моего, от твоего, от нашего имени казнившие нас и повелевавшие нами? Как называть их? Страх-делегатами?* (Лит. газ.) — акцентируется внимание на семантике первого мотивирующего композита *страх-делегат* в результате столкновения омонимичных корней: *страхов-* (из *страховка, страховаться, страховой делегат*) и *страх-* (из *страшить, страшный*).

Еще пример: *Истерию всюю нагнетают, если хотите, «национал-карьеристы» — люди, еще вчера безвестные, не проявившие себя ни в чем, а теперь ловко оседлавшие поднимающую волну национального самоутверждения* (Лит. газ.). В существительном *национал-карьеристы* фокусируются оба мотивирующих: первое усиливается включением в контекст непосредственного мотивирующего *национальный*, а второе — нетрадиционным семантическим заполнением модели, по которой образован композит, называющий, как правило, представителей партий или общественно-политических течений (*национал-социалисты, социал-демократы* и т. п.).

Третье условие актуализации семантики мотивирующей базы — насыщение текста одноструктурными словами, сопровождающееся логическим подчеркиванием, сопоставлением мо-

тивирующих их слов. Ср.: *Я вижу у вас мини-капитализм?— Нет, у нас мини-здоровый смысл; Супермаркет против суперистребителя* (Лит. газ.).

Если в подобные условия попадают синтаксические дериваты, то актуализируются не их непосредственные мотиваторы, а значения корней. Так, в высказывании *Журналы «Текст» и «Урал» должны разделиться, но сосуществовать именно под одной крышей. Раздел, но без разъезда* (Лит. газ.)— сопоставление дериватов *раздел* и *разъезд* приводит к актуализации значений прежде всего непронизводных глаголов *делить* и *ехать*, значения же омонимичных приставок (*раз-* в *раздел* передает значение совершенного вида: *делить* — *разделить*; *раз-* в слове *разъезд* является частью конфикса *раз-* -ся, указывающего на то, что перемещение происходит из одной точки в разные стороны: *ехать* — *разъехаться*) выступают фоном для такой актуализации.

Четвертое условие — для сложных слов можно выделить еще одно условие актуализации семантики производящего — употребление сокращенной части композита как самостоятельной лексической единицы: *Привилегии отравляют моральный климат общества. Спецмагазины, спецстоловые, спецполиклиники и прочие «спец» — это антиподы истинного социализма* (Аргументы и факты).

Значение словообразовательного средства актуализируется в тех случаях, когда контекст обладает несколько иными особенностями.

1. Это происходит, прежде всего, в том случае, если аффикс в данном тексте употребляется как самостоятельное слово или независимо от корня: *Ты пересолила суп? — Скорее недо-, [4]; Одни голосуют прилежно — им трудно, коровы их ждут; другие толкуют неспешно, привычные речи ведут. О планах, которые пере-, о сроках, которые до-, о завтрашнем дне увере- и единодушно одо-* (митинг в Свердловске).

2. Словообразовательная семантика выступает на первый план, если в тексте употребляются слова с семантически сопоставимыми аффиксами: сопоставление может идти по типу антонимии, паронимии, синонимии и на любом другом основании (см. приведенные выше примеры: паронимическое сопоставление в паре *подножье — подножка*, антонимичное противопоставление *пересолить — недосоли*ть и т. п.).

Повтор слов с одной морфемой приводит к актуализации ее значения в том случае, если мотивирующие базы одноструктурных дериватов логически не противопоставлены. Так, в тексте *Нас [Россию] выбрасывают из развития, выталкивают из мирового процесса, лишая возможности быть на равных в техно- тронной цивилизации XXI века* (Лит. Россия) — актуализируется значение приставки *вы-* — «удалить(ся), выделить(ся) из чего-нибудь посредством действия, названного мотивирующим гла-

голом» (РГ-80); в тексте: *Кажется, что на наших глазах совершается грандиозное предательство..., когда рассекают, разрывают, уничтожают наше государство — Советский Союз* (Лит. Россия) — значение приставки *раз-/рас-* — «направить в разные стороны, разединить с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» (РГ-80); в тексте: *Заграница может приодеть и приобуть, но ей не под силу сделать нас там другими* (Известия) — значение приставки *при-* — «действие, названное мотивирующим глаголом, совершить с незначительной интенсивностью, не полностью» (РГ-80).

3. Использование в тексте большого количества одноструктурных слов, образованных по одной словообразовательной модели, может привести к употреблению последней как самостоятельной единицы, участвующей в текстообразовании. Это также актуализирует семантику, передаваемую в деривате словообразовательными морфемами. Например, в предложении: *...н еискушенное, н еопытное, н незрелое, н е... н е... н е... сознание подростка — куда ему тягаться с духовным богатством, которое должно наличествовать у взрослого человека?* (Ровесник) — актуализируется словообразовательная модель «прилагательное + не = прилагательное со значением отрицания того свойства, качества, которое названо мотивирующим словом».

Актуализация словообразовательной модели и ее значения может быть положена в основу целого художественного произведения. Так, стихотворение В. Перелешина, написанное в Рио-де-Жанейро (1972 г.), построено на обыгрывании словообразовательной модели существительного с конфиксом *за- -j(e)*: *За свечой — в тени — За свечье, / За шестком — в углу — За печье, / За спиной — ничком — За плечье, / За рекой свистком — За арчье, / За болотье, За адубровье, / За озерье, За островье, / За абайкалье, За ангарье, / За абурунье, За аполярье, / За амурье, За аонежье, / За аграничье, За арубежье, / За абездомье, За аизгнанье, / За авеликоокеанье, / За абразилье, За апланетье, / За двадцатое-столетье* (Огонек). Постепенная замена мотивирующих на все более нетрадиционные, неuzuальные позволяет проследить судьбу изгнанника-эмигранта, растущее чувство одиночества, оторванности от родины, тоску по ней. В подобных случаях актуализируется семантика не только словообразовательной модели, но и заполняющих ее мотиваторов.

4. Словообразовательное значение актуализируется заменой в контексте одного значения полисемантического аффикса на другое. Так, глагол *перемотать*, по данным словарей новых слов и значений, приобрел значение «намотать больше, чем следует» вместо узуального «смотать на что-либо другое», так как первое словообразовательное значение приставки *пере-* — «действие, названное мотивирующим глаголом, направить из одного места в другое» (РГ-80) было заменено в контексте на

значение «совершить действие с нежелательно большой интенсивностью».

5. К актуализации значения словообразовательного средства приводит употребление узуального производного с незузальным аффиксом: происходит как бы замена аффикса на синонимичный в результате оговорки или сознательной установки на языковую игру. Например, *впритычку* вместо *впритык*, *забегалка* вместо *забегаловка* (примеры Н. Д. Голева), *внаклонку* вместо *внаклон*, *интрижница* вместо *интриганка* [4] и т. п.

Актуализация идиоматичных компонентов семантики производного слова обычно происходит при следующих условиях.

1. Производное образовано с помощью деривационного средства с вариативным — предельно обобщенным, абстрактным — значением, которое конкретизируется во внешнем или внутреннем контексте деривата и поэтому в конкретном производном «обрастает» множеством дополнительных сем, обуславливающих фразеологичность семантики мотивированной лексемы. Идиоматичные компоненты значения, как правило, эксплицитно представлены в контексте и составляют ту пресуппозицию, знание которой необходимо для адекватного восприятия данного деривата. Так, словарное значение прилагательного *чайный* складывается из значения деривационного суффикса *-н-(ый)* — «имеющий отношение к тому, что названо мотивирующим существительным» и значения мотиватора *чай*. В тексте: *В партии чая номер тридцать шесть производства комбината «Адиши» (Зугдиди) действительно в отдельных пакетах вместо чая грузинского плюс индийского, как полагалось по рецепту, был обнаружен грузинский плюс... цезий-137 и 134... Чтобы до конца прояснить «чайное» происшествие, пришлось обращаться за помощью в Институт геологии и геофизики СО АН СССР (Известия)* — значение прилагательного *чайный* фразеологизируется: *чайное происшествие* — это происшествие, связанное с обнаружением в чае, привезенном из Грузии в Новосибирск для продажи, радиоактивных элементов (выделены идиоматичные компоненты значения, «выводимые» из контекста).

Идиоматичные компоненты значения существительного *румынизация* также эксплицированы в контексте и тем самым актуализированы для воспринимающего: *Как элемент тактики воспринимались настойчивые разговоры, то в одной, то в другой группе собравшихся на митинг в Свердловске о румынизации обстановки: добиться радикальных перемен не за 6 лет, отмеренных правительственной программой, а за 5 дней* (На смену!).

2. Актуализация фразеологической части значения производного происходит в том случае, если дериват образован от производящего или соотносится с каким-либо мотиватором, имеющим социально-культурные или национальные компонен-

ты значения. Последние обычно лишь иносказательно, намеком обозначены в контексте, но не раскрываются, не эксплицируются полностью. Например, в высказывании: *Неделю я провел в Бразилии: «Сибириаду» сменила «Бразилиада»* (Лит. газ.) — для правильного понимания существительного *бразилиада* необходимо знание таких социально-культурных явлений советской действительности, как существование многосерийного фильма «Сибириада», посвященного истории Сибири, и показ телесериала «Рабыня Изаура», рассказывающего о рабовладельческом прошлом Бразилии. Идиоматичные компоненты значения существительного *Бразилиада* — многосерийный фильм «Рабыня Изаура», сопоставимый в некотором отношении с «Сибириадой» и т. п., — должны быть обязательно актуализированы в сознании воспринимающего для адекватного понимания высказывания.

Еще пример: *Просвета не было. Двадцать лет «бров ада» (от слова брови) аккуратно покрывали первые двадцать лет советского рока (можно считать, они ровесники с октябрьским Пленумом 1964-го) — и это, конечно, не шуточки* (Лит. газ). Существительное *бровада* невозможно понять, если не учитывать такой социально-культурной пресуппозиции, как наличие яркой черты во внешности Л. И. Брежнева — бровей — и особенностей времени правления этого советского лидера — периода застоя. Эти компоненты, а также потенциальные семы, естественно всплывающие по ассоциативной связи *бров адады с бравадой* (в данном случае можно говорить о намеренно ложной мотивации существительного *бровада*), составляют идиоматичный компонент текстового значения данного деривата. Именно они и актуализируются в данном высказывании.

В заключение хотелось бы сделать несколько замечаний:

1) все рассмотренные выше средства актуализации разных компонентов семантики деривата тесно взаимосвязаны друг с другом, что проявляется, в частности, в сосуществовании «разнонаправленных» средств в одном контексте и одновременной актуализации разных компонентов значения. Например, в пословице *Лучше недоспать, чем переест* используются глаголы с антонимичными приставками (*недо-* и *пере-*), что заставляет обратить на последние особое внимание. Одновременно логически противопоставляются значения глагольных корней (*спать* — *есть*), это приводит к актуализации значения мотивирующих единиц;

2) тесная взаимосвязь и зависимость друг от друга охарактеризованных выше средств обнаруживается и в том, что для актуализации семантики мотиватора или словообразовательного значения деривата (т. е. семантики, имеющей материальные средства выражения — морфемы) используются, в основном, однотипные приемы: повторы и разнообразные сопоставления морфем (корней или аффиксов), употребление корней

или аффиксов в качестве самостоятельно функционирующих единиц, «замена» значения мотиватора или деривационного средства. Способы актуализации идиоматичных компонентов значения, не имеющих материальных средств выражения, несколько иные: они связаны с особенностями семантики словообразовательного аффикса (деривационная морфема с вариативным значением) или мотиватора (наличие в значении последнего имплицитных сем национально-культурного характера);

3) несомненно, что описанные выше средства не являются закрытым списком условий фокализации морфемно-мотивационных особенностей производного слова. «Разнообразные потребности носителей языка в учете формальной стороны слов» при порождении текста требуют дальнейшего изучения [2, с. 165].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Блинова О. И. Явление мотивированности слов в собственно лексико-логическом аспекте // Вопросы сибирской диалектологии. Омск, 1976. Вып. 2.
2. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.
3. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1981.
4. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
5. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

Л. А. БЛИНОВА

Уральский технический университет

Н. А. КУПИНА

Уральский государственный университет

НРАВСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ В ЛЕКСИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ (по материалам современной публицистики)

Рассматривается лексическая представленность ведущих нравственных концептов (мораль, истина, духовность, гуманизм, совесть и т. д.) в современной публицистике.

Связь механизмов жизни и языка безусловна [1; 2]. Лингвистический, в частности лексический, анализ может дать многое для изучения природы внутреннего мира человека, его мировосприятия и мировоззрения. Предлагаемая вниманию читателя статья — попытка установить некоторые закономерности в

освоении и переосмыслении нашими современниками ведущих нравственных концептов.

Характерные для эпохи перестройки нравственные поиски щедро отражаются в языке публицистики и — прежде всего — в публикациях, исследующих причины духовного кризиса. Мы представляем итоги анализа словоупотреблений, связанных с обозначением, интерпретацией, оценкой нравственных концептов. Источники материала — газеты и журналы 1989—1991 гг. Реализованный в исследовании принцип порционной выборки лексического фразового материала, как нам кажется, дал возможность отвлечься от точки зрения отдельного автора, редакции и выявить определенные тенденции в осмыслении различных граней нравственного.

Отвлеченные нравственные понятия лексически определены, что отражается в комбинировании противопоставленных функционально-парадигматических рядов¹:

— наименования общечеловеческих духовных ценностей:

- 1) нравственность, мораль, этика;
- 2) правда, истина;
- 3) духовность, дух, душа;
- 4) гуманизм, человечность;
- 5) совесть, совестливость;
- 6) счастье;

— наименования общих антинравственных категорий:

- 1) безнравственность, аморальность;
- 2) ложь, обман, вранье, лицемерие, лесть, коварство, фальшь, фальсификация;
- 3) бездуховность;
- 4) дегуманизация, бесчеловечность;
- 5) бессовестность;
- 6) несчастье.

Смысл каждого существительного в текстах многократно уточняется более конкретными по семантике однокоренными образованиями. Например: *ложь* — *ложный*, *лживый*, *лгать*, и др. Таким же образом ряды имен существительных получают парадигматическую конкретизацию в виде рядов однокоренных прилагательных, наречий, глаголов. Паронимическая конкуренция не отличается однонаправленностью. Так, *нравственность* обладает меньшей частотностью, чем *нравственный*; *правда* — большей частотностью, чем *правдивый*, *ложь* — большей частотностью, чем *лгать*, *лживый*, *ложный*.

Главный вид внутрипарадигматической связи — синонимия: *гуманизм* — *человечность*; *безнравственность* — *аморальность* и др. Соответственно становление нравственного концепта осуществляется в ряду логически однородных концептов.

¹ Расширение выборки может дать количественное увеличение рядов, но не изменение принципов комбинации элементов.

Главный вид межпарадигматической связи — антонимия. Соответственно главный способ освоения нравственных концептов — оппозиционный, антонимический. Левая (с положительной оценкой) и правая (с отрицательной оценкой) стороны оппозиции с лексической точки зрения не всегда равновелики. Ср. *духовность, дух, душа — бездуховность; правда, истина — ложь, обман, вранье, лицемерие, лесть, коварство, фальшь, фальсификация*. В первом случае замечаем разветвленность левой, во втором — гипертрофию правой стороны противопоставления. Для осмысления смыслового и концептуального противоречия не требуется обязательной реализации в речи антонимической пары. Достаточным является наличие аксиологически несоответствующего контекста, весьма типичного для публицистики [1; 4]. Например: *На совести охламон (увы!) не только мрачные конфликты прошлого*. Грубо-просторечное наименование глупца и бездельника *охламон* содействует ироническому восприятию концепта *совесть*, ибо *охламон* лишен чувства ответственности за свои поступки. Ирония обеспечивает имплицитное присутствие объекта, противоположного прямо именованному, восполняет отсутствие лексического антонима.

Остановимся на центральных лексических противопоставлениях, представляющих в текстах публицистики нравственные концепты.

1. В границах головного ряда *нравственность — безнравственность* бесприставочные образования вытесняют приставочные. Доминанта — существительное *нравственность* — и его функциональный заменитель *этика* уступают по частотности однокоренным прилагательным, хотя и употребляются достаточно активно. Напротив, существительное *мораль* употребительнее прилагательного *моральный*. Логически и синтаксически однородные контекстные партнеры отбираются в соответствии с языковыми лексическими нормами². Например: *Академик Лихачев ставит вопрос иначе, рассматривает проблему экологии с точки зрения нравственности, под знаком философии, этики; Сегодня наука напрямую сталкивается с проблемами нравственности, этики; Фонды и распорядители счетов поощряют отечественную культуру и нравственность*. Приведенные и подобные им контексты поддерживают логическое и акциональное содержание самого концепта, соответствуют этому содержанию. Очень характерно, что синтаксически однородный ряд, в котором реализуется концепт *нравственность*, может содержать неоднородные элементы, захватывающие сферу реальной жизни, при том что речевой по-

² Норма понимается как реализация возможностей языковой системы. В данном случае имеются в виду возможности языковой лексической парадигматики (см. [5; 6]).

крывает контекст социальный: *Мы сейчас все на свете ищем: мыло, нравственность, политические идеи, колбасу, решения по национальному вопросу, железнодорожные билеты, школьные тетради, а когда ищется все на свете, поиск идет не столько по законам логики, сколько наудачу, по праву чувства и предчувствия.* Подобные употребления акцентируют имеющую место в реальной действительности вульгаризацию нравственного, вытеснение нравственных концептов насущными материальными реалиями. Так возникает аксиологически несоответствующий фразовый контекст, создаваемый также парадоксальной лексической сочетаемостью, наличием в пределах фразового окружения единиц с семами отрицания, деформации, разрушения, болезни: *дистрофия нравственности, разрушена вековая этика, воровская мораль, моральный кризис, моральный недуг, традиции этики прервались* и др.

Существительное *нравственность* употребляется с атрибутивными уточнителями. Важным оказывается противопоставление *общественная нравственность — личная нравственность*. Интерпретация общественной нравственности осуществляется в двух основных сферах — национальной и религиозной. Это находит непосредственное отражение в лексической сочетаемости: *общественная нравственность, национальная нравственность, нравственность русского народа, христианская нравственность*. Мысль об отсутствии общественной нравственности передается парадоксальными атрибутивными сочетаниями (*рыночная нравственность*).

Смысл «личная нравственность» реализуется при поддержке существительных со значением лица: *нравственность — человека, лидера, поэта*. В оппозиции *общественное — личное* наиболее тщательной разработке подвергается сфера общественного.

Прилагательные *нравственный, моральный, реже этический* употребляются в стандартных и нестандартных контекстах. В стандартных контекстах в большинстве случаев реализуется социально-конвенциональная сторона концепта и соответственно смысл «нормы, принципы поведения в той или иной области». Достаточно устойчиво употребляются сочетания с существительными, как правило, во множественном числе: *закон, норма, устой, право, основы, принципы, позиция ориентир* (ср. также отдельные нестандартные сочетания: *моральный императив, нравственное табу*). Акциональное и логическое содержание в контексте соотносятся друг с другом: *Вопрос о виновности и невиновности человека, о зависимости или независимости его нравственного поведения от общественной среды возник перед человечеством; Нравственное поведение — такое, которое соответствует моральным канонам, нормам*. Ряд стандартных контекстов переосмысливается. Так, официально-

деловые клише *морально-политическое единство, морально-политический облик*, приобретают иронический оттенок: *Настроение у пацанов, тот самый морально-политический облик*, который так оберегает военная цензура, находится на чрезвычайно низком уровне.

В нестандартных контекстах чаще всего акцентируется неправомерное вытеснение нравственности из ряда традиционных духовных ценностей. Актуальны смыслы: «нравственные деформации, перемены», «изменение нравственных норм» (*моральное, старение, моральная катастрофа, моральная демагогия, моральный недуг, нравственная хворь, нравственная болезнь*); «результаты нравственных деформаций» (*моральные последствия, моральные долги, морально-этический кризис, нравственное опустошение*); «препятствия к реализации норм морали» (*моральный террор, моральное сопротивление, нравственный тормоз*). Акциональный контекст не соответствует логическому содержанию концепта: *Моральная и социальная демагогия — излюбленная стихия чиновника и бюрократа, его, если хотите, Клондайк. Моральная демагогия — «рассуждения и требования, основанные на искажении морали».*

2. Осмысление нравственных концептов в границах ряда *правда — ложь* отличается лексически закрепленной *градуальностью*: *Воспитываются свои журналисты, писатели, ученые, артисты и прочие «свои», знающие, чего от них хотят, готовые к полуправде, тенденциозности и откровенной лжи.*

В текстах публицистики оппозиция *правда — ложь* оказывается непреодолимой. Об этом свидетельствует не только ступенчатость ряда *правда — полуправда — ложь*, но и атрибутивные партнеры существительных в метафорических сочетаниях (*протухшая правда, припудренная ложь, трафаретная ложь*), а также контексты, имеющие темпоральные указатели с семей «длительный»³. Последние оказываются в тесной связи с концептом *ложь*: *Я о лжи, которой мы так долго все дышали. Наша воля атрофировалась, а в легких черной смолой осела повторявшаяся тридцать лет ложь.* Отметим также активизацию слов *правдоискатель, правдоискательский*. Производящий глагол *искать* передает значение неопределенности, сдерживающее преодоление оппозиции *правда — ложь*: *И если сегодня вернуть в строй тех немногих правдоискателей, уверен, картина внешнего благополучия на самом деле окажется иной; ...и его правдоискательская одиссея обрела... жутковатую хронологию.* Сглаживанию оппозиции содействует и фигура тождества в приложении к противопоставленным концептам: *Может быть, эта ложь, но симпатичная такая, похожая на правду.*

³ Уместно привести высказывание Н. Бердяева: «Проблему времени я считаю основной проблемой философии» [3].

Поиски правды осуществляются в русле христианской и национальной морали, что проявляется прежде всего в отборе лексических партнеров: *Мы растоптали и забыли все христианские истины; Кто истинно молится, тот возыскает Святую Русь, несовместимую с молитвой о гибели невинных людей; Наверное, не погрешу против истины, если скажу, что русская культура порой больше известна на Западе, чем в национальных республиках; Пейзажное мышление. Это более, чем образ Земли в душе, это способность к узнаванию в природе и перенесению в природу того, что я бы определил как национальный образ истины; ...границы великой истины о России и др.*

Обман как грань лжи — намеренная ложь — чаще всего интерпретируется по отношению к лицу (субъекту и объекту): *обман человека человеком, жителей, а также самообман, обманутый, заниматься самообманом, тотальный самообман: Общество похоже на обиженного и во многом изверившегося человека: обманутый любимой, такой человек перестает верить в любовь вообще, преданный другом — в дружбу, преследуемый неудачами — в успех.* Члены оппозиции социальное — личное уравниваются по аналогии с механизмами намеренной лжи.

Резко отрицательное разговорное наименование намеренной лжи *вранье* употребляется в более отвлеченном смысле, который усиливается контекстными интенсивами. И в данном случае важен национальный фон: *Все мы так устали от скрытой «остроты» национального вопроса, от утомительного вранья и умалчивания, от простых провокаций на эти темы, что и говорить неохота.*

Таким образом, при осмыслении намеренного обмана оказываются существенными позиции субъекта и объекта лжи (человек, общество) и интенсивного отвлеченного действия. Возможно совпадение субъекта и объекта.

Смысл «порочающая кого-либо ложь» манифестируется лексическим рядом с доминантой *клевета*. В данном случае отмечаем фразовое уточнение объекта лжи как жертвы клеветы. Жертва клеветы — одновременно и жертва тоталитарной идеологии. Обобщенность объекта-лица подчеркивается субстантиватом: *Возвращая долги оклеветанным, незаслуженно забытым и униженным, наше общество пробует очиститься, сбросить невероятный груз вины перед теми, кому пришлось страдать из-за неподходящего происхождения, имени, родства или пункта в анкете.* Пограничные концепты — вина, долг, покаяние.

Переосмыляется известный штамп *клеветать на действительность*: *Здесь авторы не клеветают на действительность, не сгущают краски: к середине 80-х годов разрыв отцов и детей принял даже агрессивный характер.*

Близкий к описанным смысл «намеренная подделка, искажение» передается отвлеченным именем *фальсификация* и родственными словами: позицию объекта занимают неодушевленные существительные (*фальсификация дел, документов, результатов* и др.). В текстах вырисовывается ролевая социальная позиция *фальсификатора*: *Ведь черные дела никогда не отмоешь добела, как бы ни тужились это сделать разного рода фальсификаторы.*

Контексты, актуализирующие смысл «клевета», соединяют социальные и личностные аспекты нравственности, а само понятие *клевета* расширяет свое содержание «порочащая кого-либо, что-либо идеологизированная ложь».

Освоение концептов *правда — ложь* сопровождается интерпретацией *лицемерия* как социального идеологического явления. Интересно, что лицемерие, как правило, не связывается с поведением отдельного лица, а приписывается в целом или типовым представителям классов, партий, политических течений (*большевики, коммунисты, популисты, так называемые демократы, правительство* и др.). Для обозначения этого понятия активно используются существительные *лицемерие, лесть, коварство, фальшь* и однокоренные образования.

В лексическом окружении отмеченных сигналов лицемерного регулярно актуализируется сема «идеологический»: *Социалистический образ жизни означает универсальность, принудительность и лицемерие ритуалов.* Ср.: *лицемерная идейность, фальшь идеологии.* В приведенных фразах ощущается своеобразная метонимизация значения. Конкретное лицо как бы исключается из ситуации, акцентируется моральный результат многолетнего притворства, прикрывающего идеологические цели. В аналогичном метонимическом значении употребляется и существительное *фальшь*: *Русская жизнь и русская культура — это не невзоровская скандально-уголовная хроника «600 секунд», которая пытается доказать, что все вокруг фальшь, гниль и распад.*

Укрупняется, социологизируется объект лицемерия (*лестить народу, рабочему, студентам, молодежи* и др.).

3. В ряду *духовность — бездуховность* наиболее активным оказывается левый член оппозиции.

Духовность противопоставляется материальному потребительству и интерпретируется как традиционная национальная ценность. В речевые контексты включаются слова *русский, Россия, национальный, история.* Например: *Мы делаем все, чтобы забыть исторический опыт духовности России и торопливо идем в тупик; От русских много ждут, ждут нового уровня духовности.* Духовность толкуется как благоприятная среда нравственного возрождения. Отметим в этой связи метафоры *озон духовности, аура духовности.*

Наиболее устойчивый логический однородный ряд — *духов-*

ность, культура, бескорыстие, вера. В ряду этих понятий мыслится существование духовности, которая воспринимается в развитии, в перспективе роста. Распространены сочетания *развитие духовности, рост духовности, уровень духовности.* Например: *Наличие частной собственности имеет ключевое значение для повышения, как это ни странно, уровня духовности.* Само существительное *духовность* употребляется в аксиологически несоответствующих и соответствующих контекстах. Последние преобладают.

В наших материалах широко представлено прилагательное *духовный*, конкретизирующее концепт *духовность*. Прилагательное и соответствующее субстантивированное существительное выделяют сферу духа в отдельную, самостоятельную, противопоставленную сфере материальной. Устойчиво употребляются сочетания *духовный мир, духовная сфера, духовная среда, духовная жизнь, духовный опыт, духовная культура, духовные понятия, духовный смысл.* Духовное воспринимается как нечто насущное, жизненно необходимое для статуса человека. Последнее выражается словосочетанием с достаточно общим смысловым наполнением *духовные потребности* и сочетаниями, в том числе метафорическими, с более конкретным смыслом: *духовная пища, духовная жажда.* Духовные потребности исследуются в многообразных связях и отношениях с интеллектуальными конструктами (*духовное сознание*), эмоциональной деятельностью (*духовные муки, страдания, наслаждения*) и рассматриваются как условие благополучия личности и общества (*духовное здоровье, духовное удовлетворение*).

Духовное мыслится в контексте исторического времени (*духовная связь времен, духовные традиции, русская духовная история, духовные типы цивилизации*). Категория духовного разрабатывается в непрерывном развитии. Не случайна тенденция к сочетаемости с отглагольными существительными, сохраняющими семы процессуальности и неопределенности: *духовное созревание, рост, строительство, совершенствование.* Не менее важна возможность сочетаемости с отглагольными существительными, сохраняющими в своей семантике семы процессуальности и предельности: *«духовная победа, духовное достижение; духовная потеря, утрата.*

В контексте акцентируется позиция лица как носителя и пропагандиста духовности. Активны сочетания *духовный учитель народа, духовный вождь, духовный лидер, духовный наставник.* Нами зафиксировано метафорическое сочетание *духовный маяк.* Как правило, видовое наименование лица и собственное имя современного духовного лидера не называются. Текстуальная модальность здесь тяготеет к модальности возможности, желательности. Реальная модальность возникает лишь при интерпретации исторического прошлого: *В России роль духовных учителей выполняли фигуры светские —*

поэты и писатели. Употребление собственных имен рядовых людей, обладающих особой духовностью, нетипично.

В акционально несоответствующих контекстах, уступающих по количеству акционально соответствующим, развиваются смыслы, связанные с затруднениями развития духовности, духовного потенциала общества (*духовный кризис*), разрушением духовных ценностей (*духовная разруха, полное расстройство духовных связей, рвать духовные связи*), лишениями (*духовные утраты, потери*). Нередко контекст сочетает ряд таких отрицательных смыслов: *Разрушение и упадок русского национального пейзажа — следствие духовного кризиса, постигшего все общество.*

Для разработки публицистикой концепта *духовность* немаловажно философское осмысление психической способности как стимулятора психической деятельности человека, его внутреннего состояния. Эти смыслы покрываются существительными *дух, душа*. Как свидетельствуют наши материалы, *дух, душа* трактуются прежде всего собирательно, глобально, как нечто такое, что присуще вообще русскому человеку, русскому обществу. И снова философская категория времени выступает в роли экрана философского видения русского духа и русской души: *Выявляется болезнь времени*; *Выявляется подмена цели средством, потенциала духа — особенностями быта*. Ср. также сочетания *национальный дух, подвиг духа, сила духа, душа народа, душевные силы* и др.

Акционально несоответствующие контексты встречаются редко и передают идеи разрушения, деформации: *коррозия души, тотальная люмпенизация духа.*

Слово *бездуховность*, прямое наименование отсутствия духовности, употребляется значительно реже, чем его антоним. Это восполняется акциональным несоответствием контекстов и единиц, входящих в гнездо «дух». Бездуховность мыслится как социальное явление, охватившее все наше общество: *Вульгарность и бездуховность наших будней вторгается в наши праздники. Россия гибнет, русская культура лежит в развалинах, русский народ впал в одичание и погряз в бездуховности.* Бездуховность мыслится как нравственная болезнь настоящего момента, не соответствующая истинному облику русского народа.

В нравственных исканиях публицистов духовное (внутреннее, идеальное, вечное), не противопоставляется прямолинейно бездуховному (внешнему, материальному, сиюминутному), а как бы вводится во внешнее, поглощается этим внешним, уравнивается с ним или отделяется от него.

4. Ряд *гуманизм — бесчеловечность* представлен в наших материалах довольно узко. Лексические сигналы концепта: *гуманизм, гуманный, гуманистический, гуманизированный, высокогуманизированный, гуманист, человечность — дегуманиза-*

ция, бесчеловечный, бесчеловечность. Осмысление концепта гуманизм проходит в русле традиций. Толкование составляющих концепта не противоречит словарным определениям, не расширяет, не сужает и не специализирует эти определения. Концепт осознается на фоне исторического прошлого (*гуманистические традиции*) и в исторической перспективе (*Будут поставлены под вопрос перспективы подлинно гуманистического прогресса*).

Словосочетание *гуманизированный (гуманный) социализм* употребляется в аксиологически положительных контекстах в ориентации на будущее: *Выскажутся ли эти народы за настоящий гуманизированный социализм, которого у нас еще не было?* Ср. также: *Курс на гуманный социализм оправдан*. В ряду случаев данное словосочетание приобретает иронический оттенок (так называемый «гуманный социализм»). Аксиологическая определенность указанного словосочетания отсутствует по причинам, уходящим в политику: оценка находится в прямой связи с политическим мировоззрением автора речи.

Концепт *гуманизм* толкуется с привлечением категории лица как активного носителя гуманистических идей, традиций (*великий гуманист Толстой* и др.).

Понятие *гуманизм* употребляется в одном ряду с такими понятиями, как *демократия, интернационализм, социальная справедливость, перестройка*. Налицо связь нравственного концепта с политическими категориями.

5. В ряду *совесть — бессовестность* активнее левый член оппозиции, лексически представленный названным существительным и однокоренными образованиями *совестливый, совестливость, совестный*. Концепт *совесть* чаще всего употребляется в одном ряду с другими нравственными концептами (*душа, добро, честь, милосердие, правда, согласие*), с эмоциональными категориями (*спокойствие, страх, тревога, неуверенность*). В противоборстве нравственного и политического, идеологического побеждает нравственное (*диктат совести над любой партийной униформой*). Об этом свидетельствует и ироническое употребление известного лозунга-цитаты: *Или такая вот загадка. Воспылал вдруг неприязню наш народ к своим уму, чести, и совести; Непростое это чувство, когда ты видишь такое количество людей ожесточенных, взывающих, требующих возвращения догматизма, когда кажется тебе, что ты разглядываешь съезд сквозь реликтовое наслоение — ум, честь и совесть эпохи*.

Концепт *совесть* связывается с лицом вообще (*человеческая совесть*), с социальным статусом человека (*гражданская совесть*), с политической принадлежностью (*партийная совесть*). Совесть осмысливается как национальная черта личности (*Русский человек часто губит себя из-за повышенной совест-*

ливости) и как черта общечеловеческая (*Совесть, честь, милосердие были, есть и всегда будут присущи всем порядочным людям любой национальности*). Личная нравственная ответственность регулярно связывается с честной работой (*работать не за страх, а за совесть; работать в согласии с собственной совестью*) и осознается как свободный выбор (*свобода совести*).

Бессовестность в публицистических текстах тенденциозно привязывается к государственным, партийным структурам и людям, которые их представляют: *бессовестность номенклатуры; бессовестность одного из наиболее симпатичных людей из окружения Горбачева; бессовестная логика ведомственных чинуш; партработники бессовестно врал и др.*

6. Ряд *счастье — несчастье* в наших материалах представлен ограниченно. Смысл «чувство, состояние полного удовлетворения» приобретает тенденцию к социальному укрупнению. Типовыми являются словосочетания *счастливое общество, счастье народа, счастье страны*. Категория *счастье* как бы примеряется к советскому человеку. В данном случае интерпретация проводится скорее с социально-политических, чем национальных позиций: *Советский человек только в борьбе обретает счастье свое; Окружение советского человека ему враждебно и еще до войны на картах плакатного назначения счастливый розовый цвет страны Советов многозначительно оттеняли оттенки коричневого*.

Акциональные контексты, как правило, не соответствуют концепту *счастье*: *Да, перестройка не создала нового, более счастливого общества*.

Категория *несчастье* также представлена в контексте политических событий и социально укрупнена: *Коммунизм, — скажут русские националисты, — не вина русского народа, а его несчастье; По-прежнему раздирает страну гражданская война, которая и есть причина всех несчастий народа*. В данном случае, как правило, фиксируем акционально соответствующие контексты.

Мы рассмотрели нравственные понятия в шести концептуальных параллелях. Разумеется, границы нравственных поисков значительно шире, но они проходят на фоне отмеченных общих категорий. Лексический анализ вскрывает некоторые закономерности в освоении нравственных концептов. Нравственные искания в наши дни осуществляются в границах исторического времени и с учетом исторической перспективы. Интерпретация нравственности и ее составляющих находится в органической связи с национальными традициями русского народа и христианской морали.

Возрождение нравственности мыслится как возврат к основам христианской и русской национальной морали. Становление нравственных концептов сопровождается социологизирован-

ностью, приматом социального над индивидуально-личностным. Параллельно происходит переосмысление идеологизированных нравственных концептов, однако полного освобождения от идеологизированности не наблюдается. Каждый из противопоставленных концептов имеет прямое лексическое выражение и — дополнительно — ряд лексической поддержки (однокоренные образования, лексические синонимы), однако для интерпретации логического содержания нравственных категорий существенным оказывается аксиологически несоответствующий речевой контекст.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики — 1982. М., 1984.
2. Она же. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
3. Бердяев Н. Самопознание. М., 1990.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

М. В. ТРОСТНИКОВ

Московский лингвистический университет

МЕТАФОРА И. АННЕНСКОГО И А. ФЕТА

На основе широкого понимания природы метафоры сопоставляется образная организация поэтики А. Фета, завершающего «золотой век» русской поэзии, и И. Анненского, открывающего ее «серебряный век».

В лингвистике, литературоведении, критических работах да и в сознании рядового читателя два имени, вынесенные в заглавие статьи, часто встречаются вместе¹. Удивительное сходство творческой судьбы этих поэтов, признанных лишь в конце жизни и объявленных предтечами и пророками после смерти, общность метода, стиля, установленное статистиками совпадение тематических и ключевых слов их поэзии не могли не привлечь внимания [12; 13]. Неоднократно говорилось о романтизме Фета (А. Эгберг) и Анненского (Е. Беренштейн), об импрессионизме Фета (Б. Бухштаб) и Анненского (В. Корецкая), о колоризме их поэзии (Ст. Гиль), о музыкальности их лирики (Е. Эткинд) и т. д.

¹ Традиционно Анненский воспринимается больше как поэт XIX в., нежели как декадент: «Не высидал дома: Анненский, Тютчев, Фет» (В. Маяковский), однако в отличие от предшественников, завершавших своим творчеством один из этапов развития языка русской лирики, Анненский — основоположник языка поэзии XX в. (см. [7]).

Вместе с тем при очевидном сходстве поэтического мира Анненского и Фета язык их весьма различен. И наблюдаемые различия отражают более общие законы развития языка русской лирики.

Цель данной статьи — показать на ряде конкретных примеров некоторые типологические различия языка Фета и Анненского, выявив тем самым ряд черт, отличающих поэтику XX в. от поэтики XIX в., поэтику романтизма от поэтики декаданса, лирику «золотого века» русской поэзии, последним представителем которого был А. Фет, и лирику «серебряного века», одним из первых представителей которого был И. Анненский.

Поэзию часто называют «искусством метафор», поэтому именно особенности метафорики Анненского и Фета послужили материалом статьи.

Проблеме определения и классификации метафор посвящена огромная литература, одна библиография по этой теме способна составить содержание нескольких кандидатских диссертаций. Однако во всех известных нам работах понятие «метафора» оказывается несколько суженным, ограниченным, в результате чего значительный класс явлений остается за чертой собственно метафоры, что не вполне справедливо.

В самом широком смысле под метафорой понимается система семантических категорий — определение, исходящее еще от Аристотеля, согласно которому метафора есть отнесение слова к чуждой ему категории. Тем самым исследователи метафоры фактически имеют дело только с единицами уровня значения, в то время как в поэтическом произведении образосозидающей и, следовательно, метафорообразующей, может стать единица любого уровня языка — от звука до сложного синтаксического целого. Следовательно, наряду с традиционно выделяемой семантической метафорой (проблема классификации видов которой — тема отдельной статьи) правомерно выделять метафору фонетическую, грамматическую (синтаксическую и морфологическую), стилистическую. Сказанное требует качественно иного, чем принятое, определение метафоры. Руководствуясь теоретическими разработками Е. Эткинда, можно определить метафору как образное взаимоотражение нескольких явлений, выражающих единую цельную сущность [10]. При этом под «явлением» понимается реальность любого уровня языка, непосредственно участвующая в создании символа, т. е. в вербализации или выражении глубинной сущности поэтического произведения. Крайне важно при этом отличать собственно метафору — троп, образность которого составляет внутренний смысл, содержание поэтического текста, от смежных явлений (аллитерации, ассонансы, окказионализмы и т. д.), образность которых как бы «накладывается» на глубинную образность произведения.

Проиллюстрируем сказанное примером из поэзии начала века. Так, *чуждый чарам черный челн* (К. Бальмонт), *Тонкими*

копытами лед колотят, / Тени по Литейному дальше летят (Н. Асеев), *По аллее проводят лошадок, / Длинные волны расчесанных грив* (А. Ахматова) и др. являются, с нашей точки зрения, примерами собственно аллитерации, поскольку в первом случае перед нами достаточно случайный подбор слов, во втором и третьем — звуковая «иллюстрация» к изображаемому. В то же время строки А. Ахматовой:

Тяжела ты, любовная память!
Мне в дыму твоём петь и гореть,
А другим — это только пламя,
Чтоб остывшую душу греть —

являются фонетической метафорой, поскольку звуковой строй этого стихотворения, ориентированный на губную артикуляцию звуков, входящих в состав ключевых слов текста, создает особую образную систему, параллельную семантической и текстовой ей равнозначную².

Разграничительная черта между метафорой и не-метафорой проводится, таким образом, на основании роли тропа в общей символической картине текста³.

Исходя из данного выше определения метафоры и приведенного обоснования этого определения, задачу нашего анализа можно сформулировать следующим образом: выявление образзосозидающей роли взаимоотражения фонетических, грамматических и стилистических языковых фактов в стихотворениях И. Анненского и А. Фета.

1. Фонетическая метафора

Слепцы напрасно ищут, где дорога,
Доверясь чувств слепым поводырям,
Но если жизнь — базар крикливый Бога,
То только Смерть — Его бессмертных храм.

А. Фет. Смерть

Золота заката розы,
Клонит солнце лик усталый,
И глядятся туберозы
В позлащенные кристаллы.

И. Анненский. Параллели

Четкая поляризация сущностей, лежащая в основе образной структуры стихотворения (*жизнь — смерть* у Фета, *я — не-я* у

² «Многие слова, часто повторяющиеся в творчестве Ахматовой, обладают типичной артикуляторной характеристикой — либо присутствием ударного [у], либо сочетанием других гласных с губными согласными: *пусто, любо, губы, мудры, смуглый, мутный... память, пламя, пышной, томиться, белой...* и т. д. Стих ее не столько моторен, сколько мимичен. Поэтому из согласных у нее сильнее ощущаются те, которые связаны с губной артикуляцией, то есть *п; б; в; м*» [9, с. 128—129].

³ Развиваемые в данной статье идеи о природе метафоры опираются на работы Р. Якобсона, Ю. Тынянова, Е. Эткинда; см. также [5].

Анненского) отображается как на семантическом, так и на структурном уровне. Противопоставление согласных по глухости/звонкости приобретает в приведенных контекстах метафорическую значимость. Особенно важны при этом антитезы з — с, д — т, б — п, к — г — у Фета; з — с — у Анненского. Звонкий согласный вербализует негативные стороны лирического бытия героя, глухой — позитивные (*жизнь — смерть; солнце — позлащенный; бессмертный, усталый — базар* и т. д.). Роль сонорных амбивалентна: р; л; м; н; к вступают в различные звуковые сочетания и поочередно сближаются с крайними полюсами основной антитезы стихотворения (*крикливый, слепой, кристаллы, розы*).

2. Морфологическая метафора

Шепот, робкое дыханье,
Треби соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

А. Фет. Шепот, робкое дыханье...

Как получу, мол, пенцию,
В Артуре стану бой.
Не то, так в резиденцию
Закатимся с тобой.

И. Анненский. Гармонные вздохи

Несмотря на то, что приведенные примеры не имеют, на первый взгляд, ничего общего, между ними можно установить глубинное типологическое сходство: в обоих случаях нарушаются языковые нормы с целью создания яркого, запоминающегося образа. Несхожесть примеров объясняется тем, что в приведенных стихотворениях нарушаются нормы различных уровней. Если Анненский для стилизации под речь малообразованного матроса нарушает узусные нормы управления, то метафора Фета значительно тоньше. Предугадывая будущие манифесты имажинистов, объявивших глагол «аппендиксом русской речи» (В. Шершеневич), Фет написал удивительно динамичное стихотворение, не употребив ни единого глагола⁴.

Выражение идеи действия при сознательном опущении глагола — части речи, основным грамматическим значением которой в русском языке является именно обозначение действия, имеет самостоятельную образность, не накладывающуюся на образность семантическую, и потому правомерно отнести примеры к разряду морфологических метафор⁵.

⁴ Ср.: *Где дикий крик безумной одноколки, / Где дикий крик безумного меня (В. Шершеневич).*

⁵ Подобный прием сопоставим с липпограмматическим стихом — сознательным опущением какого-либо звука в стихотворении, например, стихотворение Державина «Соловей», в котором отсутствует звук *р*.

3. Синтаксическая метафора

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатило над рощей немой,
Засветилось на том берегу.

А. Фет. Вечер

То-то вдруг по голым сучьям
Прозы утра, град шутих,
На листы веленьем шучьим
За стихом поскачет стих.

И. Анненский. Перебой ритма

Оба приведенных примера замечательны нетрадиционным синтаксическим строем. Нагнетание безличных предложений у Фета, предложений, грамматическая особенность которых заключается в выражении действия/состояния независимо от говорящего субъекта, позволяет выразить восходящую к Шопенгауэру идею отстраненности человека от событий, протекающих в этом вечном мире, где проходит его жизнь, слабости и ничтожности субъекта перед лицом величия бытия, независимости течения жизни от воли человека.

Анненский, сознательно запутывая тема-рематическое членение текста посредством инверсий и обособлений, добивается необходимого комического эффекта в «Трилистнике шуточном», из которого взят цитируемый отрывок.

4. Стилистическая метафора

Палимая огнем недвижимого светила,
Проклятый свой урок отлязгала кирьга,
И спящих грабаров с землею сколотила,
Как ливень черные, осенние стога.

И. Анненский. Июль. 2

Метафорический строй этого стихотворения определяется нарочитым сталкиванием в минимальном контексте слов с различной стилистической окраской. Первая фраза, содержащая такие реалии «высокой» поэтической речи, как *светило*, *недвижный*, *палимая*, резко контрастирует со второй строкой, включающей диалектизм *кирьга* («лопата»), семантически просторечное *урок* (в значении «норма дневной выработки»), экспрессивно-сниженное *проклятый*. Соседство диалектизма *грабарь* («землекоп»), фразеологического прозаизма *сколотить с землей* и традиционно-поэтического элегического клише *как ливень черные, осенние стога* представляет яркий пример «сталкивания различных языковых стихий» (В. Виноградов), которое создает в стихотворении второй уровень образности, позволяет чисто стилистическими средствами выразить основную идею стихотворения: вопиющее несоответствие между величием природы

и ничтожностью человека, между красотой земли и уродством жизни ее обитателей.

Метафоры такого типа в лирике Фета отсутствуют, что, как нам кажется, в первую очередь объясняется тяготением поэта к традиции стилистической «одномерности» поэтического текста, традиции, идущей от «теории трех стилей» Ломоносова. Кроме того, Фет как апологет «теории искусства ради искусства» (названной Анненским в речи о Достоевском «давно и всеми покинутой глупостью») не употреблял в своих произведениях лексики низких стилей речи, равно как и не затрагивал в своем творчестве социальной проблематики.

Таким образом, отсутствие стилистических метафор у Фета и достаточно большое их количество в лирике Анненского знаменует одну из вех процесса ломки традиционных поэтических воззрений в лирике конца XIX — начала XX в. Однако наиболее явно этот процесс обнаруживается при сопоставлении следующих стихотворений:

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Все невозвратнее тону.

А. Фет. На стоге сена ночью южной...

Ночь не тает. Ночь как камень.
Плача тает только лед,
И струит по телу пламень
Свой причудливый полет.

Но лопочут даром, тая,
Ледышки на голове;
Не припомнить им, считая,
Что подушек только две.

И что надо лечь в угарный,
В голубой туман костра,
Если тошен луч фонарный
На скользоте топора.

Но отрадной до рассвета
Сердце дремой залито,
Все простит им... если это
Только Это, а не То.

И. Анненский. То и Это

Приведенные стихотворения интересны тем, что в них выражена одна и та же идея — страх человека перед неизвестностью, перед вечностью — одна из основных в лирике и Анненского, и Фета, ср.: *Душа дрожит, готовы вспыхнуть чище, / Хотя давно угас весенний день. / И при луне на жизненном кладбище / Страшна и ночь, и собственная тень* (А. Фет. *Еще одно задумчивое слово...*); *Долог путь, да страшен жребий* (И. Анненский). Таким образом, между приведенными стихотворениями основное различие лежит исключительно в области плана выражения, что позволяет наглядно продемонстрировать разницу между метафорой постромантизма и декаданса.

Сложное, причудливое переплетение фактографического и символического планов (человек, отдыхающий в поле, и душа, соприкасающаяся с Абсолютом) у Фета может быть декодировано семантически, т. е. «принцип неопределенности», неотъемлемая черта любого стихотворения, у Фета выражен расчлененно: можно выделить каждый из имеющихся в стихотворении «планов», определить их взаимосвязь и взаимопроникновение, построить условную «лестницу смыслов» (Е. Эткинд) и, разложив стихотворение «по ступеням» этой лестницы, продемонстрировать как процесс образования сквозной метафоры текста, так и структуру собственно текста. Блестящим примером такого рода анализа является проведенный Е. Эткиндом анализ стихотворения А. Фета «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер» [10, с. 232—236].

Иначе говоря, метафора Фета остается метафорой семантической. Выделенные нами фонетические и грамматические метафоры у Фета входят в классическую триаду «образ — смысл — символ», что приводит к внутренней двучленности структуры метафоры. Строго говоря, ранее нам следовало говорить не о фонетических, морфологических и пр., а о фоносемантических, морфосемантических и т. д. метафорах, поскольку в традиционной поэтике (которую образно можно назвать «поэтикой рассудка») единицы различных языковых уровней участвуют в создании образа не непосредственно, а опосредованно — через внутреннее (ассоциативное) соотнесение формы со смыслом всего высказывания.

Метафору «новой поэтики», поэтики декаданса, можно назвать метафорой импрессионистической, поскольку она базируется на непосредственном восприятии образа, единовременном ассоциативном соположении различных реалий в едином целом. Для восприятия такой метафоры необходимо

прежде всего «увидеть образы», а понимание фразы вредит восприятию образов, заставляя забыть слова сами по себе... Можно даже сказать, что «магическая сила слова тем сильнее, чем более ослаблены логические связи, так что возникает необходимость вообще их упразднить» [11, с. 216—221].

Разумеется, в стихотворении «То и Это» можно обнаружить реальный, «фактографический» план и представить это стихотворение как описание реальных затуманенного сознания больного человека (ср. известную картину Э. Мунка «У постели умирающего»). Подобные попытки неоднократно предпринимались как в отношении Анненского [3], так и в отношении других поэтов, в частности, А. Рембо, провозгласившего принцип «слов, выпущенных на волю» (*les mots mis en liberté*) [6]. Однако такой анализ, как нам кажется, способен выявить лишь событийный, фабульный ряд поэтического высказывания, объяснить, что послужило непосредственным толчком к написанию стихотворения, или, выражаясь словами В. Ходасевича о Державине, пройти в обратном порядке путь творческого поиска, переосмысления действительности в образном мире поэта. При анализе же собственно поэтического текста как данности, а не процесса его порождения, такого рода анализ бесперспективен, так как перед исследователем в этом случае стоит вопрос не «что» и «почему» хотел сказать поэт, а «что» и «как» он сказал.

Метафору Анненского, таким образом, уже нельзя назвать семантической, поскольку смысл составляющих стихотворение слов сознательно нивелируется, отстраняется при порождении и восприятии метафоры такого типа⁶. Можно сказать, что приведенное стихотворение Анненского представляет собой единую нерасчлененную метафору, в которой одновременно соположены звук, смысл, ритм; болес того, они как бы «перетекают» друг в друга. В то же время «в буквальном смысле слова в языке нет имени тому, о чем идет речь, или существующее в языке имя не соответствует неповторимости описываемого явления, которое может быть охарактеризовано, но не может быть названо [2, с. 38].

Такую метафору, свойственную главным образом поэтике декаданса, мы предлагаем назвать лексической.

Термин «лексическая метафора» выбран нами по следующим причинам. Слово, согласно классическому определению А. Мейе, есть результат связи определенного значения с определенным звуковым комплексом, способным к определенному грамматическому употреблению [14]. Происшедшее в лирике модернизма слияние всех различных признаков слова, выделенных Мейе, привело к слиянию, уравниванию в правах грамматического

⁶ «Парадоксально, но именно желая восстановить смысл... текстов, экзегет их его лишает, ибо их смысл (обратный парадокс) как раз в том, чтобы не иметь смысла» [15, с. 252].

и лексического значений слова, к нивелированию различий между формальными и содержательными признаками слова, поскольку все они в поэтическом тексте становятся равно метафорой и символюобразующими. Впоследствии, когда с развитием модернизма возникла необходимость в отказе от членения текста на «слова» в лингвистическом смысле термина (В. Хлебников, А. Крученых, В. Шершеневич), понятие «текст» слилось с понятием «слово», что в определенной степени явило собой любопытный пример возврата к архаическому мышлению, когда понятия «слово», «предложение», «текст» выражались единым термином — «*λοῖος*» и, соответственно, функционировали в сознании носителей языка как нерасчлененное понятие. Анализ текста, таким образом, вновь стал анализом слова и наоборот.

Доминирование лексических метафор в текстах поэтов рубежа XIX—XX вв. приводит к размыванию категорий традиционной поэтики. Так, на место триады «слово — смысл — символ» приходит двунаправленная дихотомия «слово — символ» или, точнее, «знак — символ».

При этом коренным образом меняется понятие знака и понятие символа. Если для традиционной поэтики «знак» — в первую очередь «слово» (так как «поэзия состоит не из звуковых эффектов и глубоких мыслей, а есть искусство выбирать слова. Не идеями создается стихотворение, а словами. Вне слов в поэзии «чувств» или «мыслей» не существует» [8, с. 49]), то для «новой поэтики» само понятие «слово» становится избыточным. Так, в приведенном стихотворении Анненского отсутствуют слова в лингвистическом смысле этого термина и присутствуют глубинные знаки, указывающие на некоторые понятия.

Если к традиционной поэтике применимо виноградовское определение символа как «эстетически оформленной и художественно локализованной единицы поэтической речи» [1, с. 373—374], то для «новой поэтики» требуется более широкое, общеэстетическое определение символа как «принципа бесконечного становления с указанием всей той закономерности, которой подчиняются все отдельные точки данного становления» [4, с. 35].

Подведем некоторые итоги. Рубеж XIX—XX вв. — не просто время расцвета «серебряного века» русской поэзии, это период коренной ломки традиционных методов стихосложения, традиционной поэтики, переломный этап в развитии русского поэтического языка. Две фигуры в русской поэзии озаменовали переход от одной поэтической парадигмы (термин Ю. Степанова) к другой — А. Фет и И. Анненский. При всей общности их эстетических воззрений, этих двух поэтов разделяет главное — принадлежность к двум разным векам русской лирики. Параллельный сопоставительный анализ их стихотворений позволяет, как нам кажется, наглядно проследить скрытую динамику изменения русской литературы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградов В. В. Теория поэтической речи. М., 1976.
2. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
3. Кривич В. И. Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам // Литературная мысль. 1925. Вып. 3.
4. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
5. Метафора в языке и тексте. М., 1988.
6. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
7. Струве Н. Восемь часов с Анной Ахматовой // Ахматова А. Собр. соч.: В 2 т. Мюнхен, 1968. Т. 2.
8. Хетсо Г. Несколько замечаний о лексике стихотворений М. Ю. Лермонтова // Scando-Slavica. 1973. Т. XIX.
9. Эйхенбаум Б. М. О поэзии. М., 1969.
10. Эткинд Е. Г. Разговор о стихах. М., 1970.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

С. Д. ТОМИЛОВА
Уральский пединститут

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ СЕМЫ ГЛАГОЛОВ КАК БАЗА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРИЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Исследуются закономерности образования метафорических значений, в основе которых лежат семы, не зафиксированные в словарных толкованиях первичных значений глаголов.

Современные исследователи выделяют три основные группы семантических признаков, способных стать основой для вторичных значений: категориально-лексические (идентифицирующие), дифференциальные и ассоциативные [7; 8; 9; 10]. Так, из 10 зафиксированных в четырехтомном «Словаре русского языка» вторичных значений глагола *бросать* категориально-лексический признак ЛСГ «перемещение в пространстве»¹ актуализирован в четырех значениях, категориально-лексический признак лексико-семантической подгруппы «каузировать» актуализирован в шести вторичных значениях. Ассоциативные признаки, отсутствующие в толковании основного значения, отмечены в четырех толкованиях: «1. *перен.* *Быстро, небрежно* произносить, обращаться к кому-либо (слова, замечания, реплики) // *обычно безл.* *Сильно* качать, сообщать кому-, чему-либо резкие, беспорядочные движения; подбрасывать. 2. *Быстро* перемещать, направлять, посылать куда-либо. 3. *безл.* В сочетании с существительными *жар, дрожь, холод, пот* и т. д.: *внезапно вызвать состояние жара, дрожи* и т. п.»².

¹ Здесь и далее принадлежность глагола к ЛСГ (подгруппе) и категориально-лексические признаки определяются по [5].

² Здесь и далее все значения глаголов даются по [6].

В публикациях по регулярной многозначности основное внимание уделяется вторичным значениям, базирующимся на категориально-лексических признаках, тогда как вторичные значения, основанные на ассоциативных признаках, априорно квалифицируются как нерегулярные, находящиеся вне рамок системного исследования [2; 3; 4]. Позднее подобные вторичные значения были рассмотрены как соответствующие частным моделям многозначности и на этой основе также были отнесены к числу регулярных и, следовательно, нуждающихся в системном анализе.

Специальные наблюдения показывают, что можно говорить о двух типах актуализации ассоциативных признаков в семантической структуре. В первом случае актуализируются количественные компоненты семантики (степень проявления действия), во втором — качественные (оценка действия, отношение субъекта к действию, направленность на достижение результата).

Степень проявления действия связана с категориями интенсивности — экстенсивности. Следует отметить, что под термином «интенсивность действия» в данном случае понимается не только особая его энергичность, превышающая некоторую норму, но и «любые различия, сводящиеся к категориям количества, величины, силы, скорости и т. п.» [1, с. 202]. Таким образом, оказывается, что термин «интенсивность» может отражать разные признаки действия: при обозначении движения — его скорость, физического воздействия — силу, при передаче звуковой характеристики — его громкость, резкость, при характеристике эмоционального состояния — глубину чувств. В словарных статьях различные проявления интенсивности могут передаваться следующими словесными формулировками: «энергично», «громко», «с силой», «очень», «чрезвычайно», «до крайней степени», «чрезмерно», «быстро», «резко», «стремительно» и т. п. Передача количественных признаков при помощи такого рода слов — обычное явление. Значительно реже встречаются формулировки типа «неудержимо» (у глагола *закатиться* — «Разг. Разразиться смехом, закашляться или заплакать неудержимо»), «до блеска» (у глагола *драить* — «Чистить, натирать до блеска»), «в голос» (у глагола *выть* — «Прост. Плакать в голос»).

Противоположная категория глагольной семантики — экстенсивность действия, т. е. ослабление его силы и энергии. Выделяются следующие ассоциативные признаки, связанные с актуализацией экстенсивности действия: «медленно», «слабо», «тихо», «плавно», «постепенно». При исследовании вторичных значений, основанных на актуализации количественных компонентов, выявляется градация проявления действия, которую можно представить следующим образом: низкая степень — высокая степень — очень высокая степень. Так, при характеристике скорости движения будут выделяться следующие ассоциативные

признаки: «медленно», «быстро», «стремительно», а при характеристике степени физического воздействия — ассоциативные признаки «слабо», «энергично», «чрезмерно». Остановимся подробнее на специфике ЛСГ, для которых особенно характерна актуализация рассматриваемых признаков. У глаголов передвижения интенсивность проявляется прежде всего в скорости перемещения, поэтому признак «быстро» наиболее характерен для глаголов этой группы. Он актуализирован во вторичных значениях следующих глаголов: *бежать, катиться, дуть, летать, лететь, мчаться, нестись*. Так, у глагола *бежать* он отмечен в следующих толкованиях: «1. *Разг.* Быстро, поспешно идти куда-либо, откуда-либо. 2. Быстро передвигаться (о средствах передвижения); Быстро перемещаться, нестись (о дыме, облаках, тени и т. п.). 3. Быстро проходить, протекать (о времени). 6. Спастись (спасись) бегством; быстро отступить (отступить). 7. Быстро двигаться (о стрелках часов, каких-либо приборов, механизмов и т. п.)».

Реже этот признак бывает актуализирован во вторичных значениях глаголов вертикального перемещения: *сбросить* — «2. *Разг.* Быстрым или небрежным движением снять с себя (одежду, обувь и т. п.). 4. *Разг.* Быстрым движением или небрежно сложить куда-либо»; *вскинуть* — «Быстро, резким движением поднять»; *вскочить* — «2. Быстрым движением встать, подняться. 3. *перен. Разг.* Быстро возникнуть, вздуться (о синяке, прыще и т. п.)».

Очень высокую степень скорости движения характеризует ассоциативный признак «стремительно», который актуализирован во вторичных значениях следующих глаголов движения: *выкатиться* — «*шутл.* Стремительно, быстро выбежать»; *выметнуться* — «Стремительно появиться где-либо, выскочить, выбежать откуда-либо»; *вылететь* — «*перен. Разг.* Внезапно и стремительно выпасть откуда-либо, из чего-либо. 2. *перен.* Стремительно появиться, выбежать, выехать»; *вымахнуть* — «*Разг.* Стремительно, на скаку вынестись откуда-либо куда-либо. 2. Сильным стремительным прыжком выскочить откуда-либо куда-либо». Признак «стремительно» можно отметить и у глаголов проникновения субъекта куда-либо. Показательны в этом отношении вторичные значения глаголов *врезаться* — «2. *перен.* Стремительно проникнуть, ворваться (в толпу и т. п.)»; *вторгнуться* — «*перен.* Стремительно и внезапно проникнуть, наполнить собой (о чувствах, мыслях и т. п.)».

Говоря об экстенсивности действия (прежде всего движения), можно отметить ряд глаголов передвижения, которые имеют вторичные значения, основанные на актуализации малой скорости: *ползти* — «2. *Разг.* Очень медленно, с трудом идти, ехать, плыть; Медленно передвигаться, перемещаться в каком-либо направлении; Медленно двигаться, продвигаться, занимая собой какое-либо пространство (обычно о тучах, тумане, дыме

и т. п.). 4. Медленно идти, протекать (о времени). 5. Медленно стекать»; *тащиться* — «2. Разг. Идти, ехать медленно, с трудом»; *тянуться* — «7. Волочиться, тащиться вслед за кем-либо, чем-либо. 8. Двигаться медленно. 9. Распространяться медленно, слабой струей (о запахе, дыме). 10. Раздаваться, звучать (о медленной тягучей песне, мелодии)»; *волочиться* — «Медленно, с трудом передвигаться, двигаться, ползти». Как можно заметить, во вторичных значениях этих глаголов актуализирован признак «медленно».

Глаголам физического воздействия нередко присущ ассоциативный признак «энергично». Он актуализирован, например, во вторичных значениях глаголов *атаковать* — «перен. Разг. Действовать энергично, с напором, чтобы добиться чего-либо, получить что-либо и т. п.»; *драить* — «2. Чистить, натирать до блеска»; *рвать* — «Сильно, резким движением дергать. 2. С силой, рывками развевать, трепать (о ветре)».

Как очень высокую степень характеристики физического воздействия можно рассматривать признак «чрезмерно» в следующих глаголах: *зализать* — «2. Разг. Очень гладко прилизать. 3. перен. Излишне, чрезмерно отделать»; *взорвать* — «2. перен. Разг. Возмутить, крайне рассердить»; *драть* — «5. Прост. Брать, назначать за что-либо непомерно высокую плату, цену. 6. Разг. Скоблить, тереть изо всей силы. 7. Разг. Слишком сильно, чувствительно задевать поверхность чего-либо при соприкосновении, трении (о чем-либо шершавом, остром и т. п.)».

Категория экстенсивности у глаголов физического воздействия проявляется путем актуализации во вторичных значениях ассоциативного признака «слабо». В качестве примера можно привести такие глаголы: *трогать* — «4. Вызывать легкое движение чего-либо, оставлять мелкие следы на чем-либо при своем появлении»; *теплиться* — «Излучать слабый свет. 2. перен. Слабо, еле заметно проявляться, едва существовать (о жизни, чувстве, сознании и т. п.)»; *тлеться*; *тлеть* — «2. Гореть без пламени, слабо гореть. перен. Слабо, еле заметно проявляться (о жизни, чувстве и т. п.)».

Следующая группа ассоциативных признаков, которые особенно часто служат основой для формирования вторичных значений глаголов, связана с актуализацией качественных компонентов. В случаях, когда актуализируется отношение субъекта к действию, можно отметить следующие ассоциативные признаки: «тщательно», «небрежно», «незаметно», «тайком», «неумело», «решительно». Так, метафоризация глагола *дрожать* (ЛСГ состояния непокоя) основана, помимо всего прочего, на актуализации признака «тщательно»: «2. перен. Тщательно оберегать кого-либо, что-либо, заботиться о ком-либо, чем-либо». В глаголе этой же группы *возиться* также актуализирована сема «тщательно»: «3. Разг. Заниматься каким-либо делом, доставляющим много хлопот, труда, излишне медленно и кропотливо

делать что-либо; Уделять кому-, чему-либо много времени, внимания; много, долго заниматься кем-, чем-либо». Актуализацию противоположного признака «небрежно» можно отметить во вторичных значениях глаголов вертикального перемещения: *бросать* — «перен. Быстро, небрежно произносить, обращаться к кому-либо (слова, замечания, реплики). 3. Класть небрежно, не на свое место»; *валить* — «2. Разг. Небрежно бросать, беспорядочно складывать в большом количестве куда-либо»; *валить* — «Прост. Небрежно, в беспорядке бросать, перекидывать с места на место. 5. Прост. Делать что-либо быстро и небрежно, как попало»; *ронять* — «4. перен. Небрежно произносить». На актуализации семы «незаметно» основаны некоторые вторичные значения глаголов проникновения субъекта куда-либо: *забраться* — «Тайком пробраться куда-либо»; *вкрасться* — «Незаметно проникнуть, появиться (о мыслях, чувствах); закрасться»; 2. Оказаться где-либо, попасть куда-либо, будучи незамеченным (об ошибках, опечатках, неточностях)»; *просочиться* — «2. Незаметно и постепенно пробраться в глубь чего-либо». Этот же признак актуализирован и во вторичных значениях глаголов перемещения: *влезть* — «3. Забраться, попасть куда-либо тайком»; *подкинуть* — «5. Тайком подложить; тайком оставить где-либо, кому-либо (своего ребенка)»; *подбросить* — «5. Тайком подложить, тайком оставить где-либо кому-либо (своего ребенка)»; *стащить* — «2. Разг. Тайком вынуть; украсть, похитить».

Особого внимания в силу своего многообразия заслуживают вторичные значения, связанные с оценкой действия говорящим и чаще всего базирующиеся на таких ассоциативных признаках: «трудно» — «легко», «приятно» — «неприятно», «опасно», «необдуманно», «болезненно», «ловко», «неожиданно», «надоедливо», «настойчиво» и т. п. Так, сема «трудно» особенно часто бывает актуализирована во вторичных значениях глаголов перемещения и глаголов существования в пространстве: *тащиться* — «2. Разг. Идти, ехать медленно, с трудом»; *волочиться* — «Медленно, с трудом передвигаться, ползти»; *дотянуть* — «2. Разг. С трудом довести до какого-либо места, предела (самолет, автомобиль и т. п.); С трудом дойти, доехать, долететь куда-либо, до какого-либо места»; *висеть* — «3. Разг. Уцепившись руками, с трудом удерживаться на чем-либо»; *громоздиться* — «2. Разг. С усилием влезать и располагаться на чем-либо высоком».

В основе переносных значений глаголов передвижения типа *порхать*, *скользить* часто лежит актуализация признака «легко». Ср. соответственно: «перен. Легко и быстро передвигаться (ходить, бегать, танцевать, прыгать и т. п.)» и «2. перен. Легко и плавно двигаться, слегка прикасаясь к поверхности чего-либо, к чему-либо».

Основой для образования вторичных значений могут стать и противопоставленные ассоциативные признаки «приятно» — «неприятно». Так, сема «приятно» актуализирована во вторич-

ных значениях глаголов типа *баловать* — «2. Разг. Заниматься чем-либо ради удовольствия, обращать в забаву что-либо серьезное»; *гладить* — «2. Ласкать, легко проводя руками»; *витать* — «3. Отвлекаясь, отрываясь от окружающего, мысленно, мечтой уноситься куда-либо, быть где-либо»; *гулять* — «2. Разг. Быть свободным от работы. 3. Прост. Веселиться, развлекаться, кутить». Антонимический компонент глагольной семантики, сема «неприятно», актуализирован в переносных значениях глаголов типа *грызть* — «2. перен. Разг. Постоянно докучать придирами, бранью, упреками. 3. перен. Разг. Терзать, мучить, тревожить (о мыслях, чувствах и т. п.); *глодать* — «2. перен. Мучить, терзать (о чувствах)»; *есть* — «4. перен. Разг. Мучить, не давая покоя (о болезнях, заботе, тоске и т. п.). 5. перен. Прост. Попрекать, бранить, изводить, не давая покоя»; *душить* — «2. перен. Действовать угнетающе, мучить, тяготить (о мыслях, чувствах, переживаниях и т. п.)»; *жалить* — «2. перен. Задевать, ранить словами, колкими замечаниями; язвить»; *царапать* — «перен. Раздражать, задевать, вызывая беспокойство, обиду».

Ассоциативный признак «надоедливо» актуализируется во вторичных значениях глаголов типа *жужжать* — «перен. Разг. Надоедливо повторять, твердить что-либо»; *дудеть* — «перен. Надоедливо, однообразно повторять одно и то же»; *зудеть* — «перен. Надоедает, докучливо приставать с чем-либо»; *привязаться* — «3. перен. Разг. Пристать к кому-либо, надоедая, не оставляя в покое»; *прилипнуть* — «2. перен. Прост. Привязаться к кому-либо; перен. Прост. Пристать, закрепиться за кем-, чем-либо (о болезни, прозвище и т. д.)»; *пристать* — «3. Начать надоедать кому-либо чем-либо, начать обращаться к кому-либо с неотвязными просьбами, вопросами и т. п.»; *витья* — «Разг. Вертеться возле кого-, чего-либо, неотступно ходить за кем-либо, увиваться».

У глаголов следующей группы на первый план выходит не столько однообразие и надоедливость производимого действия, сколько упорство, настойчивость, с которыми его производят. Ассоциативный признак «упорно» лежит в основе вторичных значений глаголов типа *буравить* — «3. перен. В сочетании с существительными глаза, зрачки, взгляд: пристально и внимательно, не отрываясь смотреть на кого-либо»; *бомбардировать* — «2. перен. Разг. ирон. Донимать, не давая покоя»; *гвоздить* — «2. Прост. перен. Настойчиво твердить одно и то же или делать одно и то же»; *вдолбить* — «2. Прост. Многократным разъяснением и повторением заставить усвоить, втолковать»; *вколотить* — «2. Прост. Настойчиво повторяя, заставить кого-либо понять, усвоить, запомнить»; *заладить* — «2. Начать делать что-либо настойчиво, упорно»; *заклинать* — «2. Умолять кого-либо, настойчиво просить о чем-либо во имя чего-либо высокого, святого»; *допрашивать* — «2. Разг. Настойчиво расспрашивать о чем-либо» и т. п.

Следующая группа ассоциативных признаков характеризуется подчеркнутой направленностью на результат действия. Здесь можно выделить, прежде всего, семы «безрезультатно» и «бесцельно». Первая из них лежит в основе вторичных значений глаголов типа *выбросить* — «перен. Разг. Истратить, израсходовать попусту»; *выкинуть* — «перен. Разг. Истратить, израсходовать попусту»; *просвистать* — «2. Прост. Бесцельно, зря истратить, израсходовать». Вариантом рассматриваемого признака можно считать сему «бесцельно» в таких глаголах, как *болтаться* — «3. Прост. Проводить время зря, ходить без дела»; *шататься* — «4. Прост. Бродить без дела; болтаться, слоняться»; *гонять* — «2. Прост. Бегать, ходить где-либо без цели, праздно, длительное время (обычно о детях, подростках)»; *губить* — «перен. Бесцельно, без пользы проводить, тратить (время, деньги, силы и т. п.)»; *трепаться* — «3. Прост. Находиться где-либо без нужды, без дела, околачиваться».

Структура настоящей статьи такова, что в ней нет возможности характеризовать достаточно подробно другие ассоциативные признаки, лежащие в основе вторичных значений глаголов. Между тем следует заметить, что необходимо различать объектную и субъектную локализацию ассоциативных признаков: так, действие может быть неприятным как для субъекта (в переносных значениях глаголов типа *задержаться*, *закружиться*, *вскипаться* и т. п.), так и для объекта (во вторичных значениях глаголов *грызть*, *выкурить*, *затолкать*, *вымотать* и т. п.); оно может быть неожиданным как для самого производителя (ср.: *выпасть*, *запнуться*, *захлебнуться*), так и для внешнего наблюдателя (ср.: *грянуть*, *брызнуть*). Субъектную и объектную локализацию могут иметь также семы «приятно», «трудно», «легко» и другие.

Итак, наблюдения показывают, что существует определенная система ассоциативных признаков, способных стать основой для вторичных значений глаголов. В квантитативной группе противопоставлены различные степени экстенсивности — интенсивности действия. В группе качественных компонентов противопоставляются ассоциативные признаки, связанные с актуализацией отношения субъекта к действию, оценки действия и направленности действия на результат.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
2. Бахмутова Н. И. О типологии регулярных переносных значений глагола // Русский глагол в сопоставительном освещении. Волгоград, 1984.
3. Боровикова Н. А. Регулярная многозначность в лексико-семантических группах русских глаголов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1985.
4. Кузнецова Э. В. Два типа глагольных значений // Семантика и системность языковых единиц. Новосибирск, 1985.

5. *Лексико-семантические группы русских глаголов* / Словарь-справочник. Свердловск, 1988.
6. *Словарь русского языка*: В 4 т. М., 1981—1984.
7. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
8. *Чудинов А. П.* Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.
9. *Шершакова Н. Е.* Развитие метафорического значения глаголов // *Функциональная значимость слова в тексте художественного произведения*. М., 1983.
10. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

В. Д. ЧЕРНЯК
Российский педуниверситет

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СИНОНИМИИ И ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Исследуются проблемы развертывания в тексте синонимических и квазисинонимических рядов как средства выявления существенных свойств языковой личности.

Функционирование синонимов издавна привлекало внимание лингвистов, именно функциональные качества синонимов легли в основу их определений. Однако, как правило, все рассуждения строились на основе анализа отдельных высказываний. Новый этап изучения лексической синонимии настоятельно диктует необходимость обращения к тексту. Именно в тексте обнаруживается подлинное назначение лексических синонимов, выявляется их роль в организации текстового пространства.

Поскольку «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [8, с. 27], представляется актуальным решение вопроса о том, какую роль играют синонимы в текстовом воплощении языковой личности. Этот аспект исследования синонимии делает необходимым установление корреляции между синонимией словарной и текстовой; в частности, требуется учет реальной динамики синонимических рядов, далеко не всегда отражаемой синонимическими словарями, а также учет отношений между лексическим ядром, в первую очередь усваиваемым личностью, и периферией, зависящей от ядра и дающей полную языковую картину культуры [4]. Представляется справедливым замечание В. А. Гречко о том, что «синонимические ряды — это узлы перемещений и изменений языковых единиц, где в сложном взаимодействии и эволюции совмещаются в единстве и старые приобретения, и новые тенденции» [3,

с. 17—18]. Показателен в этом отношении синонимический ряд *босая — бродяга — оборванец — золоторотец — подзаборник — побродяга — шатун — лохмотник — зимогор* [10]. Большинство членов этого ряда находится за пределами даже пассивного словарного запаса современного носителя русского языка. Примечательна и характеристика общего значения, данная в словаре: «совершенно обнищавший, опустившийся, бездомный человек. Почти все эти слова в современном языке вышли из употребления, так как исчезло само явление» [там же]. То, что последнее утверждение составителей словаря не вполне соответствует реальности, доказывает весьма активное использование нового синонимического существительного *бомж*.

К. С. Горбачевич справедливо отмечает необходимость уточнения границы «живой» лексической системы современного русского языка. С его точки зрения, широкие границы «от Пушкина до наших дней» при обращении к синонимии неприемлемы. Он полагает, что помета «устарелое», применяемая в синонимических словарях, противоречит синхронному пониманию лексической синонимии [2]. Действительно, целый ряд слов, представленных словарем в составе синонимических рядов, в реальный круг лексических единиц, обеспечивающих свободу выбора современному носителю русского языка, не входит. Приведем несколько примеров: *пират — корсар — флибустьер; почталъон — писмоносец — почтарь; палка — палочка — трость — тросточка — клюка — клюшка — костыль — посох — посошок; фат (фертик) — хлыщ — хлыст* (в словаре отмечается, что в XIX в. в синонимический ряд входило и слово *пшют*); *сыщик — агент — шпион — шпик — филер — соглядатай* (примечательны отмечаемые в словаре хронологические рамки: «в дореволюционной России»); *тюрьма — темница — кутузка — каталажка* (отмечается, что в XIX в. употреблялись также синонимы *острог* и *каземат*); *кладбище — погост — некрополь — могильник; проигратъся — продутъся — профершпилиться*. Очевидно, что многие члены приведенных синонимических рядов, а иногда и ряды в целом являются фактами истории и с реализацией селективной способности говорящего мало связаны.

Имея в виду изменяющееся языковое сознание, многие современные лингвисты исходят из представления о современном языке как о реализующемся в языковых высказываниях в последние 50—60 лет [5]. Исходя из этого особое значение имеет привлечение для анализа современных текстов, связанных (в условных границах) с жизнью одного поколения. В связи с этим представляется важным замечание О. Л. Каменской: «Используя язык как систему, которую можно уподобить сложному лабиринту, лингвист стремится занять наиболее высокую точку зрения над этим лабиринтом, охватывая по возможности всю сложную структуру в целом. Носитель языка в реальном ком-

муникативном акте никогда не оперирует языком в целом, он находится внутри «языкового лабиринта». Поэтому при коммуникативном подходе к изучению текста «радиус языковой видимости» лингвиста должен быть уменьшен и тем самым приведен в соответствие с радиусом «языковой видимости» коммуниканта в конкретном акте речемыслительной деятельности» [6, с. 10]. С этих позиций словарная синонимия представляет радиус «языковой видимости», в известной степени абстрагированный от поля «языкового зрения» носителя языка, определяемого его социальными, профессиональными, возрастными особенностями, уровнем культуры, т.е. индивидуальным тезаурусом личности. Проблема синонимии органично связывается с оппозицией: словарь общенародного литературного языка — идиолексикон творческой личности — лексикон типичного носителя языка [11].

То, как осуществляет носитель языка выбор слова, свидетельствует о достаточно жестких рамках, задаваемых усредненным «языковым портретом» современника — типичного носителя языка. Показательно в этом отношении замечание Л. Я. Гинзбург о словоупотреблении 30—40-х годов: «Если, паче чаяния, кто-нибудь вам скажет — я был в *кинematографе* (или того лучше — в *синematографе*), вместо *кино*, то вы сразу поймете, что это ископаемая личность, которая не знает, чем Чаплин отличается от Макса Линдера». Слова *кинematограф* и *синematограф* в «Словаре синонимов русского языка» приводятся в справочной части словарной статьи к синонимическому ряду *кинотеатр* — *кино*. Очевидно, словарная синонимия не может в полной мере отразить те существенные коррективы, которые связаны с хронологическими рамками, ограничивающими синонимические средства, реально используемые одним-двумя поколениями. Обмен лексикона, колеблющийся от индивидуума к индивидууму, свободу в творческом выборе единиц из синонимических рядов Г. В. Колшанский относит к факторам, которые являются «привилегией человека в использовании языка» [9, с. 97]. Несовпадение тезаурусов языковых личностей, в том числе и индивидуальных запасов синонимических средств, может стать препятствием в речевой коммуникации, а в художественной литературе нередко обыгрывается как выразительный прием. Например:

— *Господи,— сказала Сельма.— А что же тогда здесь делать? И я щ и к а н е т...*

— *Какого я щ и к а?*

— *Ну, т е л и к а... Т В!..*

— *А-а... Да, это у нас планируется не скоро.*

— *Ну и тоска!..*

— *Можно п а т е ф о н завести,— предложил Андрей стеснительно. Ему было неловко. Действительно, что это такое — ни радио, ни телевидения, ни кино...*

— *П а т е ф о н? Это еще что такое?*

— Не знаешь, что такое п а т е ф о н? — удивился Андрей. — Ну гра м м о ф о н. Ставишь пластинку...

— А, про и г р ы в а т е л ь... — сказала Сельма без всякого воодушевления. — А маг н и т о ф о н а н е т? (А. и Б. Стругацкие).

В приведенном диалоге развертываются два ряда синонимов. Первый характерен для разговорной речи: *ящик* — *телик* (к нему подключается употребительная в официальной речи и публицистике аббревиатура *ТВ*). Примечательно, что все эти слова используются одним говорящим. Перебор синонимов имеет целью достижение взаимопонимания. Невосприятие переносного значения слова *ящик* демонстрирует неосведомленность собеседника. Контакт налаживается лишь при использовании официальной номинации. Второй синонимический, а точнее, квазисинонимический ряд представляет разные номинации аппарата для воспроизводства звука (ср. словарные толкования приведенных слов: *граммофон* — «музыкальный аппарат с рупором, воспроизводящий звук, записанный на особые пластинки»; *патефон* — «портативный граммофон без рупора»; *проигрыватель* — «электрический аппарат, устройство для проигрывания грампластинок»; *магнитофон* — «аппарат для записи звука на магнитную ленту или проволоку и последующего его воспроизведения»). Речь в текстовом фрагменте идет не столько о разных денотатах, сколько о своего рода «словарных приметах» разных поколений. В диалоге роли участников коммуникативного акта меняются. Свой коммуникативный вклад вносит второй собеседник, представляющий в фантастическом романе минувшую эпоху: он также перебирает близкие по значению слова, добиваясь наконец адекватного восприятия ситуации собеседницей. Правда, последняя ее реплика вновь возвращает к системе номинаций иной эпохи.

Итак, проблема синонимии, ее текстового воплощения оказывается органично связанной со способами воссоздания языковой личности в тексте. Языковая личность выступает как «многослойный, многокомпонентный, структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовности производить и воспринимать речевые произведения» [8, с. 70—71]. Функциональная взаимосвязь вербально-семантического и лингвокогнитивного уровней воплощения языковой личности заключается в том, что любой текст носителем языка «пропускается» через его тезаурус, соотносится с его знаниями, с индивидуальной картиной мира [8]. Обращение к конкретным текстам, прежде всего художественным, позволяет выявить ассоциативно-семантические сети, типичные семантические зоны и узлы связей. О. Л. Каменская отмечает, что при порождении текста носитель языка оперирует фрагментами тезауруса личности — файлами, в которых закреплены словесные ассоциативные связи. Релятивные файлы, «выражающие наиболее общие отношения внешнего мира», находят «воплощение в категориях синонимии и антони-

мии» [7]. Индивидуальный лексикон личности, непосредственно откликающийся на внешние воздействия, активизация индивидуальных файлов определяют характер лексического отбора, производимого говорящим. Носитель языка, имея в своем распоряжении широкий круг средств для выражения сходного содержания, нередко оказывается перед необходимостью альтернативного выбора: «акт предпочтения одного языкового средства другому — так же, как степень его осознанности, — это и есть сам говорящий, «образ автора» данного высказывания» [1, с. 19].

Степень свободы владения языком определяет также возможность оперирования синонимическими средствами, стилевой диапазон говорящего. Отбор синонимических средств активно используется в художественных текстах для создания речевых портретов, выразительных художественных образов. Нередко сопоставление или противопоставление даже двух слов-синонимов в минимальном текстовом фрагменте или в нескольких диалогических репликах служит действенным приемом создания речевого портрета, позволяет отразить разные точки зрения на ситуацию. Так, сопоставление нейтрального *украсть* и грубопросторечного *спереть* в приводимом ниже текстовом фрагменте отражает окрашенное юмором авторское восприятие неожиданной ситуации (совпадающее с коллективной точкой зрения) и серьезное, почти трагическое восприятие Станиславского:

Когда-то в Художественный театр пришел Рыков. Он тогда являлся Председателем Совета Народных Комиссаров. Разделился, как было заведено, в комнатке позади правительственной ложи. Просмотрев без скуки скучный спектакль, предсовнарком похлопал, сколько положено, в ладоши, поблагодарил исполнителей и стал одеваться. Глядь, а галош-то нет, сперли галоши. В уборных, плотно прикрыв двери, хохотали актеры. Администраторы растерянно бегали туда и сюда. А Станиславский, сжав ладонями свою голову земного бога, переживал комическое происшествие как великую трагедию. Он повторял и повторял:

— Какой позор! Какой позор! В Художественном театре у председателя почти всей России галоши украли!

Очень похоже на анекдот. Но это непридуманная правда (А. Мариенгоф).

Акцент, сделанный говорящим на осуществленном им выборе из нескольких альтернативных лексических средств, обнаруживает осознание им своей языковой личности, выявляет индивидуальную картину мира, систему ценностей. Приведем несколько текстовых фрагментов, демонстрирующих, как выбор синонимов характеризует языковые личности коммуникантов, выявляет авторскую точку зрения:

— А вы и не подозреваете, милый князь, — продолжал усмехаться Евгений Павлович, не отвечая на прямой вопрос, — вы

не подозреваете, что я просто пришел вас надуть и мимоходом от вас что-нибудь выпытать, а?

— Что вы пришли выпытать, в этом и сомнения нет,— засмеялся, наконец, и князь,— и даже, может быть, вы решили меня немножко и обмануть. Но ведь, что ж, я вас не боюсь... (Ф. М. Достоевский);

Воспламененное лицо Сологдина омрачилось:

— Вот так я и знал. Ты первый наскакиваешь на меня...

— По-моему, ты первый!..

— ...даешь мне всякие клички, у тебя их в сумке много: *мракобес! попятник!* — (он избегал иноземного непонятного слова «реакционер») — *увенчанный прислужник* — (значило: «дипломированный лакей») — *поповщина!* У вас набралось бранных слов больше, чем научных определений (А. Солженицын);

— Сейчас же вылетаю.— Бурич пригнулся к земле, но тут же распрямился, почувствовав легкую невесомость, словно во сне.— Одна просьба, Никита Сергеевич. Прошу по возвращении принять меня. Вы обещали, два сеанса, мне хватит. Я столько лет мечтал изваять вас.

— Смотри, Бурич,— трубка затряслась от рассыпчатого смеха.— *Слепишь*, потом тебе же снимать придется. Не промахнись (А. Злобин);

— А отчего вы дали первую партию в гимназии альту?

— Я и сам не знаю отчего,— сказал Переслегин.— *Ведь когда начинаешь творить... прости за пышное слово... Когда начинаешь сочинять музыку, разве делаешь это холодным умом?* (В. Орлов).

В приведенных текстовых фрагментах наблюдаются разные варианты синонимических ситуаций, в которых говорящий оказывается перед необходимостью альтернативного лексического выбора: это и учет предстоящего понимания собеседника, и попытка сохранить в словесном отборе иерархию отношений между собеседниками, и выраженная демонстрация через отношение к языку черт своей личности, и внутренняя самооценка.

Обращение к художественным текстам показывает, что именно использование синонимов или лексических сближений по синонимическому типу часто оказывается экономным и выразительным средством характеристики языковой личности. Показательны в этом отношении многие характерологические по своей сути рассказы В. Шукшина. Он, осуществляя точный языковой выбор, создает абсолютно достоверные языковые портреты личностей своих героев. Интересен с этой точки зрения рассказ «Выбираю деревню на жительство». Начинается он с привлекающей внимание читателя фразы: *Некто Кузовников Николай Григорьевич вполне нормально и хорошо прожил.* Значимо здесь и сочетание неопределенного местоимения с принятым в официальном стиле именованьем героя, и харак-

терная для разговорной речи синонимизация наречий *хорошо* и *нормально*, и неожиданное употребление формы совершенного вида глагола *прожить* без дополнения. Начало второго абзаца повторяет и углубляет содержание первого высказывания: *Словом, все было хорошо и нормально. Николай Григорьевич прошел свою тропку жизни почти всю*. Содержательно насыщенным оказывается заключенный в приведенную рамку первый абзац. В нем автору удалось сказать почти все о «жизненной тропке» своего героя, с молодых лет пошедшего «по складскому делу». Авторская речь при этом сливается с несобственно-прямой речью. Доминантным для характеристики Николая Григорьевича оказывается сопоставительное использование контекстуальных синонимов *воровать* и *брать*, создающих достаточно плотную синонимическую сеть:

Воровал ли он со складов? Как вам сказать... С точки зрения какого-нибудь сопляка с высшим юридическим образованием — да, воровал, с точки зрения человека рассудительного, трезвого — это не воровство: брал ровно столько, сколько требовалось, чтобы не испытывать ни в чем недостатка, причем если учесть — окинуть взором — сколько добра прошло через его руки, то сама мысль о воровстве станет смешной. Разве так воруют! Он брал, но никогда не забывался, никогда не показывал, что живет лучше других.

Однако и этот, столь четко очерченный Шукшиным, персонаж не лишен характерных для его героев странностей, чудаковатостей. Оказывается, на протяжении вот уже нескольких лет Николай Григорьевич каждую субботу ездит на вокзал и вступает в долгие разговоры с деревенскими мужиками. Основная часть рассказа и представляет собой мастерски переданные полилоги спорящих мужиков.

У Шукшина нередко наблюдается колебание субъективных планов. Речь автора может сближаться с речью персонажей, благодаря чему в авторском повествовании создается множественность характеристик. Так, неоднозначность описываемой ситуации, различные взгляды и оценок предстают перед читателем уже в первом абзаце рассказа «Залетный» и выявляются в сопоставлении текстовых синонимов глагола *запил* и просторечного выражения *стал прикладываться*: *Кузнец Филипп Наседкин, спокойный, уважаемый в деревне человек, беспрекословный труженик, вдруг запил. Да и не запил вовсе, а так — стал прикладывать с я. Это жена его, Нюра Заполюшная, это она решила, что Филя запил. И она же полетела в правление колхоза и там устроила такой переполох, что все решили: Филя запил. И все решили, что надо Филью спасать.*

Ключевым для развития сюжета является переход от замыкающего первый абзац глагола *спасать* к началу следующего абзаца: *Главное, всех насторожило, что Филя схлестнулся с Саней Неверовым*. Использование просторечного *схлестнулся*

с его ярко выраженной отрицательной экспрессией как контекстуального синонима глаголов *сошелся*, *сдружился* демонстрирует коллективную точку зрения (ср. далее: *Бабы замужние возненавидели Саню с того самого дня, как он только появился в деревне*). Автор же, со скрытой теплотой рисуя сложную внутреннюю жизнь своего героя, показывает несправедливость однозначных, предвзятых характеристик человека.

Именно своеобразное соотношение прямой, несобственно-прямой и авторской речи, отражающее пересечение разных языковых личностей, в значительной степени определяет художественные особенности рассказов В. Шукшина. Немалую роль при этом играет использование лексических синонимов.

Именно лексические синонимы в тексте, наглядно представляя результат осознанных коммуникативных усилий говорящих (участников диалога), прагматических и эстетических установок автора, являются заметным средством воплощения существенных черт языковой личности. Их выявление, как правило, не осуществимое в рамках высказываний, диктует необходимость обращения к целому тексту или к достаточно протяженным текстовым фрагментам.

Особые аспекты воплощения черт языковой личности связаны с использованием синонимов в научном, научно-популярном, публицистическом стилях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Винокур Т. Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция // Язык и личность. М., 1989.
2. Горбачевич К. С. О переменном характере лексической синонимии // Лексическая синонимия. М., 1973.
3. Гречко В. А. Лексическая синонимика современного русского литературного языка. Саратов, 1987.
4. Денисов П. Н. О понятии синхронного среза и синхронного состояния языка в лексике и лексикографии // Вопросы языкознания. 1986. № 3.
5. Едличка А. Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 20.
6. Каменская О. Л. Компоненты семантической структуры текста: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1988.
7. Каменская О. Л. Текст и коммуникации. М., 1990.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
9. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
10. Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой: В 2 т. Л., 1970.
11. Чулкина Н. А. Модель лексикона носителя русского языка как способ представления лексической системы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.

Т. А. ГРИДИНА
Уральский пединститут

ПРОЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНЫХ МЕХАНИЗМОВ ЯЗЫКА В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (феномен языковой игры)

Описываются структурно-семантические особенности окказиональных образований, позволяющих прогнозировать комический эффект.

Для современной лингвистики характерно стремление описать функционирование языка с учетом факторов индивидуального сознания и специфики проявления в речевой деятельности системных механизмов языка. В этой связи интересным представляется обращение к феномену языковой игры (ЯИ). Последняя находит наиболее широкое распространение в устной речи, фольклоре, публицистике, художественной литературе. Вместе с тем само понятие ЯИ не определено с достаточной четкостью. Проявления ЯИ рассматриваются прежде всего на эмпирическом уровне. Так, Е. А. Земская к спектру приемов ЯИ относит все многочисленные случаи преобразования структуры и значения языковых единиц, которые характеризуют «свободное отношение говорящих к форме речи», обусловленное «эстетическим заданием, эстетической установкой, пусть даже самой скромной»: эта установка проявляется в стремлении говорящего «...не только сообщить что-то, но и испытать самому и вызвать у собеседника эстетическое чувство самой формой речи. Чаще всего это чувство реализуется в виде установки на комический эффект» [8, с. 172—173]. Сущность ЯИ, таким образом, сводится к неканоническому использованию языка, языковому творчеству, ориентированному на скрытые возможности индивида в оперировании единицами языковой системы. На творческий характер ЯИ указывают Б. Ю. Норман, Е. В. Красильникова, подчеркивая в то же время, что это вид языкового творчества, свойственного каждому [4; 5; 6].

Подобный подход к ЯИ вполне правомерен, если рассматривать ее в ряду факторов, определяющих реализацию эстетической функции языка. Однако для выявления системно обусловленных истоков ЯИ более продуктивным представляется ее определение как феномена, связанного со свойством асимметрии языкового знака (см. [7; 9]). Именно асимметрия языкового знака, допускающая варьирование содержания в рамках устойчивой формы и варьирование формы при сохранении содержания, является системно заданным параметром (своего рода субстратом) ЯИ. Но и в рамках данной концепции не выясненным до конца остается вопрос о механизмах ЯИ: 1) может ли

ЯИ иметь непреднамеренный характер; причислять ли к ней неосознаваемые говорящими отступления от языковой нормы, могущие вызвать при восприятии речи эффект комического воздействия (ср., например, случаи смешения паронимов, омонимов); 2) какова роль системных стереотипов в продуцировании эффекта восприятия знака, «включенного» в ЯИ¹.

Нам кажется, что само понятие «игра» предполагает наличие определенных условий, прежде всего (в случаях ЯИ) осознанной установки на нетрадиционное (неканоническое) использование знака у адресанта речи, хотя, очевидно, следует иметь в виду такие ситуации, когда «...адресант, кодируя сообщение, не осознает семантических возможностей знака, осознание же их наступает уже после введения единицы в речь» [9, с. 18]. Считаем необходимым с учетом поставленной проблемы описания механизмов языковой игры особо отметить следующее: 1) ЯИ — это преднамеренное, входящее в интенцию говорящего и ориентированное на определенный уровень языковой компетенции воспринимающего преобразование или переосмысление плана выражения (ПВ) и плана содержания (ПС) языковых единиц; 2) творческий характер ЯИ не исключает, а, напротив, предполагает продуцирование семантического эффекта с учетом стихийно проявляющихся в речевой деятельности процессов лексической аттракции и системных законов языковой комбинаторики, определяющих особенности конструирования и сочетаемости словесных знаков. На основании сказанного можно выдвинуть следующее положение: принцип ЯИ заключается в нарушении стереотипа узуального восприятия и употребления слова (путем трансформации или переосмысления устойчивой связи между ПВ и ПС), но при этом актуализируется (на основе намеренной имитации) какой-то другой системно обусловленный стереотип (тот или иной вид связи, определяемый устройством языковой системы).

Специфическим приемом ЯИ, в результате которого достигается «сдвиг» в структуре знака, является так называемая намеренно ложная мотивация (НЛМ), актуализирующая один из системно значимых видов отношений между лексическими единицами (ЛЕ) — их деривационные связи. НЛМ представляет собой сознательно парадоксальное прояснение внутренней формы слов по принципу народной этимологии (на основе сближения лексем по случайному созвучию) [1; 3; 6]. Данный прием ЯИ положен в основу «Бестолкового этимологического словаря» (БЭС), публиковавшегося на 16 странице «Литературной газе-

¹ По справедливому, с нашей точки зрения, утверждению Н. А. Уваровой, творческое отношение к речи, часто ведущее к отступлениям от нормы, «...не ломает самой системы языка, а, напротив, подчеркивает нормативность, непреложный фон, на котором только и могут выделяться внесистемные образования» [9, с. 15].

ты» (1972—1980 гг.). Отмечаются факты НЛМ и в устной разговорной речи.

В задачу данной статьи входит описание структурно-семантических особенностей окказиональных образований, созданных на основе НЛМ, и выявление тех системных механизмов, которые позволяют прогнозировать эффект комического воздействия при использовании данного приема ЯИ. Обращение к НЛМ как приему ЯИ непосредственно связано также с выявлением функциональной значимости категории мотивированности, что актуально для изучения законов словотворчества с учетом влияния фактора словообразовательной аналогии на языковые потенции индивида. Материалом для анализа послужили указанные выше источники.

Прогнозируемый эффект комического воздействия во всех случаях НЛМ достигается соотношением интерпретируемого узуального слова с псевдомотиватором, который служит средством преобразования ПС и ПВ ЛЕ.

1. Приемы НЛМ, в результате которых происходит одновременное преобразование ПС и ПВ слова ²:

1) смысловая контаминация созвучных ЛЕ, в результате которой звуковая оболочка и значение интерпретируемого узуального слова преобразуются на основе сближения с псевдомотиватором иного семантического поля, что создает ассоциативную двуплановость новообразования: *алконавт* — «пьяный, который ищет приключений» (ср. *аргонавт* и псевдомотиватор *алкать*, актуализирующий в значении слова сему «искатель приключений» и одновременно ассоциативно связанный со словами *алкаш*, *алкоголик*);

2) омонимическое или омофоническое «выдвижение» псевдомотиватора: в структуре слова графически вычленяется элемент, омонимичный какой-либо узуальной единице языка, чем достигается ассоциативный параллелизм в восприятии значения узуального слова; так, в словосочетании *обШАРПанная элита* новый (окказиональный) смысл появляется путем соотношения с псевдомотиватором *шарп* — названием японской фирмы по производству радиоаппаратуры; *обШАРПанная элита* — буквально «элитарные слои общества, имеющие острodefицитный ШАРП»; узуальное значение прилагательного *обшарпанный* («оборванный, обтрепанный») создает контрастный ассоциативный фон, актуализирующий пейоративные оценочные коннотации (ироническую характеристику элиты, интересы которой ограничиваются только стремлением к материальному благополучию). Ср. *гласНОсть* — «гласность с оговорками, ограничениями».

² Под ПВ понимаем звуковую, материальную сторону слова (высказывания), воспринимаемую слухом (а при письменной фиксации — зрением), поэтому всякое преобразование материальной оболочки слова (в том числе графическое) считаем изменением ПВ.

2. Приемы НЛМ, основанные на изменении ПС при сохранении ПВ узуальной ЛЕ. Переосмысление значения слова осуществляется путем его окказионального членения, которое, являясь парадоксальным, имитирует в то же время особенности строения мотивированных слов в системе языка:

1) членение ЛЕ по типу сложных слов с имитацией явления внутрисловного наложения морфем (например, *степень* — «пень в степи»); переосмысленное слово выступает как омоним по отношению к собственному узуальному значению. Комический эффект возникает не на основе ассоциативного параллелизма, а на основе смысловой омонимии (несоотнесенности) узуального и окказионального употребления ЛЕ, парадоксальности ее «нового» значения. Ср. *бабахать* — «издавать громкие звуки» и *бабахать* — «восхищаться женщинами», соотносимое с экспрессивными псевдомотиваторами *баба* и *ахать*;

2) имитация структуры сложных слов без соединительных гласных на основе омонимических соответствий произвольно вычленяемых в слове сегментов с русскими и иноязычными корневыми морфемами: *лавсан* — «любовь к сыну» (ср. англ. love — «любовь» и son — «сын»); спецификой восприятия узуальной аббревиатуры *лавсан* является ее лексикализированный характер, утрата связи с исходным словосочетанием (лаборатория высокомолекулярных соединений АН СССР); слово выступает в сознании носителей языка как немотивированное, что способствует его сближению с иноязычными псевдомотиваторами в процессе ЯИ; ср. *пистолет* — «период времени, равный приблизительно 314,5 лет» (слово произвольно членится на «корни»: *пи* — обозначение математической величины, *ст(о)* — словоформа числительного, *лет*);

3) имитация структуры аффиксальных образований на основе омонимии и омофонии частей слова с узуальными корневыми и аффиксальными морфемами: *аппетит* — «отсутствие пети́та в типографии» (окказиональное членение слова осуществляется в опоре на формальное совпадение начального звука с иноязычной приставкой *a-* (в значении отрицания) и омофонию остаточной части слова («корня») с существительным *петит*); ср. также: *экстаз* — «исступленно-восторженное состояние» и *экстаз* — «таз, вышедший из употребления». Из данных примеров видно, что акцент в актуализации окказионального смысла интерпретируемых слов падает на «аффикс», реализующий обычное для узуального употребления словообразовательное значение; прогнозируемый эффект восприятия слова основывается на парадоксальности комбинаторики вычленяемых в нем корневых и аффиксальных морфем. Ср. интерпретацию слов, имитирующих структуру суффиксальных и префиксально-суффиксальных образований с собственно русскими аффиксами: *чинара* — «большой начальник» (суффикс *-ар* имеет в данном случае значение, аналогичное тому, которое выступает, напри-

мер, в слове *котяра* — о коте крупных размеров, обычно с оттенком уважительности, восхищения или иронии); *набалдашник* — «точный удар, нокаут» (ср. *балда* «бестолковый человек», в данном случае имеющее ассоциативную связь с Балдой — персонажем сказки А. С. Пушкина; отсюда *набалдашник* — буквально «удар, равный по силе удару Балды, который третьим щелчком вышиб ум у попа»; приставка *на-* воспринимается в значении «направленность действия на поверхность чего-либо», а квазиаффикс *-ашник* воспринимается как алломорф суффикса *-ник* с предметно-результативным значением);

4) НЛМ на основе омонимичного наполнения словообразовательной структуры слова (членимость ЛЕ при этом не меняется, но изменяются соотношенность с лексическим мотиватором и значения аффиксов): происходит своего рода декорреляция, возможность которой вытекает из наличия в системе языка омонимичных корней и аффиксов: ср. *бракосочетание* (от *сочетаться браком*) и *бракосочетание* — «склад бракованной продукции» (от *брак* со значением «недоброкачественные, с изъяном предметы производства»); суффикс *-ний*, выступающий в узусе как алломорф к *-аний*, *-ений*, при соотношении слова *бракосочетание* с новым лексическим мотиватором реализует значение конкретной предметности: «нечто (помещение), предназначенное для того, что названо производящим словосочетанием»; *винодел* (от *делать вино*) и *винодел* (от *находить, доказывать вино*) — «следователь»; *привратник* (от *врата*) и *привратник* (от *врать, приврать*) — «обманщик» (суффикс *-ник* сохраняет значение указания на лицо мужского пола, а приставка *при-* выступает в значении указания на неполноту проявления действия, обозначенного псевдомотиватором — глаголом *врать*).

Анализ приемов создания комического эффекта на основе НЛМ показывает, что этот эффект возникает в результате сознательно прогнозируемых: а) ассоциативного параллелизма (смысловый двуплановости) реинтерпретируемого слова и б) омонимического контраста между узуальным и окказиональным значениями ЛЕ. Ассоциативный параллелизм предполагает одновременную актуализацию в сознании воспринимающего окказионального и узуального смыслов слова (восприятие значения реинтерпретированного слова на фоне его собственного узуального значения, установление разнообразных связей между этими значениями): так, *алконавт* — буквально «алкоголик, который ищет приключений подобно аргонавту»; ср. *чернила* — «анонимщик», значение которого воспринимается при новой интерпретации на фоне узуального *чернила* — «жидкость для письма»; *ушат* — «человек с большими ушами» и *ушат* — «кадка с двумя ушами-ручками округлой формы». Омонимический же контраст не предполагает установления смысловых связей между узуальным и окказиональным значениями слова, но создает особую установку на восприятие парадокса,

заклученного в новом толковании слова: ср. *экстаз* и *экс-таз* и т. п.

В актуализации окказиональной семантики слова значительную роль играют не только лексические, но и структурные связи ЛЕ в системе языка (в частности, восприятие новой членности слова на фоне однокоренных образований).

Что касается имитации правдоподобия словообразовательной структуры и словообразовательной семантики слов при их НЛМ, то этот фактор, несомненно, является важным составляющим механизма ЯИ рассматриваемой разновидности. По характеру соотносительности с узуальной словообразовательной моделью (словообразовательным типом) можно выделить три группы среди окказиональных образований, представленных в нашем материале: 1) окказиональные образования, словообразовательная структура которых полностью соответствует узуальным словообразовательным типам (СТ); 2) окказиональные ЛЕ, которые воспроизводят (имитируют) структуру узуального СТ лишь частично (без «учета» морфонологических, лексико-грамматических и т. п. ограничений, определяющих продуктивность данного СТ в узусе); 3) окказионально осмысленные слова, словообразовательная структура которых не имеет аналога в узусе.

Так, к первой группе слов, получивших новое членение и толкование на основе псевдомотивации, относятся: вареник — «повар» (где суффикс *-еник*, присоединяемый к глагольной основе, имеет словообразовательное значение лица, производящего действие; ср. узуальное *труженик* и т. п. слова, образованные по тому же СТ); *колун* — «фехтовальщик» (от *колоть* — «наносить удары шпагой, рапирой»), словообразовательная структура и значение которого полностью соответствуют узуальным образованиям типа *бегун*, *прыгун* и т. п., продуктивным, кстати сказать, в сфере спортивной терминологии; *чернила* — «анонимщик», ср. узуальные *запевала*, *зазывала*; *пищаль* — «грудной младенец», словообразовательная структура которого соответствует отглагольным существительным с суффиксом *-аль* со значением «лицо мужского пола, производящее действие, названное мотивирующим глаголом», ср. *враль*; *рыло* — «лопата» (от *рыть*), словообразовательная структура которого имитирует строение отглагольных существительных типа *зубило*, *точило*, *шило* с орудийным предметным значением суффикса.

Ко второй группе слов, «воспроизводящих» узуальные СТ с некоторыми отклонениями³, относятся: а) ЛЕ, имитирующие

³ При описании отклонений от структуры СТ имеем в виду традиционное определение СТ как формально-семантической схемы построения производных слов, характеризующихся общностью частеречной принадлежности производящих, общностью словообразовательного ферманта и словообразовательного значения.

структуру словообразовательных типов узуса при «снятии» различного рода ограничений, чаще всего лексико-грамматических, стилистических, морфонологических. Так, словообразовательная структура окказионально мотивированного слова *желтуха* — «крашенная блондинка» соотносительна с отадективными узуальными существительными типа *молодуха*. Однако в узусе такие существительные называют лиц женского пола только по возрастному (физиологическому) признаку (ср. также *большуха*), а не по особенностям (характерным приметам) внешности. Снятие морфонологических и лексико-грамматических ограничений наблюдается при имитации правдоподобия словообразовательной структуры слова *речка* в значении «маленькая речь» (в узусе от абстрактных существительных не образуются производные с уменьшительным суффиксом *-к-*, ср. узуальное разг. *речевка*). Снятие стилистических ограничений наблюдается при намеренно ложной мотивации слова *строгач* — «столяр», соотносительного с отглагольными существительными типа *рвач*, *трепач*, имеющими экспрессивный характер. В окказиональном толковании слова *строгач* не содержится экспрессивно-оценочной характеристики называемого лица по отношению к выполняемому им действию, однако экспрессивный характер подобных образований в узусе служит фоном для актуализации коннотаций, свойственных мотивирующему глаголу *строгать* — «выполнять грубую, несложную работу», что создает каламбурный подтекст при восприятии значения переосмысленного слова; 6) ЛЕ, совмещающие в себе значения двух узуальных СТ. Так, существительное *забрало* — «вратарь», мотивированное глаголом *забрать*, содержит в своей структуре словообразовательный формант *-л(о)*, который в узусе в составе подобных существительных среднего рода имеет значение орудийности (ср. *точило*). Вместе с тем толкование слова *забрало* при его псевдомотивации сообщает суффиксу *-л-* значение действующего лица, которое в узусе данный суффикс имеет в составе существительных общего рода (ср. *запевала*). Совмещение значений орудийности и деятеля сообщает реинтерпретированному слову смысловую двуплановость, что усиливает эффект комического воздействия.

К третьей группе слов, не имеющих аналога по словообразовательной структуре среди узуальных ЛЕ, относятся: а) слова, окказиональность которых заключается в наличии у них словообразовательного «форманта», отсутствующего в системе узуальных словообразовательных средств. При этом такой квазиаффикс «принимает» значение форманта, выступающего в синонимичных СТ: ср. *модуль* — «франт» и *модник*, в которых квазиаффикс *-уль* и узуальный формант *-ник* выступают в значении указания на лицо мужского пола; *капелла* — «пипетка» (производное от капать с «помощью» форманта *-елл*) и, например, *пила* (от *пилить*), в которых наблюдается тождество

словообразовательного значения форманта (значение орудийности); б) слова, окказиональное толкование которых производится с явным нарушением словообразовательных норм. Ср.: *антипод* — «над», образование которого можно интерпретировать как присоединение приставки *анти-* со значением отрицания к предлогу *под* со значением «указание на местонахождение предмета ниже чего-либо». Особенно часто подобной интерпретации подвергаются слова, при псевдотолковании которых имитируется структура сложных, сложно-суффиксальных, сложносокращенных образований (аббревиатур), а также так называемых сращений. Ср.: *панегирик* — «женщина-культуристка», пересмысленное по связи с псевдомотиваторами *пани*, *гиря* при вычленении в составе слова суффикса *-ик*; *гастрит* — «улица площадью 1 га» (ср. англ. *street* — «улица»), *футурист* — «плохой турист», мотивированное междометием *фу!* и существительным *турист*; *главбух* — «тренер по прыжкам в воду», имитирующее образование слоговых аббревиатур; *колокол* — «способ добывания огня трением двух колышков», имитирующее способ сращения, в узусе не представленный словами подобной структуры.

Таким образом, ЯИ как один из видов эстетически направленного творчества индивида свидетельствует о значительном расширении спектра системно заданных ассоциативных связей слова в речевой деятельности. В частности, НЛМ, являющаяся распространенным приемом ЯИ, свидетельствует о широких возможностях реинтерпретации морфемной и словообразовательной структуры на основе неузуальных омонимических и омофонических соответствий (соотнесения произвольно вычленяемых в слове сегментов с омонимичными и омофоничными корневыми и аффиксальными морфемами). Аналогом такого ассоциирования в стихийно протекающих процессах речевой деятельности могут служить факты народной этимологии, омофонического переразложения слова в потоке речи и т.п. явления [8]. В явлении НЛМ реализуется заложенный в системном устройстве языка механизм «конструктивного» (идущего от структуры к значению) восприятия смысла слова. Интерпретация структуры и значения слов осуществляется при этом на основе определенного набора закрепленных в системе языка словообразовательных типов и ориентации на типичные модели морфемного состава узуальных лексем.

Имитации правдоподобия словообразовательной и морфемной структуры слова — важные составляющие НЛМ как разновидности ЯИ. При этом фактор словообразовательной аналогии (например, имитация определенного способа правдоподобия как самого состава, так и значений «вычленяемых» в слове морфем (ср. *колокол-кол о кол*, *модуль* — «франт», *капелла* — «пипетка» и т.п.). И, наоборот, наличие в реинтерпретируемом слове элементов, соотносительных с узуальными мор-

фемами, «перекрывает» при восприятии слова неправдоподобие словообразовательной структуры и семантики ЛЕ (ср., например, *антипод* — «над»).

Проанализированный материал дает основание утверждать, что СТ как системно заданный механизм образования слов представляет собой не жесткую, а динамическую схему, допускающую при тождестве формальной структуры слова переход от одного стереотипа восприятия ее значения к другому (см., например, явление омонимичного наполнения словообразовательной структуры слова).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гридина Т. А.* Проблемы изучения народной этимологии. Свердловск, 1989.
2. *Она же.* Фоносемантические ассоциации как основа каламбура // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1991.
3. *Гридина Т. А., Попова Т. В.* Ассоциативная семантика новообразований-гибридов // Функциональная семантика. Свердловск, 1991.
4. *Красильникова Е. В.* Почему не говорят? // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование и членимость слова. М., 1975.
5. *Норман Б. Ю.* Всерьез о шутке // Вопросы языкознания и литературы. Новосибирск, 1970. Вып. 4. Ч. 1.
6. *Она же.* Вторичная семантическая мотивация как национально-культурный компонент языкового сознания // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание: Тез. докл. X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1991.
7. *Она же.* Язык: знакомый незнакомец. М., 1987.
8. *Русская разговорная речь.* Фонетика, морфология, лексика, жест. М., 1983.
9. *Уварова Н. В.* Логико-семантические типы языковой игры (на материале английской диалогической речи). Дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1986.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

И. Е. ШУВАЛОВА
Московский педуниверситет

СЕМАНТИКА ИМЕНИ БЫТУЮЩЕГО ПРЕДМЕТА В БЫТИЙНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ РАЗНЫХ ТИПОВ

Исследуются закономерности интерпретации имени объекта, вводимого в поле зрения коммуникантов, с точки зрения достоверности — недостоверности знания, собственно существования или принадлежности к определенному классу и т. п.

Бытийные конструкции используются в речи обычно тогда, когда говорящему необходимо обозначить объект, впервые появляющийся в поле зрения коммуникантов. Чтобы понять го-

ворящего, адресат должен представить себе предмет, о котором идет речь. Цель данной статьи — рассмотреть возможные механизмы формирования в сознании коммуникантов образа бытующего предмета.

Благодаря работам Н. Д. Арутюновой, Е. Н. Ширяева и О. Н. Селиверстовой русские бытийные предложения получили полное и подробное описание [4; 11]. Известно, что их функцией является утверждение существования «в мире или отдельном его фрагменте объектов, наделенных определенными признаками, то есть принадлежащих тому или другому классу» [там же, с. 8], причем в центре внимания может находиться или утверждение существования, наличия объекта, или утверждение его принадлежности к тому или иному классу [11]. В соответствии с этим выделяют два типа бытийных конструкций:

- 1) собственно бытийные предложения: *В лесу есть медведи*;
- 2) «таксономические» бытийные предложения: *В лесу медведи*.

Кроме того, существуют предложения, в которых внимание акцентируется и на наличии, и на классе бытующего предмета: *В этом лесу есть какие-нибудь звери? — В этом лесу есть медведи*; *Вы кого-нибудь видели в лесу? — В лесу были медведи*¹. Подобные предложения необходимо выделить в особый тип.

Предложения трех указанных типов различаются и значениями форм прошедшего времени. Сравним соответственно:

Раньше в этом лесу были медведи — значение аориста;

В лесу были медведи. Увидев нас, они бросились бежать — значение имперфекта;

В лесу были медведи, мы видели их следы — значение перфекта.

Указанные различия в способах интерпретации имени бытующего предмета и в значениях предиката, на наш взгляд, определяются оценкой излагаемой информации с точки зрения ее достоверности. Чтобы доказать это, рассмотрим, как в предложениях каждого из трех типов подается информация о «бытовании» неизвестных адресату речи объектов.

Эти объекты должны быть каким-то образом однозначно определены, выделены из «фоновой совокупности» [4, с. 80] предметов окружающего мира. Для описания процедуры такого выделения воспользуемся терминами «исходное множество» и «актуальное множество», которые ввел С. А. Крылов для описания механизма квантификации: исходное множество — это заранее известное множество объектов, находящееся в общем поле зрения коммуникантов и выступающее в качестве смысло-

¹ Ср. замечание Н. Д. Арутюновой о предложениях типа *У тебя что-нибудь есть в саду? — У меня в саду есть цветы и плодовые деревья*: «...ответная реплика легко распадается на два сообщения, первое из которых имеет бытийный, а вторая — таксономический характер: *В холодильнике что-нибудь есть? — Есть (или Да). Молоко, творог и ветчина; На берегу кто-нибудь был? — Да (Были). Мальчишки*» [4, с. 55].

вого источника для мысленного построения актуального множества: актуальное множество — это множество объектов, которое находится в центре внимания коммуникантов, «исходное множество может быть известно либо перманентно («эмпирическая известность»), либо окказионально («дейктическая известность» и «анафорическая известность»). Эмпирическая известность свойственна, например, именам «естественных классов» («таксонов»). Дейктическая известность формируется на основе актуального соприсутствия исходного множества в речевой ситуации, а анафорическая возникает как результат предупомянутости исходного множества» [8, с. 140].

Для предложений каждого из трех типов актуальным множеством (Т) будет пересечение двух исходных множеств, одно из которых (Л) задано локализатором, а другое (М) — именем бытующего предмета:

$$T = L \cap M, \text{ или } \\ T = \{x | x \in L, M(x)\}.$$

Говорящий сообщает, что имеются некоторые объекты, которые, с одной стороны, входят в множество разнородных объектов данного леса, с другой стороны, в класс медведей, то есть в множество однородных объектов. Локализатор задает первое исходное множество: *Л* включает все объекты, находящиеся в данном лесу. Поскольку эти объекты разнородны, денотат именной группы *В лесу* воспринимается как набор элементов, дискретно. Второе исходное множество задается через характеристическое свойство «быть медведем», и денотат именной группы *медведи* воспринимается как единый, цельный образ².

Сказанное касается бытийного предложения в целом.

Различия между тремя типами бытийных предложений связаны с характером отношений, устанавливаемых предикатом между исходными множествами и актуальным множеством.

Особенностью собственно бытийных предложений является то, что фоновой совокупностью объектов для выделения актуального множества служит множество однородных объектов. Так, в предложении *В этом лесу есть медведи* актуальное множество «медведи этого леса» выделяется из исходного множества «медведи». Фоновое множество в предложениях этого типа — это всегда класс, причем такой класс, основанием которого является не случайное, а сущностное свойство, устойчивое и неизменное:

В лесу есть медведи — свойство «быть медведем»; *Среди медведей есть умные* или *Есть умные медведи* — свойство «быть умным».

² В данном случае, видимо, можно говорить об экстенциональном и интенциональном типах референции [7].

Под действие оператора *есть* попадает только одно слово, и если характеристическое свойство не может быть выражено одним словом, то позицию при глаголе *есть* занимает местоимение *такой*, а свойство выражается придаточным — относительным или обособленным определением:

Среди медведей есть такие, которые отлично плавают. Есть медведи, которые отлично плавают. Есть города, похожие на сон (К. Г. Паустовский).

Семантика слова *такой* своеобразна: «Собственно местоименный компонент здесь сигнализирует об «известности»... однако «тематический» компонент значения... сигнализирует о том, что признак известности приписывается не предмету как таковому, а некоторому признаку этого предмета. Оператор «известности» относится не к референту именной группы в целом, а к концепту, характеризующему этот референт: *такой* — обладающий этим свойством...» [8, с. 138].

Роль второго исходного множества состоит в том, что оно конкретизирует элементы, являющиеся носителями данного свойства, «материализует» их. Такая конкретизация не всегда необходима. Актуальное множество может быть равно фоновому в том случае, когда в центре внимания коммуникантов находится некоторое понятие, концепт, что выражается обычно конструкцией, называемой именительным темой: *Медведи. Сколько сказок, мифов и легенд сложено об этих животных!*

Как отметила Н. Д. Арутюнова, «следует считать существенным различие индексальной функции смысла, дающего инструкцию для отождествления предмета речи, и ассертивной функции смысла, т. е. функции сообщаемого» [3, с. 198]. С этой точки зрения, в предложениях рассматриваемого типа отождествление предмета речи осуществляется за счет «признакового» компонента смысла имени бытующего предмета, предмет — носитель данного свойства — соотносится с общим понятием о предметах данного рода. Психологической основой такого соотношения является существование у людей общих понятий о свойствах вещей и устройстве мира. Функцию же сообщения выполняет «предметный» компонент смысла имени, который и выражает бытийно-субстанциональное значение «наличия».

В предложениях этого типа определения всегда указывают характеристическое свойство и, как следствие, выступают только в выделительной функции [4]. Если же требуется охарактеризовать предмет, а точнее, раскрыть содержание понятия, необходимо новое предложение:

— *Странники разные бывают. Есть и настоящие, которые богоугодные, блюдут свою душу, а есть и такие, что по кладбищу ночью путаются, чертей тешат... да-а!* (А. П. Чехов); *Кроме того, есть рыболовы — завистники и хитрецы. Хитрецы думают, что они могут перехитрить любую рыбу, но никогда в жизни я не видел,*

чтобы такой рыболов перехитрил даже самого серого ерша, не говоря о плотве (К. Г. Паустовский).

Рассматривать таксономические бытийные предложения на примере *В лесу медведи* не очень удобно, поскольку этот пример воспринимается скорее как предложение таксономической предикации (ср.: *Те звери, что в лесу,— медведи*). Воспользуемся примером *В дубовых зарослях бродят безобидные медведи-муравьятники* (К. Г. Паустовский). Это типичное таксономическое бытийное предложение, так как в нем указываются признаки, характеризующие бытующий предмет, причем эти признаки выражают не единственное сущностное свойство, а несколько наблюдаемых особенностей предмета. Подобные предложения не предполагают, что адресат предварительно знаком с классом «бродящих безобидных медведей-муравьятников». Актуальное множество формируется не на основе понятия о предмете вообще, а на основе восприятия конкретных предметов данного пространства; это может быть как непосредственное восприятие данных предметов говорящим, так и восприятие, опосредованное наблюдателем. Важно заметить, что «видение может «наполняться» только синхронным с ним состоянием мира, входящим в круг восприятия. Оно объемлет только конкретную единичную данность, взятую в одном из своих аспектов — в аспекте зримого...» [2, с. 21].

Не случайно в роли сказуемого в подобных предложениях выступают глаголы движения, положения в пространстве, «цветовые» глаголы, глаголы звучания [4]. Именно эти глаголы характеризуют положение предмета относительно наблюдателя или воздействия предмета на органы чувств наблюдателя³: *Направо от огорода, тихо пошептывая и изредка вздрагивая от невзначай налетавшего ветра, темнела ольховая роща, налево тянулось необозримое поле; Куда ни взглянешь, везде зелено, только кое-где чернеют бахчи да далеко влево на кладбище белеет полоса отцветающих яблонь* (А. П. Чехов).

Разновидностью предложений этого типа являются номинативные конструкции, «наблюдаемость» которых несомненна: «создается впечатление показа фрагментов «живой» картины. Воображение объединяет их в целое, восполняя пропущенное» [9, с. 324]. *Кто не бывал на Азовском море, тот не может представить себе тамошние сумерки. Бледная вода. Громады кучевых облаков в перламутровых просторах неба. И первые звезды, глядящие в морскую глубину, где более слабым огнем загораются их двойники* (К. Г. Паустовский).

Фоновой совокупностью элементов для формирования акту-

³ «Ссылка на пространство говорящего или пространство мыслимого им наблюдателя необходима для истолкования... дейктических глаголов типа *показаться, маячить, виднеться* и ряда других» [1, с. 267].

ального множества в таксономических бытийных предложениях является исходное множество, задаваемое локализатором. Из разнородных элементов фонового множества отбираются некоторые элементы, обладающие общими признаками. Фоновое множество всегда окказионально известно, от него актуальное множество «наследует» соотнесенность с конкретными объектами, находящимися в поле зрения коммуникантов, «экстенсиональную определенность» имени бытующего предмета. Качественная же определенность имени бытующего предмета невозможна в силу того, что восприятие отражает лишь наблюдаемые признаки предмета, а не его сущностное свойство. Говорящий может попытаться приблизиться к качественной определенности актуального множества, увеличивая число определений, а может отказаться от такой попытки, используя местоимение *какой-то*: *Но, представьте, взглянул мельком вперед и вижу: в первом ряду сидят рядышком какой-то генерал с лентой и архиерей* (А. П. Чехов). *Какой-то* выражает, с одной стороны, качественную неопределенность актуального множества (*какой-*), с другой стороны, его реальность, предметность (*-то*).

В таксономических бытийных предложениях «предметный» компонент смысла имени бытующего предмета выполняет индексальную функцию, функцию соотнесения имени и объекта, а «признаковый» компонент смысла — ассертивную функцию, функцию передачи информации. Не имея «предметного» компонента смысла, имя прилагательное не может самостоятельно называть бытующий предмет и требует поддержки местоимениями *кто-то*, *что-то*: *Тетке было страшно. Гусь не кричал, но ей опять стало чудиться, что в потемках стоит кто-то чужой; В душе же, рядом с царапающей совестью, сидело что-то нежное, теплое, грустное; В чемодане что-то очень тяжелое — очевидно, золото...* (А. П. Чехов).

Итак, были рассмотрены две группы бытийных предложений, различия между которыми определяются способом верификации их содержания. Истинность высказывания может подтверждаться ссылкой либо на объективный порядок вещей в мире, либо на непосредственно наблюдаемую ситуацию. Излагаемая информация оценивается как достоверная либо в силу необходимости, либо в силу очевидности. В обоих случаях высказывание содержит имплицитный модус достоверности.

Но в языке существует еще целый класс утверждений, в которых «говорящий лишь предполагает нечто, и это нечто он сам признает не правдой, а лишь движением к правде» [10, с. 137]. Вспомним в связи с этим принципы модальности И. Канта: «...если понятие связано в рассудке лишь с формальными условиями опыта, то его предмет называется возможным; если оно находится в связи с восприятием (с ощущением как материей чувств) и определяется им посредством рассудка, то объект действителен; если понятие определяется связью вос-

приятий согласно понятиям, то предмет называется необходимым» [6, с. 294].

Имплицитный модус предложения, мнения имеют бытийные предложения типа *В этом лесу есть медведи*, где *есть* = имеются, а также *можно увидеть, неожиданно встретить медведей*. Отличительная черта таких предложений — и качественная, и предметная неопределенность имени бытующего предмета. Достоверность этих предложений не может быть проверена. Актуальное множество не опирается ни на действительное наличие опознаваемых объектов, ни на действительное существование данного класса объектов, оно может быть сформировано только на основе «соглашения» коммуникантов включать в него любые элементы при условии, что они относятся к данному пространству и обладают данными признаками. Предполагается, что вне данного пространства нет предметов данного класса, а среди предметов данного класса нет таких, которые не находились бы в данном пространстве.

Психологической основой для формирования актуального множества является представление — обобщенный образ предмета, воспроизводимый в сознании без непосредственного взаимодействия с этим предметом.

Предложения, достоверность которых не подлежит проверке, можно разделить на два класса: 1) соотносимые с собственно бытийными предложениями, 2) соотносимые с таксономическими бытийными предложениями. Примеры первых:

И есть в романе сын кулака, и середняк, который перестраивается, и совершенно слепу вставленный казак, который читает духовные песни, изображая то враждебное окружение, в которое поставлено все строительство (В. Б. Шкловский); *Есть такое растение — высокое, с красными цветами. Цветы эти собраны в большие стоячие кисти. Называется оно кипрей; Все звери и птицы знали, что живет за рекой, в большом лесу старый медведь и прозвище у того медведя Дремучий* (К. Г. Паустовский).

«Недостоверность» этих предложений связана с невозможностью определить объект через естественный класс ему подобных. Предмет воспринимается здесь не как типичный представитель класса, а как отдельный, индивидуализированный объект (иногда класс объектов), обладающий специфическими признаками⁴. Не случайно индивидуализация завершается часто присвоением имени. «Единственность» предмета речи иногда подчеркивается местоимением *один*. Если адресат принимает на веру уникальность бытующего предмета, имя бытующего предмета приобретает определенность.

⁴ Определения при имени бытующего предмета выступают в подобных предложениях в индивидуализирующей функции [4].

Предложения второго из рассматриваемых классов соотносятся с таксономическими бытийными предложениями:

Изредка набегала туча и сердито гремел гром, или падала с неба зазевавшаяся звезда, или пробежал бледный монах и рассказывал братии, что недалеко от монастыря он видел тигра — и только, а потом опять день походил на день, ночь на ночь (А. П. Чехов); *Мы полагали, что на совести его лежала какая-нибудь несчастная жертва его ужасного искусства* (А. С. Пушкин).

Невозможность проверить достоверность подобных предложений вызвана невозможностью однозначно отождествить предмет речи, зафиксировать его, соотнести с конкретным наблюдаемым объектом. Отсутствие соотнесенности высказывания с конкретной ситуацией бывает связано с повторяемостью или с неуверенностью говорящего в их осуществленности (осуществимости). Типичным для таких предложений является местоимение *какой-нибудь*, подчеркивающее, что «называемое в предложении событие не зависит от того, какой именно элемент множества в нем участвует» [5, с. 56]; выбор соответствующего ситуации элемента исходного множества предоставляется адресату: *Прохаживаясь по платформе, я заметил, что большинство пассажиров ходило и стояло только около одного вагона второго класса, и с таким выражением, как будто в этом вагоне сидел какой-нибудь знаменитый человек* (А. П. Чехов).

Итак, достоверность высказывания может подтверждаться его опорой на общее понятие или непосредственное восприятие. Вероятности соответствует представление. Три способа интерпретации имени объекта, вводимого в поле зрения коммуникантов (через понятие, восприятие и представление), можно соотнести с тремя типами знаков Ч. Пирса: «Действие иконического знака основано на фактическом подобии означающего и означаемого... Действие индекса основано на фактической, реально существующей смежности означающего и означаемого... Действие символа основано главным образом на установленной по соглашению, усвоенной смежности означающего и означаемого...» [12, с. 104].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян Ю. Д. Личная сфера говорящего и наивная модель мира // Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1985.
2. Арутюнова Н. Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных позиционных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
3. Она же. Предложение и его смысл. М., 1976.
4. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.

5. Гуревич В. В. О семантике неопределенности // Филол. науки. 1983. № 1.
6. Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3.
7. Кронгауз М. А. Тип референции именных групп с местоимениями *все, всякий и каждый* // Семиотика и информатика. М., 1984. Вып. 23.
8. Крылов С. А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Там же.
9. Попов А. С Развитие номинативных предложений // Русский язык и советское общество.— Кн. 3: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.
10. Санников В. В. Семантика и прагматика союза *или* // Семантика и информатика. М., 1985. Вып. 24.
11. Селиверстова О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт описания. М., 1990.
12. Якобсон Р. О. В поисках сущности языка // Семантика. М., 1983.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

Т. А. БУДАНОВА
Санкт-Петербургский университет

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ДЛИТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Анализируется текстовая реализация функционально-семантической категории длительности действия, соотношение объективной длительности действия и ее субъективной оценки.

Функционально-семантические поля (ФСП) в русском языке имеют двусторонний характер: план выражения (Формально-структурная сторона элементов данного поля) и план содержания (система дифференциальных семантических признаков, относящихся к определенной семантической области). Семантические элементы, выраженные различными языковыми средствами, принадлежат к определенной семантической зоне. Для этой зоны инвариантна лишь наиболее общая семантическая черта, которая находится на вершине иерархии, а на более низких ее ступенях широко представлено семантическое варьирование [4].

В основе ФСП длительности лежит соответствующая семантическая категория. Занимая вершинное положение в классификации содержательных типов длительности, она в то же время является одной из частных категорий, относящихся к сфере аспектuality.

Анализ конкретного языкового материала — текстов русских народных сказок из сборника А. Н. Афанасьева — убедительно показал, что на первой ступени классификации содержательных типов длительности могут быть противопоставлены объективно-конкретная длительность, соотносящая временную протяжен-

ность действия с общепринятой системой мер, отражающей положение дел в реальном мире, и субъективно-оценочная длительность, ориентированная на субъективное представление о временных соотношениях.

Объективно-конкретная длительность. *Вот он поступил к тому царю на службу и живет у него неделю, другую и третью; Царевна стала приветливей к своему змею, стала у него допытываться, кто его сильнее. Тот долго не говорил, да раз и проговорился; Братья переночевали у бабы-яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу*¹.

Субъективно-оценочная длительность. *Та баня топилась три месяца и так накалена была, что за пять верст нельзя было подойти к ней; А там уж знали, что Иван Быкович будет, и целые три месяца хлеб пекли, вино курили, пиво варили; А Фролка с треухой остался сидеть подле царской казны и поныне сидит да насыпает.*

На следующей ступени классификации закономерно выделение трех типов длительности: срока сохранения результата действия (на какой срок?), срока осуществления действия (за какой срок?) и срока существования действия (как долго?). Необходимо подчеркнуть, что длительность все трех типов, традиционно выделяемых в лингвистике, может быть как объективно-конкретной, так и субъективно-оценочной [1; 4].

Обратимся к конкретным примерам.

Длительность срока осуществления действия

а) объективно-конкретная: *Ай да молодцы ребята! Сколько за одну неделю накосили и в стога сметали; Что, брат, не видал ли ты за ночь чего?; Царь приказал своим кузнецам сковать железную палку в пятьдесят пудов, те принялись за работу и в неделю сковали;*

б) субъективно-оценочная: *А меня оставила дома и велела вычистить две меры ржи до прихода своего из церкви; Василиса добыла все, что надо, и легла спать, и кукла за ночь приготовила славный стан.*

Длительность срока сохранения результата действия

а) объективно-конкретная: *Одолжи хоть на один день лошади, пахать не на чем!; Авось хоть на время на службу возьмут — что-нибудь да заработаю; Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам;*

б) субъективно-оценочная: *Воротился старик домой — изба новая, словно чаша полная, денег куры не клюют, хлеба на десятки лет хватит; Думала лиса, что наестся на целую неделю; Позволил ему домой идти, а матросам, которые с ним ездили, дал свободу на целые шесть лет.*

¹ Здесь и далее цитаты даются по изданию: Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. М., 1979.

Длительность срока осуществления действия

а) объективно-конкретная: *Проработай у меня эту неделю, тогда и помогу!; Служил солдат в полку двадцать пять лет, а царя в лицо не видал; Долго они стучали в ворота и не могли достучаться;*

б) субъективно-оценочная: *Полгода проспал добрый молодец, ни пальцем не шевельнул; Иван-царевич полетел в пропасть, крепко ушибся и полгода лежал без памяти; Этот младенец три года не ел, не пил, и все с ним божий ангел ходил.*

Если рассматривать объективно-конкретную и субъективно-оценочную длительность в качестве членов оппозиции, то, очевидно, нейтральным, немаркированным членом будет объективно-конкретная длительность, так как в этом случае временная протяженность представляемого действия лишь соотносится с некой общепринятой системой мер, отражающей положение дел в реальном мире, в то время как значение субъективно-оценочной длительности всегда содержит сему оценки этой количественной аспектуальности, что и дает основание считать субъективно-оценочную длительность маркированным членом оппозиции. В этом случае длительность глагольного действия также соотносится с системой мер, но или «переоценивается», т. е. оценивается как чрезмерно продолжительная, или «недооценивается», т. е. оценивается как слишком непродолжительная.

Например, «переоценка» длительности действия: *Вдруг протиснулась вперед старая колченогая лягушка, которая уж лет тридцать, как в отставке жила; Получили мы от отца в наследство три диковины: шапку-невидимку, ковер-самолет, сапоги-скороходы, да вот уж семьдесят лет как спорим, а поделить никак не можем; «Недооценка» длительности действия: И присудили так: пусть-де Мартынка за единые сутки построит богатейший дворец; Скажи ему, что цыплятам на корм нужно однодневное пшено: в один бы день было поле вспахано, просо засеяно, сжато и обмолочено: другого пшена наши цыплята и клевать не станут.*

Причины столь субъективного представления временных отношений в сказках связаны с проблемами мифологического сознания, структуры художественного времени в искусстве и фольклоре, а также с вопросом о том, верят ли сказочник и его слушатели в достоверность происходящих в сказке событий и т. д. Вместе с тем оппозиция объективно-конкретная — субъективно-оценочная длительность носит универсальный характер, она прослеживается не только на уровне подсистемы языка фольклора.

Например, объективно-конкретная длительность: *Мы ждали его два лета, до зимы 19-го года; В течение полугода (до того, как дядя Олег почти насильно нас перевел за границу) мы пытались узнать, как и где он погиб, да и погиб ли (В. На-*

боков); и субъективно-оценочная длительность: *Во мгновение ока пережила она его бурную жизнь* (А. Белый).

Очевидно, что в приведенных примерах причины представления временной протяженности действия адекватно или неадекватно объективной реальности отличаются от причин подобного же явления в сказке. Но и в том, и в другом случае лишь субъективно-оценочная длительность несет дополнительную смысловую нагрузку.

На следующих ступенях классификации выделяется несколько более частных содержательных типов. Так, длительность срока существования действия (в равной степени и объективно-конкретная, и субъективно-оценочная) может быть 1) кратной: *Носи меня на шее семь лет да разыскивай оловянное царство, а приедешь в него — останься и проживи там еще семь лет безвыходно; Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную; Он три года играл, а ему за три дня показалось*; 2) или не содержать указаний на кратность: *Мать была долго в раздумье; Рад бы тебя принять, Иван-царевич, да мне жить остается немного; Пойдем в зеленом саду погуляем!; Погуляли немножко*.

В свою очередь кратная длительность может быть 1) определенной: *Мартышка согласился и без устали три лета и три зимы на попа работал, пришел срок к расплате, зовет его хозяин; Однажды лисица всю большую осеннюю ночь протаскалась по лесу не евши; Прожил я у него целое лето и захотел дома побывать*; 2) неопределенной: *Он женился на Василисе-царевне и жил с ней долгие лета в любви и согласии; Век они прожили, а детей не нажили; Вот он поступил к тому царю на службу и служит у него неделю, другую и третью*; и 3) приблизительной: *Пришло время сенокосное, братья траву косили, стога ставили, проработали с неделю и вернулись на деревню; Пожил с месяц, приелось старухе богатое житье; Лиса с насеста-то так со страху полетела, что недели три лежала в лихорадке*.

Неопределенная и определенная длительность срока существования действия может быть разделена на два типа: суммарную и ограниченную временными рамками. И наконец, как разновидности последней, выделяются длительности, ограниченные временным пределом «справа», «слева» и с двух сторон.

Приведем примеры суммарной длительности: *Здравствуй, дочь моя милая! Где же ты столько лет скрывалась?; Ах, ты, храбрый воин! Одни сутки воевал, да шестеро без просыпа спал; Иван-царевич, раздели нам эту лошадь: лежит она здесь тридцать три года, а мы все спорим, а как поделиться — не придумаем*.

Примеры длительности, ограниченной временными пределами 1) «справа»: *Лисоньку всякий день угощали они курочками, и она до тех пор у них гостила, докуда всех кур не испакостила; А вот что: сделайте мне к свету на этом самом месте богатей-*

ший дворец; Полетай, мое перышко, во чисто поле; погуляй до поры до времени!; 2) «слева»: С тех пор живем мы с ней благополучно, в любви и согласии; С той поры жар-птица не летала уж в сад; С молодых лет моих жил я с женою, и что же? Завела она полюбовника; 3) с двух сторон: С утра до вечера бьется мужик, как рыба об лед, а все ничего нет; Вот тебе книжка, становись вот тут и читай ее с вечера до тех пор, пока петухи не запойут.

Объективно-конкретная и субъективно-оценочная длительность срока осуществления действия также может быть подвергнута дальнейшей классификации. Так, в текстах сказок встречаются варианты длительности, для которых характерно значение кратности: *Журка едва поспевает в кучу складывать и в неделю наклал большую скирду!*; *Принялись они за работу и не только в час, а в десять минут изготовили ковер — всем на диво.*

Вместе с тем есть варианты противоположные, не содержащие в своей семантике указания на кратность: *Разбогател он в самое короткое время и записался в купцы*; *Если ты сумеешь в это время так хитро спрятаться, что я тебя не найду, то выйду за тебя замуж.*

Кратная длительность срока осуществления действия может быть определенной: *Приказал морской царь за одну ночь сделать церковь из чистого воску*; *Возьмите вот этот шелк и за единый час сделайте мне ковер, да такой чудный, какого в целом свете не видывано*; и неопределенной: *Служил он государю верой и правдою, да таково счастливо, что в несколько лет дослужился до генеральского чина.*

Тот факт, что среди анализируемых текстов не встретилось ни одного примера приблизительной длительности срока осуществления действия, еще не дает оснований исключать такой вариант из общей классификации содержательных типов длительности. Можно лишь предположить, что для русской народной сказки такой содержательный тип длительности не характерен.

Вполне очевидно, что для семантики длительности срока осуществления действия не чуждо классификационное основание суммарность/ограниченность временными пределами. Отсутствие примеров содержательных типов такого рода не опровергает этого. Вместе с тем значение ограничения временными пределами носит несколько факультативный характер эксплицитного уточнения, строгого соотношения временной протяженности действия с некой осью времени. Вероятно, такой строгий «хронометраж» не характерен ни для фольклорного текста, ни для большинства жанров художественной литературы.

И наконец, обратимся к последнему типу длительности — длительности срока сохранения результата действия (объективно-конкретной и субъективно-оценочной). Она также может

быть 1) кратной: *Остался он в лесу на ночь. И думает: где ему ночевать?*; *Думала, что наестся на целую неделю*; 2) или не содержать указаний на кратность: *Отпустили одного солдата на побывку на родину*; *Ладно, мне такой человек на время надобен*.

Кратная длительность реализуется в двух вариантах: а) определенная: *Позволил ему домой идти, а солдатам, которые с ним ездили, дал свободу на целые шесть лет*; *Стрелец отправился на восемнадцать лет по белу свету таскаться, и по всему видно, что не быть ему живому*; б) неопределенная: *Воротился старик домой — изба новая, словно чаша полная, денег куры не клюют, хлеба на десятки лет хватит, а что коров, лошадей, овец — в три дня не сосчитать*.

Что же касается таких содержательных типов длительности срока сохранения результата, как приблизительная, суммарная/ограниченная временными пределами, то в исследованных текстах они отсутствуют. Очевидно, о них можно сказать то же, что и о соответствующих семантических вариантах длительности срока осуществления действия: существующие в системе русского языка, для текстов русских народных сказок они не характерны.

Как уже отмечалось, длительность представляет собой один из частных вариантов широкого понятия времени. Время — одна из самых фундаментальных проблем культуры, философии, науки. Для работ современных философов характерно разграничение реального, перцептуального и концептуального времени, впервые последовательно проведенное Б. Расселом [2; 3].

Реальное время определяет осуществление и смену состояний объектов и процессов. Концептуальное время представляет собой некую абстрактную модель для упорядочения идеализированных событий. Фактически это отражение реального времени на уровне понятий (концептов), имеющих одинаковый смысл для всех людей. Перцептуальное время является условием сосуществования и смены человеческих ощущений и других психических актов субъекта.

Очевидно, что перцептуальное время не всегда абсолютно соответствует реальному времени, иногда между ними возникает значительное расхождение. Воспринимающему субъекту время кажется длиннее или короче в зависимости от степени заполненности событиями. Чем более интенсивны и разнообразны события, тем быстрее проходит время для человека, но кажется ретроспективно более длительным; наоборот, чем меньше событий и чем они однообразнее, тем время тянется медленнее, но в воспоминании кажется более коротким.

Несмотря на все это, реальное и перцептуальное время в основном соответствуют друг другу, так как порядок смены реальных событий отражается в порядке смены ощущений.

Э. Агрикола вывел «закон изменчивого угла зрения», суть которого сводится к постулированию субъективного и объектив-

ного представления о мире. Этим определяется существование двух способов изображения событий на временной оси: объективного, т. е. соотнесение времени с общепринятой системой мер и координат, и субъективного — интроспективной системы отсчета с помощью специальных закрепленных градаций или оценок [5]. Закон, сформулированный лингвистом, не только не противоречит философским концепциям времени, но и косвенно подтверждает их.

При представлении длительности глагольного действия можно выделить эти же два способа изображения действительности: концептуальное и перцептуальное время в философии и, соответственно, объективная и субъектно-интроспективная система Агриколы. Таким образом, выводы о внутренней организации семантической категории длительности, сделанные на основании анализа фактического материала, получают теоретическое обоснование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ломов А. М. Вид и деятельность // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1971.
2. Рассел Б. Проблемы философии. СПб, 1914.
3. Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 1956.
4. Теория функциональной грамматики / Под ред. А. В. Бондаренко. Л., 1987.
5. Agricola E. Textstructur. Textanalyse. Informationskern // Leipzig: Enzyklopädie, 1979.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

Н. В. БАГИЧЕВА
Уральский пединститут

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ТЕРМИНОВ РОДСТВА

Описываются закономерности речевого варьирования семантики существительных со значением родства, определяются типовые контекстуальные условия, способствующие модификации семантики слов названной группы в речи.

В современной семасиологии все более заметны различия между сторонниками интегрального (широкого) и дифференциального (узкого) понимания структуры лексического значения. В основе дифференциальной теории компонентного анализа лежит представление о лексическом значении как комплексе дифференциальных семантических признаков, которые могут быть выявлены на логической основе, в процессе парадигмати-

ческих противопоставлений значений слов либо путем анализа словарных толкований [1; 5; 3]. Подобное описание дает достаточно убедительные результаты: так, в исследованиях самых различных языковедов в качестве дифференциальных признаков терминов родства предстает практически один и тот же набор сем: пол, поколение, прямое родство или боковая линия, кровное или некровное родство, родство по супружеству [3; 4; 6; 9; 15; 20]. В результате наблюдений над подобными оппозициями рождается представление о том, что «значения слов должны быть представлены с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа семантических элементов» [14, с. 64].

Логика научного познания такова, что в каждой, казалось бы, законченной теории обнаруживается «слабое звено», исследование которого нередко приводит к существенному обновлению всей теории. Таким слабым звеном в традиционном компонентном анализе стала ограниченность состава дифференциальных признаков. В последние годы в отечественной и зарубежной лингвистике все чаще высказывается мысль о том, что немногочисленные признаки, выделяемые при компонентном анализе, не в состоянии отразить всю глубину реальной семантики слова [8; 10; 12; 16; 7].

В основе интегральной теории лексического значения лежит представление о том, что семы, выявленные в результате анализа парадигматических связей и отражаемые толковыми словарями, составляют лишь ядро лексического значения, которое в реальных коммуникативных условиях может обладать различной (в том числе минимальной) прагматической значимостью. В соответствии с рассматриваемой точкой зрения, «значение не имеет жестких и четких границ и иррадирует в конечном счете все значение» [7, с. 24]. Помимо ядра, в структуру лексического значения входит множество ассоциативных признаков (по другой терминологии — «интенционал», «ассоциативный ореол»), способных в конкретных текстах приобретать первостепенную важность или, наоборот, становиться совершенно несущественными. Например, слова *мама* и *мать*, помимо основных дифференциальных признаков (кровное родство, женская линия, предыдущее поколение), обладают множеством ассоциативных признаков: добрая, ласковая, заботливая, самый родной человек и др. Эти признаки регулярно акцентируются в художественных текстах. Ср.:

Мама! Это первое слово, которое произносит человек, и последнее... ..Мать нас рождает в муках, воспитывает, кормит. Что еще? Стирает на нас. Все, что мы сейчас делаем. Да и работаем; Павлик потому укусил Максю, что Макся ему кричал: не пустим сюда твою мать, не пустим! Его Павлик и укусил, и правильно, я бы тоже за свою мать укусила; Правильно, об матери заботится, ему надо заботиться о ней, она у него одна — мать (Л. Петрушевская).

Соответственно *свекровь* — это не только прямая родственница по супружеству из предыдущего поколения, но и женщина, любящая и оправдывающая только собственного сына, обвиняющая во всех семейных неурядицах невестку, нарушитель семейного спокойствия. Это именно признаки слова, потому что в действительности далеко не всякая свекровь вызывает указанный набор ассоциаций. Ср.: *Кира старалась все успеть и все равно не успевала. Свекровь упрекала, что неумеха и нескладеха, что стирает не слишком чисто, и гладит не так хорошо и готовит не бог весть как* (Е. Березина); *Сыну скоро девять, отличник, спокойный, стабильный, здоровенький мальчик! Свекровь — не стерва, и ее, Инну, заслуженно уважает. Все вроде бы сложилось!* (К. Авдеева).

Показательно, что ассоциативные признаки рассматриваемого типа часто обнаруживаются в числе наиболее распространенных реакций в «Словаре ассоциативных норм русского языка»: *бабушка* — добрая, хорошая, милая; *мать* — добрая, родная, хорошая, милая, нежная; *папа* — милый, любимый, дорогой [11].

Существует мнение, что ассоциативный ореол связан не с лексическим значением слова, а со свойствами обозначаемой им реалии, что ассоциативные признаки относятся к сфере неязыкового знания, а сама интегральная (широкая) теория лексического значения «растворяет собственно языковое содержание того или иного значения в необъятном море других знаний о предмете, который оно представляет (именует), и ведет, следовательно, к произволу, к совершенно неоправданному субъективизму в семантических исследованиях» [2, с. 86]. Представляется, что критерием истинности и «оправданности» той или иной теории служит ее объяснительная сила, способность объяснить специфику максимального количества словоупотреблений. Признание бесконечной глубины лексического значения — это не «субъективизм», а закономерное следствие признания отражательной природы лексического значения, которое способно отразить бесконечное количество признаков обозначаемого словом объекта.

Как бы предугадывая возможность сомнений в принадлежности ассоциативных признаков не денотату или соответствующему понятию, а именно слову, Л. В. Шерба писал: «Слово *Европа* несомненно имеет в нашем языке (совершенно независимо от того, насколько или в каком отношении это соответствует действительности) характерный признак — «страна переловой цивилизации», откуда возможность таких сочетаний, как европейские манеры, европейская вежливость и т. п.» [19, с. 279]. В наиболее полном виде проблема соотношения дифференциальных и ассоциативных признаков слова разработана в концепции Д. Н. Шмелева, который подчеркивает собственно языковой статус ассоциативных признаков, их специфические

связи с ядром лексического значения и, что особенно важно, их большую роль для словообразования и развития вторичных значений [18].

О значимости ассоциативных признаков для словесной семантики говорит и тот факт, что слова с одним и тем же набором семантических признаков могут отчетливо противопоставляться в речи. Ср.: *И я благодарен своему имени за то, что оно свято оберегало чужое детство и никогда не заставляло мою приемную дочь Катьку лгать передо мной, ни называть меня слащаво папочкой, ни равнодушно — папой, ни строго — отцом, ни цинично — папа, ни насмешливо папашей, ни даже по имени-отчеству (которого здесь не привожу, чтобы не обнаруживать еще своих наследственных пороков), но всегда искренне и достойно: Роберт, — вот что такое мое имя.* (А. Иванченко). Очевидно, что простое перечисление сем (поколение, пол, прямое родство и т. д.) не дает полного представления о семантике каждого из выделенных слов.

Нередко в конкретном тексте ассоциативные признаки выходят на первый план, почти полностью подавляя дифференциальные компоненты. Ср.: *Я был внимательным отцом. Я взял на это время отпуск. Я бросил пить. Я вовремя будил нашу девочку, делал ей гоголь-моголь, пек ее любимое сладкое, баловал и нежил ее не хуже деда...* (А. Иванченко). Герой в действительности является отчимом девочки, то есть в данном случае полностью нейтрализуется сема «кровное родство» и прагматическая семантика слова *отец* связана с акцентированием признаков «доброта», «заботливость», «любовь», что усиливается сравнением с дедом, кровное родство с которым специально подчеркнуто в тексте.

В следующем фрагменте из пьесы Л. Петрушевской «Золотая богиня» слово *отец* использовано трижды. В первом случае актуализированы исключительно семы ядра, во втором — добавляется ассоциативный признак «самый близкий и родной человек», в третьем — ядровые семы совершенно нейтрализуются, акцентируется периферийная сема «самый главный, значимый человек в жизни» (вторичное значение):

Веселка. *Маляр, как тебя по отчеству, забыл.*

Маляр. *Леонардович я, Леонардович.*

Веселка. *Слушай, у тебя отец же был дед Вася. Я помню. Ты что же, отца забыл как звать?*

Маляр. *Своим отцом я считаю Леонардо да Винчи.*

Нередко ядро значения в целом сохраняется, хотя более значимыми представляются ассоциативные признаки: *Кандалы-то у него какие! Сверкают, словно бриллианты. Сразу видно особо опасного преступника. Такой родную мать придушит. Сама природа позаботилась, чтобы начертать на его лице следы жестокости и самых грязных пороков* (В. Пиккуль). К ведущим семам ядра у слова *мать* следует отнести «женский пол», «пря-

мое родство», «прямая линия», «старшее поколение», однако в данных коммуникативных условиях более важны ассоциативные признаки: «самый близкий, родной, дорогой для каждого человек». Эти признаки усиливаются наличием прилагательного *родной*. Негативная характеристика героя сохранилась бы и в том случае, если бы слово *мать* было заменено некоторыми другими терминами родства: *жена, сестра, отец*.

Акцентированию периферийных компонентов семантики способствует противопоставление слов с различными ассоциативными признаками: Ср.: *Кого я только не встретила в городской травматологии! Сестру, которую пьяный брат спустил с лестницы. Она лежала с тяжелыми переломами. Жену — на ней буквально живого места не было, так постарался любящий супруг. Дочь с отбитыми почками — отец ее пинал за «двойку» по физике. И ни в одном из этих случаев не было возбуждено уголовное дело, никого из виновных не привлекли к судебной ответственности* (Е. Березина). Нетрудно заметить, что в данной ситуации наиболее значимы противопоставления: сестра — брат, жена — супруг, дочь — отец. К ведущим семам ядра у всех слов следует отнести «пол», «кровное родство» и «родство по супружеству», однако более важны ассоциативные признаки: у первого слова каждой пары — «нуждающийся в заботе, защите», у второго слова — «сильный, надежный, дающий опору».

Противопоставление слов с различными ассоциативными признаками — далеко не единственный прием повышения роли прагматической части значения имени. Не менее типичны контексты, в которых повышению яркости ассоциативных признаков способствует семантическое согласование указанных сем, использование в качестве однородных (и даже функционально эквивалентных) терминов, объединенных какими-то общими ассоциативными признаками Ср.: *И Подберезкин смотрел на нее — на эту женскую фигуру в белом, склонившуюся над раненым, на голову в косынке с красным крестом, с девически нежным профилем, на отдельные локоны, выбившиеся из-за уха, на уверенно и быстродвигающиеся пальцы — в ней все чудесно соединялось: и мать, и сестра, и уши! больше всего для него — желанная женщина* (Е. Гагарин). Данный однородный ряд (показательно включение в него словосочетания *желанная женщина*, находящегося за пределами терминологии родства) объединяется не только дифференциальным признаком «пол», но и ассоциативными семами; едва ли приведенный ряд можно было бы пополнить словами *теща, сватья, соседка*.

Значимость дифференциальных признаков терминов родства понижается и в следующем контексте: *Что значит батрачат? — Кабанов вынул папиросу изо рта и повернул к собеседнику крепко впаянную в плечи голову. — Если христианская родня уважение оказывает, не ругать, умиляться надобно и радоваться... Кумовья да золовки от души пособили, а ты серчаешь*

(С. Антонов). В данном случае совершенно не играет роли конкретная степень родства (пол, поколение и др.): важно наличие людей, которые помогут, выручат в трудных обстоятельствах. Поэтому актуальный смысл фразы полностью сохраняется при изменении состава однородных членов (*кумовья, золовки — зятя, сватья*) или в условиях замены ряда однородных членов словом с более общим значением (*родня, родственники*). Ср., однако, контекст, в котором очень важен дифференциальный признак «поколение»:

А песни моих родителей сейчас кажутся еще лучше, а деды и прадеды невали так, будто душа их со всей мировой жизнью беседовала, с Природой, с Богом, с Вечностью (А. Жуков); *Но ведь свой творческий опыт и приемы они передали своим сынам, дочерям и внукам, и теперь уже эти поколения продолжают их дело* (Ю. Галкин, В. Стаценко). В другом контексте на первый план выходит признак «пол»: *Я все для своего... Как бы ни был... Все для ребенка сделаю! Все! А если вообще у нас будет сын... Все! Точка!* (Л. Петрушевская). Или:

Светлана. *Вот за мной мой Максим ходить в старости не будет.*

Федоровна. *Нет! Не будет.*

Светлана. *Это надо дочь!* (Л. Петрушевская).

Показателем актуализации ассоциативных признаков в условиях нейтрализации каких-то обязательных компонентов часто служит внешняя алогичность высказывания. Так, в следующем фрагменте дважды использовано слово *муж*, но в первом случае актуализированы исключительно обязательные признаки, а во втором — максимально значимые ассоциативные признаки:

Татьяна. *Валера! Выхода нет, надо толем крышу покрыть.*

Валера. *Толем! Я испытываю отвращение к физической работе. А от умственной меня тошнит.*

Татьяна. *Ну что за муж, разве это муж? Твой же сын будет под дождем с бронхиальной астмой.* (Л. Петрушевская).

Как известно, муж является таковым вне всякой зависимости от его моральных качеств, однако героиня считает главным признаком мужа и отца не юридическую оформленность отношений и кровное родство, а заботу о своей семье, внимание к жене и сыну; иначе говоря, для нее ведущими становятся ассоциативные признаки, в то время как основные компоненты семантики теряют яркость.

Внешний алогизм присутствует и в следующем контексте: *Редакция этой газеты советует кайзеру Вильгельму учиться мудрости у его бабушки, королевы Виктории, а не соваться в Африку ради мнимой дружбы с бурами, после чего кайзер возмущенно заявил, что отныне бабушки у него нету...* (В. Пикуль). Бабушка, разумеется, есть: кайзер говорит здесь о прекращении родственных отношений, семейных контактов, а вовсе не о том,

что его бабушка умерла или перестала считаться таковой юридически (тем более, реально). При таком понимании семантики слова на первый план выходят ассоциативные признаки («близкий человек, достойный любви и уважения»), тогда как признак «кровное родство» становится несущественным.

Ср. также случай внешнего алогизма при употреблении другого термина родства: *Алкоголик и наркоман, он несколько раз избивал своих родителей за то, что выбросили «травку». Мать, Лидия Никифоровна, как-то месяц пролежала в больнице после сыновьих кулаков. Однако шума подымать не стала: сын есть сын* (Е. Березина). При первом употреблении слова *сын* значимы только ядерные семы, только формальные признаки семейных связей. Во втором случае на первый план выступает ассоциативный признак «ребенок, нуждающийся в защите матери».

Рассмотренный материал позволяет убедиться в прагматической значимости ассоциативных признаков слова, которые подсознательно известны каждому человеку, говорящему на русском языке и знакомому с национальным характером и бытом народа. Ассоциативные семы — это именно часть словесной семантики, а не признаки понятия или денотата. Конечно, широкая теория лексического значения существенно осложняет описание семантики конкретных лексических единиц и их объединений, заново ставит, казалось бы, давно решенную проблему. Однако, как известно, сложность отыскания чего-либо вовсе не доказывает отсутствия искомого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Васильев Л. М.* Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971.
2. *Он же.* Современная лингвистическая семантика. М., 1990.
3. *Кузнецов А. М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.
4. *Он же.* Структурно-семантические параметры в лексике. М., 1980.
5. *Кузнецова Э. В.* Русская лексика как система. Свердловск, 1980.
6. *Ломтев Т. П.* Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики (термины родства в русском языке) // Филол. науки. 1964. № 2.
7. *Никитин М. В.* Лексическое значение слова. М., 1983.
8. *Он же.* Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
9. *Новиков Л. А.* Семантика русского языка. М., 1982.
10. *Сентенберг И. В.* Лексическая семантика английского глагола. М., 1984.
11. *Словарь ассоциативных норм русского языка* / Под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977.
12. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
13. *Уфимцева А. А.* Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
14. *Цветков Н. В.* К методологии компонентного анализа // Вопросы языкознания. 1984. № 2.
15. *Чейф У.* Значение и структура языка. М., 1975.
16. *Чудинов А. П.* Регулярная многозначность в глагольной лексике. Свердловск, 1986.

17. Он же. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.
18. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
19. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
20. Goodenough W. H. Componential analysis and Study of Meaning // Language. 1956. V. 32.
21. Lounsbury T. G. A Semantic analysis of the Pawnee Kinship Usag // Ibid.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

М. Ю. НОВИКОВА
Даугавпилсский пединститут

КОННОТАЦИЯ КАК МАКРОКОМПОНЕНТ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И КАК ЭСТЕТИЧЕСКИ НАГРУЖЕННЫЙ ПОДТЕКСТ

Исследуется специфика усиления коннотативных компонентов словесной семантики в речи под воздействием эстетически нагруженного контекста.

Рассматривая вслед за В. Н. Телия коннотацию как макрокомпонент лексического значения языковой единицы особого типа (экспрессивно окрашивающего), важно установить связь между структурными и функциональными характеристиками коннотации. С одной стороны, коннотативная модальность, обрамляющая лексическое значение, выступает как «часть» его, являясь принадлежностью системы языка. С другой стороны, получая эстетическое развертывание в пределах художественного текста, коннотация представляет собой подтекст, формирующий эстетическое значение слова на основе экспликации прагматически значимой субъективно-оценочной и стилистически маркированной информации. И здесь уже коннотацию целесообразно интерпретировать как категорию речи (текста), а не языка.

Совмещение в коннотации макрокомпонентных и подтекстных сторон может, на первый взгляд, показаться парадоксальным, но противоречивость в данном случае — только видимая. Как справедливо подчеркивает В. Н. Телия, «коннотация как макрокомпонент семантики слов и устойчивых выражений по составу своих микрокомпонентов... по их взаимодействию и по прагматической нацеленности как бы повторяет структуру той информации, которую обычно называют подтекстом. ...Универсальные механизмы эмотивно-стилистического воздействия могут различаться по форме воплощения, но не по смысловой нагрузке. ...В отличие от подтекста как частного случая коннотативности».

ции (разрядка моя.— М. Н.), в котором микроэлементы могут варьировать... коннотация, являющаяся принадлежностью лексического значения и напоминающая «свернутый» по смыслу подтекст, имеет определенную, обычно узуально зафиксированную структуру и правила комбинации ее элементов» [2, с. 134—135].

Чтобы показать, как в художественном тексте под воздействием эстетической функции языка происходит образное развертывание заложенной в общезыковом значении лексической единицы коннотативной информации, рассмотрим «общеоценочные предикаты» (по Н. Д. Арутюновой) типа *красивый, счастливый* и др., функционирующие в прозе Ю. М. Нагибина.

Отметим, что эстетическая коннотативная модальность формируется в художественном тексте на основе общезыковых характеристик лексического значения, развивая и усиливая их или же контрастируя с ними. В последнем случае общезыковая модальность выступает своеобразной точкой отсчета, той эмоционально-оценочной установкой, которая в процессе ее опровержения становится основой для индивидуально-авторского прагматорического целеполагания.

Рассмотрим отдельные примеры¹.

Какая красивая семья! — радостно подумал Козырев.

Приведем контекст, необходимый для восприятия коннотативных приращений к общезыковому значению прилагательного *красивый*:

Они были скромного, даже маленького роста, крупнее других — бабка, но так хорошо сложены, что малый рост не казался недостатком. Они словно принадлежали не к одной семье, а к одному редкому племени эльфов, вырождающемуся от собственной утонченности; Над самоваром колдовала старая хозяйка, еще красивая своим круглым, мягким, светлым лицом, возле нее крутилась прелестная курчавая, русая со стальным отливом, девчонка лет девяти... и т. д.

Об отце: — *Вы по-каковски лопочете? — спросил Муханов, которому до всего было дело. — А по-фински, — пояснил лесничий со своей кроткой улыбкой; Трудно было представить себе нежного голубоглазого эльфа, стреляющего рысь; и др.*

О матери: — *Я прямо-таки не видела таких нахалов, — с милый беспомощностью продолжала молодая хозяйка; Смех и радость находились близко к поверхности ее существа, их не нужно было извлекать со дна душевной ночи; Хозяйка запела песню. Голос ее, в разговоре тихий и мелодичный, звучал резко и визгливо, что-то жутковатое было в этом визге посреди влажной тьмы; и пр.*

¹ Здесь и далее примеры даны по изданию: Нагибин Ю. М. Собр. соч.: В 4 т. М., 1980.

О дочери: *...прелестная, курчавая, со стальным отливом* девочка лет девяти; Ее маленькое тело исходило будто электрической дрожью, а из стиснутых зубов вырывалось прерывистое шипение, словно она подражала точильной машине; Девочка глядела на него яркими от ревливой ненависти глазами, потом вихляясь и выламываясь, как это делают дети, желая разозлить взрослых, усакала в чистую горницу.

О сыне: С печи свесился еще один обитатель сказочного дома: большой роскошный младенец — головастый, кормленный, весь в перетяжках, ямочках, складках, с круглыми, широко и неподвижно отверстыми в мир голубыми глазами и розовым влажным зевом. Муханов заметил младенца. — Ого! — сказал он. — Какой красавец! — Гвардеец! — добавил полковник, вызвав благодарную улыбку на миловидном лице бабушки. — Кретины, — в холодном и странном прозрении решил Козырев; и т. д.

О бабке: — Ну, брысь отсюдова! — прикрикнула бабка и, протянув к младенцу красиво оголившиеся руки, позвала: — Иди ко мне, маленький, иди к бабушке!; Вину свою замаливает, — откликнулась хозяйка. — Мы не хотели второго ребенка, она нас уговорила; Но насытившийся младенец ликующе орал: Бу-бу! — и бабкино лицо молодело в счастливой улыбке; и пр.

Приведенные примеры отражают общую двуплановость повествования как эстетически значимый прием. С одной стороны, семейство лесничего поражает красотой внешнего облика, атмосферой дружбы и любви (поверхностный план), с другой стороны — неблагополучием, бытовой неустроенностью, беззащитностью, о которых читатель узнает постепенно (глубинный план).

Как видим, писатель постоянно фиксирует денотативный аспект значения прилагательного *красивый*, подкрепляет и развивает его. Действительно, физическая красота здесь декларативно не противопоставляется моральному уродству, а вызывает у центрального персонажа (и у читателя) только чувство «неясной», «смутной», «странной» тревоги. Причем тревога связана не столько с желанием защитить «красоту» от грубого, губительного для нее окружающего мира, сколько со стремлением безразлично отгородиться от нее (точнее, от носителей этой красоты).

Коннотативная модальность прилагательного *красивый* получает в данном художественном произведении эксплицитное подтекстовое развертывание. Сначала подтверждаются положительно-оценочные характеристики общеязыковой коннотативной рамки (*Какая красивая семья!*) — *радостно подумал Козырев*), потом они ставятся под сомнение (*странная, словно закол-*

дованная), а затем полностью опровергаются, в результате чего прилагательное *красивый* становится контекстуальным синонимом слов *вырождающийся, неполноценный, тающий в себе опасность* и т. д.²

Интересно отметить, что и в других произведениях Нагибина прилагательное *красивый* получает аналогичное эстетическое коннотативное развертывание (так же, как и значение слов с общеязыковой позитивной коннотативной модальностью, например, *счастливый, великолепный, здоровый* и др.).

Так, персонаж рассказа «Друг дома», входящего в цикл «Книга детства», дядя Володя (или Володя Великолепный) очень одарен и внешне красив. Но не случайно автобиографический герой в конце рассказа вызывает к богу: *Господи, сделай, чтоб я не был таким, как дядя Володя, когда вырасту... Как Владимир Борисович,— уточнил я во избежание недоразумений.— Сделай, чтоб я был совсем другим, очень тебя прошу!...; «Другим» — это значит профессионалом, а не «жалким дилетантом», обладающим привлекательной внешностью. Дядя Володя смотрит в этот маленький люк, лицо у него заинтересованное, доброе и какое-то незанятое и оттого словно бы жалкое. Нет, это неверно, лицо у него красивое, а чувство жалости — это мое, сам же дядя Володя нисколько за него не отвечает. И все же...*

Как видим, прилагательное *красивый*, не утратив своего «объективного» общеязыкового значения (персонаж на самом деле внешне привлекателен), приобрело субъективно-оценочные семантические наслоения, сформировавшие эстетическую коннотативную модальность: красота дяди Володи Великолепного ассоциируется с дилетантизмом, а поскольку его великолепие обманчиво, вызывает жалость, так как за красивой внешностью скрывается обаятельный лентяй и пустомеля.

Приведем другие примеры, отражающие развертывание коннотативного смысла в эстетически нагруженный подтекст.

Откуда во мне постоянное ощущение обмана окружающих? Словно я не тот, за кого меня принимают, и все мои слова и движения двусмысленны, ибо служат для поддержания маскировки. Чепуха! Я такой же, как и прежде, просто я долго болел,

² Ср. иную контекстную реализацию общеязыковой коннотативной модальности слова *красивый* в рассказе литовского писателя В. Милюнаса «Счастливые люди красивы». В данном произведении это прилагательное развивает свой позитивно-оценочный коннотативный потенциал в сторону еще более высокой окраски, что связано, видимо, со спецификой творческой направленности В. Милюнаса, который, описывая представителей своего народа, демонстрирует к ним сыновнюю любовь (с оттенком восторженной сентиментальности, на наш взгляд). Красота воспринимается как сопутствующая счастью, связанная с приятностью, гармоничностью внешнего облика, но особенно — с готовностью человека, живущего на лоне прекрасной литовской природы и в окружении соотечественников, радоваться любым приятным мелочам, ощущать себя счастливым в соприкосновении с природой и другими людьми.

ослаб и еще не набрал формы, мне приходится обороняться от слишком сильных раздражителей. Это не двуличие, а естественная самозащита... А все-таки в здоровых людях есть что-то вульгарное,— вдруг со злостью подумал он.

Слово *здоровый* воспринимается в контексте повести с добавочными смыслами «эгоистичный», «черствый», «равнодушный к окружающим», «больной духовно» и т. д. Подтекстная экспликация эмотивно-оценочной модальности выявляет потенции общеязыковых коннотаций в лексическом значении данного слова, которое имеет узואльно закрепленные актуальные положительно-оценочные характеристики. Вероятно, основанием для экспликации в подтексте отрицательной эмотивно-оценочной модальности является указание на физиологию в семантике слова *здоровый* и его производных, что может формировать ассоциативную оппозицию телесного и духовного, а следовательно, если первое оценивается положительно (здоровый, не имеющий болезней — что «хорошо»), то второе — в результате логического противопоставления — способно реализовать отрицательную модальность (физически здоровый, но...) [1, с. 141].

Изменение сферы референции (от духовного к физическому) определяет сниженно-негативный эстетический характер и прилагательного *счастливый* в таком примере:

Счастливый егерь со вкусом закурил самокрутку и, отдавая собеседника крепким махорочным дымком, радостно заговорил: — Сам посуди: я ж на государственной службе, пятьдесят в месяц беру, как бог свят, и, хотя сам при паспорте, жене в колхозе подсобляю. На круг выходит рублей семьдесят. ...Присовокупи к семейному бюджету пятнадцать рублей в месяц. ...Я получаю каждый год лицензию на отстрел лося — клади девяносто рубликов, окромя рогов и копыт. Я бью минимум шесть рысей в год, по четырнадцати рублей за штуку. Присовокупи еще семь рублей в месяц. Ты лося рассчитал? — Как рассчитал? — Ну, сколько будет поделить девяносто на двенадцать? — Семь пятьдесят. — Значит, выходит, семьдесят плюс семь пятьдесят, плюс семь — восемьдесят четыре рубля пятьдесят копеек.

Уже из этого примера видно, что счастье персонажа связано с материальным благополучием, ограничивается вещественными и физиологическими (*со вкусом закурил*) потребностями. Данную коннотативную модальность подкрепляет постоянное оценочно-характерологическое подчеркивание детали — улыбки егеря:

— Егерь Бобков, — представился он и так щедро улыбнулся толстоскулым лицом, что узковатые глаза превратились в щелки; ...егерь Бобков с громадным удовольствием внимал ученой полемике, как-то сыто и довольно посмеиваясь. Его смешок не был бескорыстным проявлением легкой и доверчивой души, как у молодой хозяйки, он отражал

некую реальность, наделявшую егеря прочным удовлетворением сродни физиологическому счастью ...егерь не переставал вырабатывать из себя довольное урчание, отзываясь утробным этим смешком на каждое малое препятствие... смешком он как бы отмахивался от малости путевых невзгод, столь ничтожных перед полководьем захлестнувшего его счастья; и др.³

Итак, приведенные примеры показывают один из способов (по контрасту) развертывания общеязыковой (актуальной или потенциальной) коннотативной модальности, обрамляющей лексическое значение, в эстетически нагруженный подтекст. Исследование эксплицированных в пределах художественного текста субъективных эмотивно-оценочных характеристик, представляющих собой в «свернутом» виде коннотацию как макрокомпонент лексического значения, позволяет расширить лингвистические представления о прагматически значимых единицах языка, о его функционально-эстетических потенциях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Караулов Ю. Н., Молчанов В. И. и др. Русский семантический словарь. М., 1982.
2. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

С. П. ПЕТРУНИНА
Новокузнецкий пединститут

ПАРОНИМИЧЕСКИЕ ОГОВОРКИ В ДИАЛЕКТЕ

Описываются закономерности взаимозамены в контексте близкозвучащих слов, не имеющих семантического сходства, разграничиваются случаи паронимической оговорки и намеренной языковой игры, основанной на использовании паронимов.

Употребление паронимов нередко связано с речевыми ошибками. Говорящий их или не замечает и поэтому не исправляет, или, наоборот, замечает и правит свою речь. В первом случае

³ Ср. эстетическую коннотативную модальность прилагательного *счастли-* *ливый* в повести Нагибина «Дорожное происшествие»: *А тебе легче, что ты не знаешь? — Легче. Старик встал и пошел — это я видел. Что было с ним дальше — не знаю. — Знаешь: он скоропостижно умер. — Ежедневно скоропостижно умирают сотни, тысячи людей. Все! Я не могу тратить на это остаток жизни. — Ты счастливый человек. Все вы счастливые люди.* Здесь счастливыми названы люди, которых не мучают угрызения совести за совершенное ими преступление.

имеет место реализация одного из словарных паронимов, объединяемых семантической общностью, которая вместе с формальным сходством «рождает» не замечаемую говорящим ошибку. Например: *Я представляю* (вместо *предоставляю*) тебе слово потом; *Можно я одену* (вместо *надену*) пальто? (из разговорной речи).

Во втором случае речь идет о функционировании паронимических пар, не имеющих семантического сходства. Семантическое различие близкозвучающих слов заставляет говорящего исправлять ошибку. Появляется паронимическая оговорка «афазийного» характера, когда вместо *мыло* говорят *шило* и правят речь при помощи конструкции, омонимичной пояснительной «А, то есть Б»: *Я и обуток почию // Нитки скручу / шилом, / то есть мыло м натру / тыкаю и шью* // (из диалектной речи).

Непреднамеренность паронимических оговорок отличает их от случаев языковой игры (контекстных паронимов, паронимии как стилистического приема, паронимической аттракции), которые имеют преднамеренный (в целях достижения стилистического эффекта) характер. Например: *Наш девиз — четкость и чуткость; Истина рождается в споре, а не в ссоре; Цену брал, а вернее драг такую, что у покупателей от сладкого меда становилось горько во рту* [3]. «В контекстных паронимах,— отмечает Н. А. Янко-Триницкая,— задано семантическое различие, а ищется или устанавливается семантическое сходство, семантические ассоциации, причем это возможно только при столкновении подобных слов в одном тексте» [9, с. 98].

Собственно говоря, контекстные паронимы — это тоже оговорки, но преднамеренного характера, коррелирующие с одним из значений энантиосемичной лексемы: *оговорка* в толковых словарях — это — «1. Замечание, ограничивающее или исправляющее (целенаправленно.— С. П.) то, что сказано; 2. Ошибка в речи, нечаянно сказанное слово».

Если контекстные паронимы свойственны как письменной (язык художественной литературы, некоторые жанры кодифицированного литературного языка), так и устной (разговорная речь носителей литературного языка) формам речи, то паронимические оговорки непреднамеренного характера — принадлежность устной (обязательно спонтанной) речи. Частота их появления в речи находится в прямой зависимости от возрастного и социального факторов, от степени образованности говорящего. В связи со сказанным отмечаем, что диалектная речь, а именно речь пожилых неграмотных или малограмотных крестьян, изобилует паронимическими оговорками.

Специфика паронимических оговорок и в том, что они, в отличие от контекстных паронимов, ограничивают сферу своего функционирования одной конструкцией — омонимичной пояснительной. В ней так же, как в пояснительной конструкции, есть первый и второй члены ряда, позицию которых следует признать

«жесткой», закрепленной, есть особый показатель правки — релятив *то есть*, который стоит при втором члене ряда и омонимичен пояснительному союзу¹. *То есть* в оговорках лишен связующей функции, это сигнал хезитации, ошибочности первой номинации [4]. Например: *Ребенки / то есть пеленки в Томске как-то дают еще беременным // А у нас кто как сам сможет //; Зрачи / значки эти то есть / они от Лени остались // До армии собирал //; А кто ее сласть / власть-то есть не любит //*².

Регулярное употребление диалектоносителями *то есть* в оговорках приводит к необходимости пересмотреть выводы исследователей диалекта об отсутствии в нем этого книжного по своему происхождению союза³.

Кроме *то есть*, сигналом ошибочности номинации в говоре служит группа междометий: *ой, ай, тьфу, фу, ты*, выражение как *его(ее)*. Приведем примеры:

Ой: Там у вас в Томске луну / ой юлу не продают //; Собирай мать девок // Я вас перебросу на тот берег на туюске / ой / обласке // Вон там / ягоды //; Глыба / ой / рыба эта карась большущий вот такой // Он у мене в подполье жил //

Ай: Сначала крючки / ай кружки вывяжу // Потом к ей [салфетке] метелочки привязываю //; Звонок / ай замок в гараже ктой-то ковырял //; Ты [Внуку, вставшему после сна] чесанись // Волоса-тка зализал / ай залезал На гребешок //

ТЬфу: Вон Прудниковы живут // Чего только нет // Кабинет / тьфу / тувалет / и тот плиткой заделат // Туды вон поставь киску // тьфу // миску //; Глаза [у внучки] ужос с минусами / а все читат эти фи ги / тьфу кни ги //

Фу: Воду / фу соду побросаю пошкрябаю [дно кастрюли, если в ней пригорит пища] // Али золу ишо //; Хоть че // монеток / фу // конфеток куплю каких / иль пряники / пирожки напеку любят //; Седло / фу ведро поставил / выпил враз / Во как коня загнал //

Фу ты: Нынче-то я землицу добавила обрат / фу ты / фосфат / еще что мне там сказали / Землица-то уже выработалась //; Нрав / фу ты шкаф ей не нравится // За стенкой какой-то гонятся //; Калачи / дак это прямо на ход // фу ты // на под // Таку сделают метелку / из сосны // Помело называется // и этим мелом там выметут золу-то сметут в одну сторону / а там хлебушко насадят //

¹ За рамками настоящей статьи оставляем вопрос о тождестве служебного слова.

² Материалом для исследования здесь и далее послужили магнитофонные записи диалектной речи, сделанные автором в деревнях Томской области и представляющие диалект особого типа, который называется — по локалу своего распространения — среднеобским. Его характеристику см. в [5].

³ В имеющихся словарях Среднего Приобья *то есть* отсутствует. См., напр.: [2; 6; 7; 8].

*Как его (ее): С о л ь / как его / м о л ь втору доху пощелкал //;
А бьет ее [жену] почем зря // Уж стала как д е н ь / как его /
т е н ь ю ходит / д ни считает // Уж лучше к богу //; Т а й г а / как
ее / п у р г а встренула их // Вот и нету день / другой //.*

Вводно-модальные *вернее, точнее* — показатели хезитации, частые в речи носителей литературного языка, в диалектной речи практически не встречаются.

На правочном шве диалектных паронимических оговорок могут являться неканонические элементы *м-м, э-э, э-м* и др.: *Белянки / это грибы вот // Они мы их вымачиваем от г о р е с т и // э-м // от г о р е ч и //; Это были вот трудные г о л о д а // э-э / г о д а // Не хватало хлебушка // Дак одну рыбу [ели]. //*

И наконец, сигналом оговорки может быть особая интонация хезитации. Например: *Вот эти п о ч к и // т о ч к и [показывает на грудь] во мне болят // Как спицами кто пыряет //*.

Отметим, что возникновение паронимической пары в оговоре чаще мотивировано, чем наоборот. Появление первого компонента пары обусловлено, как правило, контекстными или ситуативными семантическими связями, ассоциациями.

Затронутая нами проблема ошибочности речи не проста и относиться к ней можно по-разному. Ведь «при желании в речи можно найти все, что угодно. <...> В этой связи возникает вопрос, где предел явлений, которые должны интересовать грамматиста. По-видимому, для определения границ разговорной грамматики пока целесообразно фиксировать (разрядка моя.— С. П.) все реально встречающееся, чтобы с получением полной картины можно было бы впоследствии что-то квалифицировать как косноязычное, нежелательное, ошибочное, и что-то как допустимое и терпимое» [1, с. 145—146].

Фиксация и изучение паронимических оговорок, думается, дают новый материал к осмыслению ряда проблемных — общих и частных — вопросов лингвистической теории: организация понятийного поля ошибочности, типология паронимов, структура повтора, в частности фонетического (*шило, то есть мыло; луна, то есть юла*), омонимия синтаксических конструкций, омонимия /многозначность служебных слов. И, наконец, изучение речевого балласта позволяет обнаружить и в нем самом определенную организованность, системность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М., 1979.
2. Дополнения к словарю русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / Под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. Томск, 1975. Ч. 1-2.
3. Колесников Н. П. Паронимазия как стилистическая фигура // Русский язык в школе. 1973. № 3.
4. Николаева Т. М. Новое направление в изучении спонтанной речи (о так называемых речевых колебаниях) // Вопросы языкознания. 1970. № 3.

5. *Русские говоры Среднего Приобья* / Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1985. Ч. 1.

6. *Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья* / Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1977.

7. *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: В 3 т.* / Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1967. Т. 3.

8. *Среднеобский словарь: В 2 т.* / Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1983—1986. Ч. 2.

9. Янко-Триницкая Н. А. К изучению паронимов // Русский язык в школе. 1979. № 5.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

Л. А. ХАЧАТУРОВА
Самаркандский пединститут

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЗООНИМОВ

Исследуется взаимодействие словообразования, теории номинации и речевой деятельности на материале русских зоонимов, выделяются словообразовательные разряды зоонимов.

Одним из неотъемлемых компонентов смысла слова, наряду с лексическим, словообразовательным и грамматическим значениями, является его внутренняя форма (ВФ), в которой выражается не только «толкование действительности», но и ее оценка [3].

Проблема ВФ слова рассматривалась в фундаментальных работах немецких языковедов В. Гумбольдта и Г. Пауля, русского ученого А. А. Потебни и др.; нашла освещение в трудах советских лингвистов А. М. Пешковского, В. В. Виноградова; наблюдения, сообщения и выводы, касающиеся этого вопроса, содержатся в общих и специальных исследованиях Е. А. Земской, О. П. Ермаковой, О. И. Блиновой, Л. А. Новикова, А. И. Моисеева, Т. Р. Кияка, Б. А. Плотникова, В. Г. Гака¹.

Первая концепция ВФ принадлежит Гумбольдту [5]. Через сравнение разных языков, в которых, как правило, степень и характер мотивированности грамматических и лексических значений не совпадают, он приходит к раскрытию ВФ как способа отражения внешней действительности в формах языка. Гумбольдтовское учение о ВФ основывается на различии, во-первых, внешней и внутренней формы, под которыми имеются в виду звуковая и внутренняя формы не слова, а языка в целом, а также на различии не только ВФ языка в целом,

¹ Представление о ВФ слова как объекте исследования претерпело сложную эволюцию. Традиционное использование понятия ВФ слова восходит к античной философии (Платон, Плотин), философии арабского мира (VIII—XII вв.). Термин широко распространен в литературоведении.

раскрывающей его национальное своеобразие, но и ВФ языка как индивидуальной особенности, реализующейся в речи. По Гумбольдту, форму языка составляет то, что возвышает членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности [4]. Свообразие ВФ исследователь видит в способе обозначения понятий. При этом им выдвигается требование согласованности между элементами внутренней и звуковой форм языка: «Связь звуковой формы с внутренними языковыми законами придает завершенность языкам, и высшая ступень их завершенности знаменуется переходом этой связи, всегда возобновляющейся в одновременных актах языкотворческого духа, в их подлинное и чистое взаимопроникновение. <...> Этот процесс завершается, только когда весь строй звуковой формы прочно и мгновенно сливается с внутренним формообразованием. Благоприятным следствием этого является полная согласованность одного элемента с другим...» [4, с. 107]. Если исходить из такого понимания ВФ, то можно утверждать, что она не является нерасчленимой, т. е. не отрицать ее наличие в отдельных словах.

В исследованиях А. А. Потебни, посвященных ВФ, последовательно развивается и обогащается идея Гумбольдта. А. А. Потебня утверждал, что слово выражает не всю мысль, которая принимается за его содержание, а только лишь один ее признак: «Под словом *окно* мы разумею обыкновенную раму со стеклами, тогда как, судя по сходству его со словом *око*, оно значит то, куда смотрят или куда проходит свет, и не заключает в себе никакого намека не только на раму и проч., но даже на понятие отверстия... Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Этим только можно объяснить, почему в одном и том же языке может быть много слов для обозначения одного и того же предмета, и, наоборот, одно слово совершенно согласно с требованиями языка может обозначать предметы разнородные» [12, с. 114—115].

Более широкое определение понятия ВФ А. А. Потебня дает в книге «Из записок по русской грамматике»: «Значение слов, в той мере, в какой оно составляет предмет языкознания, может быть названо внутренней их формой, в отличие от внешней звуковой, иначе — способом представления внеязычного содержания» [11, с. 6]. Так, в слове *подснежник*, помимо прямого значения, мы находим представление о цветке, растущем под снегом. Сущность словообразовательного значения, «представления» А. А. Потебня определял как «внутренний знак значения», «способ», каким обозначено собственное значение слова. По его мнению, представление — «непременная стихия возникающего слова... необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа

или понятий [там же, с. 6—7]. Развивая мысль о ВФ слова, ученый приходит к рассмотрению самого процесса образования новых слов и их отношения: «В последующем слове заключено всегда не предшествующее слово,— а лишь отношение к нему. Если же предыдущее слово исчезло из языка, то тем самым исчезло и отношение к нему последующего» [там же, с. 6]. Отсюда мысль о необходимости использования ВФ в теории словообразования.

Понятие ВФ особенно актуализируется на современном этапе в связи с развитием словообразования как науки, с формированием ее системы терминов и понятий, в частности, с постепенным углублением представлений о словообразовательном значении, мотивации и т. п., и с развитием лексикографии, с уточнением и углублением представлений о механизме номинативной деятельности, стремлением лексикографов не механически, а творчески реализовать в практике достижения лексикологии, семасиологии, словообразования.

В современном языкознании нет единого взгляда на понятие ВФ: одни лингвисты подчеркивают факт существования в слове двух форм — внешней (звуковой) и внутренней, выступающей как представление, символ, который служит связующим звеном между звуковым составом слова и его значением, другие отказываются признать лингвистический статус ВФ. Это привело к нагромождению различных терминов и понятий, претендующих на роль «более подходящих аналогов внутренней формы (ср.: «буквальное значение», «этимологическая структура», «дериивационное значение», «словообразовательное значение», «мотивация», «мотивировочный признак» и т. д.)» [6, с. 11]. Только в «Словаре лингвистических терминов» даются два синонима ВФ — «символическая ценность» и «смысловая структура» [1]. В энциклопедии «Русский язык» этот термин определяется так: «Внутренняя форма слова — характер связи звукового состава слова и его первоначального значения, семантическая или структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка: способ мотивировки (разрядка моя.— Л. Х.) значения в данном слове» [13, с. 43]. Как видим, в определении делается акцент на способ мотивировки как на ведущий, отличительный признак номинации.

Тесно связывает понятие ВФ слова с понятием мотивировки Ю. С. Маслов: «Составной частью внутреннего содержания многих... слов является так называемая мотивировка — заключенное в слове и осознаваемое говорящими «обоснование» звукового облика этого слова — указание на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков» [8, с. 135]. И далее: «Мотивировка есть как бы способ изображения данного значения в слове, более или менее наглядный «образ» этого значения, можно сказать — сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело

место в момент возникновения слова. В мотивировке раскрывается подход мысли человека к данному явлению, каким он был при самом создании слова...» [там же, с. 138]. Отмечая отождествление мотивировки с внутренней формой слова, Ю. С. Маслов подчеркивает семантическую значимость мотивировки: «...мотивировку иногда называют внутренней формой слова... Представляется все же более правильным не называть мотивировку «формой», хотя бы и «внутренней», а включать ее в состав содержания слова в качестве необязательного, но возможного компонента, связанного так или иначе с концептуальным ядром лексического значения, а также с эмоциональными и иными коннотациями» [там же].

Б. А. Плотников во ВФ слова видит связь с действительностью через мотивирующие признаки: «Под внутренней формой понимается мотивированный признак, положенный в основу названия предмета, явления. ...Обычно такими являются те признаки, которые бросаются в глаза или лежат на поверхности... выполняют важную для человека функцию, занимают определенное место в пространстве или во времени или среди других предметов, имеют ту или иную социальную значимость и т. д.» [10, с. 15].

Сравнение приведенных определений ВФ слова позволяет выявить общее — внимание исследователей акцентируется на связи звучания слова с его значением и способе мотивировки, положенной в основу номинации. Анализ определений ВФ дает возможность постулировать тесную связь словообразования с теорией номинации и речевой деятельностью человека.

В современном языкознании сущность процесса номинации определяется гносеолого-семантическим аспектом, рассматривающим ее как «процесс обращения фактов внеязыковой действительности в достояние системы и структуры языка, в языковые значения, отражающие в сознании носителей языка их общественный опыт» [18, с. 13]. Вместе с тем отметим, что вся структура плана содержания языка основывается на отражательных свойствах языка и сознания, логическом мышлении человека, чувственном восприятии им внешнего мира, а также на способах видения и членения внешней действительности сознанием с помощью языка (Б. А. Плотников).

Итак, «чувственное восприятие дает предмет, разум — название для него... Что же такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающейся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности» [17, с. 74]. Не случайно В. Г. Гак, вскрывая характер наименования, подчеркивает, что ВФ — это образ, который лег в основу наименования. Выяснение же признака (образа) номинации возможно, как справедливо отмечает академик В. В. Виноградов, лишь на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в кон-

тексте которого возникло или преобразовалось данное слово или сочетание слов [3].

ВФ рассматривается нами как реально существующее и фактически неизбежное синхронно-диахронное явление. В первичных номинациях она может соотноситься с этимоном, а на уровне вторичных номинаций переосмысливаемое значение содержит ВФ наименования нового объекта.

ВФ может быть ясно воспринимаемой, мотивирующей семантическую (словообразовательную) связь с образующей основой. Ср. *подорожник* — «сорная трава, растущая обычно по дорогам, т. е. придорожная»; *домик* — «маленький дом»; *дождливый* — «сопровождается частыми дождями» и т. п. А. А. Потебня писал, что «в ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего» [12, с. 115].

В процессе функционирования слова в языке мотивирующий признак, положенный в основу номинации, может поблекнуть, стать затемненным, а иногда, в процессе исторического развития, под воздействием разнообразных изменений, может окончательно утратить связь с первоначальной этимологией слова, т. е. быть «стертым». Для аргументации используется сравнительно-исторический метод. Хрестоматийным примером такого рода является сравнение общеславянского по происхождению слово *дятел* (др.-рус. дАТЬль), образованное от глагола *долбить*, с наименованием этой птицы в русских диалектах *долбила* (сиб.), в основе которых лежит характеристика птицы по свойственному ей действию — *долбить*. Этот признак достаточно дистинктивен: для дятла характерно свойство долбить стволы деревьев. Однако отметим, что в первом случае этот признак (ВФ) утрачен полностью: в современном языковом общении он уже не осознается говорящими. Или слово *медведь*, с синхронной точки зрения являющееся немотивированным и имеющее затемненную ВФ, которую можно восстановить только с помощью специального этимологического анализа. *Медведь* (праслав. *medvedь*) — первоначально «поедатель меда» (образовано от существительного *мед* и суффикса *-ед*). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что наряду с признаками броскими, обладающими большой различительной силой, могут быть выбраны малосущественные, маловыразительные признаки, различительная способность которых довольно слаба, и что мотивирующий признак, т. е. ВФ отдельных слов, уже не имеет ничего общего с их значением. Количество таких немотивированных слов в языке, по наблюдениям О. И. Блиновой, очень невелико: соответственно в литературном языке 1 : 4, в лексике диалектов — 1 : 5 [2]. Лексическое значение их в период возникновения соответствовало «формальному понятию», содержащему минимум сведений о предмете, который необходим для его опознания [5].

Значительное количество слов русского языка имеет достаточно прозрачную ВФ. 80 % лексического состава языка принадлежит к мотивированным словам. На одно непроизводное слово приходится более 10 производных (т. е. мотивированных) (А. Н. Тихонов).

Лексическая единица, ВФ которой соответствует ее содержанию, семантически полновеснее и выразительнее, хотя признак, положенный в основу наименования, не исчерпывает всей сущности предмета. Мотивирующий признак (ВФ) ориентирует главным образом только на соответствующее значение. В основу наименования кладется название одного признака, но действительное значение предмета основывается на сумме признаков. Ср. *голец* — «небольшая пресноводная рыба сем. карповых, с тонкой кожей без чешуи»; *стенолаз* — «птица отряда воробьиных горных районов Европы и Азии, обладающая способностью лазать по отвесным скалам» [16]. Нельзя не признать, что знания о предмете, которые человек приобретает в результате жизненного опыта, богаче по сравнению с признаком, выбранным для номинации². Человек изучает и познает предметы действительности, ибо возникновение наименований предметов и явлений нельзя представить вне человеческого опыта: «Прежде чем дать наименование какому-либо предмету, необходимо сначала знать то, что ты собираешься назвать» [14, с. 16].

В процессе познания мира животных сложился комплекс признаков, с помощью которых можно отличить данную лексико-семантическую группу слов от других. Это такие признаки, как систематика животных (класс, отряд, семейство, род, вид), параметры (вес, сила, размер), цвет (окраска), питание, место обитания и ареал распространения, характерное действие, характерный внешний признак (сюда относим и сходство с какими-либо реалиями, предметами, ставшими отличительными признаками внешности), голос (крик, звук), образ жизни (колониями, в одиночку и т. п.), подобие, сходство с другими животными, строение тела, активность животного, возраст, эмбриональное развитие, оценка полезности (промысловое, хищное, полезное и т. п.), содержание животного, характерные признаки передвижения и др.

В основе номинации мотивированных названий животных лежит отличительный признак (ВФ). Выбор одного из отличительных признаков для наименования является типичным языковым приемом. Этот способ представления значения слова. Бабочка названа *крапивницей* в соответствии с местом обитания (живет на крапиве), *красноперкой* называли рыбу по наличию у нее красных плавников (как бы перьев), а птицу называли *пискулькой* по издаваемому пискливому крику.

² См. об этом [18, с. 147—187].

Важнейшей особенностью номинации зоонимов является называние животных по характерному для них признаку. В основу номинации зоонимов положено 12 отличительных признаков. Отсюда номинация животных нами представлена набором 12 семантических моделей (первые 6 из них являются достаточно регулярными):

1) цвет (окраска): *млекопитающие* — белуха, беляк, синяк, пеструшка; *птицы* — сизяк, зеленушка, синица; *рыбы* — зеленушка, красноперка, белорыбица, пеструшка; *насекомые* — огневка, белянка, бронзовка, лимонница, пестряки; *пресмыкающиеся* — желтопузик, желтобрюх; *моллюски* — багрянка. Например: *лимонница* — «бабочка лимонно-желтого или зеленовато-белого цвета»; *белорыбица* — «ценная промысловая рыба сем. лососевых, с серебристым телом и белым брюхом»;

2) питание: *млекопитающие* — муравейник, муравьед, барденник; *птицы* — мухоловка, кедровка, коноплянка, перепелятник, стервятник; *насекомые* — брюквенница, капустница, грибоед; *рыбы* — утятница. Например: *муравейник* — «небольшой черный медведь, питающийся ягодами и муравьями»; *утятница* — «большая щука, способная глотать утят»; *грибоед* — «жук, питающийся грибами» [17];

3) характерные действия: *млекопитающие* — грызун, кусака, скакун, ищейка; *птицы* — плавунчик, слеток, вертун, наседка, несушка; *рыбы* — вьюн, прилипала, брызгун; *насекомые* — переносчик, обдирала, пилильщик, плавунец; *черви* — сосальщик, пиявка; *моллюски* — древоточец. Например: *прилипала* — «морская рыба, имеющая присоску на голове, при помощи которой она прикрепляется, прилипает к другим рыбам, пользуясь их энергией для передвижения»; *несушка* — «курица, несущая яйца»; *ищейка* — «служебная собака с острым чутьем, отыскивающая по следу» [17];

4) характерный внешний признак: *млекопитающие* — ушан, носач, полосатик, трубконос, звездорыл; *птицы* — широконоскa, мохнатка, серпоклюв, лопатонос, лирохвост; *рыбы* — голец, колюшка, зубатка, игла-рыба, меч-рыба, клювонос; *насекомые* — головац, крестовик, гладыш; *пресмыкающиеся* — щитомордник; *ракообразные* — щитни. Например: *меч-рыба* — «большая морская рыба отряда окунеобразных с длинной, похожей на меч, верхней челюстью»; *мохнатка* — «птица, имеющая на ногах большие мохны с мохнатыми ногами» [там же];

5) голос (крик, звук): *млекопитающие* — пищуха, ревун; *птицы* — пискулька, кликун, шипун; *насекомые* — щелкун; *земноводные* — квакушка; *рептилии* — гремучая змея. Например: *пискулька* — «птица сем. утиных, издающая протяжный пискливый крик»; *ревун* — «широконосая обезьяна, живущая в лесах Южной и Центральной Аме-

рики, отличающаяся длинным, чрезвычайно цепким хвостом и очень громким голосом»; *щелкун* — «жук, издающий характерный щелкающий звук при переворачивании его со спины на брюшко» [16].

6) место обитания: *млекопитающие* — *степняк*; *птицы* — *камышовка*, *рисовка*, *ржанка*; *рыбы* — *песчанка*; *насекомые* — *крапивница*, *накожник*. Например: *камышовка* — «певчая птица отряда воробьиных, обитающая в камышах и прибрежных кустарниках»; *крапивница* — «пестрая дневная бабочка, гусеницы которой живут на крапиве» [там же];

7) возраст. Указание на возраст животного может осуществляться не только прямо через количественный показатель: *одногодок*, *первогодок*, *двухлеток*, *трехлеток*, *третьяк*, но и опосредованно, путем называния возрастных признаков (время рождения, характер питания, хозяйственное назначение и т. п.); *сосун*, *стригун*, *недопесок*, *подтелок*, *подсвинок*, *подъездок*, *подсосок*, *подлисок*. Например: *третьяк* — «жеребенок или теленок на третьем году»; *сосун* — «детеныш млекопитающего животного (главным образом лошади), сосущий матку»; *подъездок* — «молодая, едва обьезженная верховая лошадь»; *подсвинок* — «поросенок в возрасте от 4 до 10 месяцев» [17]. В словарях зафиксированы и собирательные существительные со значением наименования животного по возрасту: *детва* — «личинки пчел, а также молодые пчелы»; *молодь* — «молодые рыбы, а также вообще молодые животные, еще не достигшие нормальной величины»; *молодняк* — *молодые животные*, птицы; *сеголетки* (ед. *сеголеток*) — «молодняк (рыбы, звери) текущего года» [9];

8) подобие, сходство с другими животными: *птицы* — *подорлик*; *рыбы* — *подлещик*, *подъязок*. Например: *подлещик* — «речная рыба сходная с лещом, а также лещ небольших размеров» [16];

9) строение тела: *млекопитающие* — *полорогие*; *рыбы* — *четырежаберные*; *насекомые* — *многоножки*, *членистоногие*; *черви* — *двуустка*; *земноводные* — *хвостатые*; *моллюски* — *осьминог*. Например: *полорогие* — «сем. млекопитающих с полыми рогами» [там же];

10) активность животного: *млекопитающие* — *сумеречник*; *насекомые* — *ночница*, *веснянка*. Например: *ночница* — «бабочка, летающая ночью» [17].

11) место размножения: *насекомые* — *плодожил*, *яйцеед*. Например: *яйцеед* — «паразитическое насекомое, оплодотворяющее свои яйца в яйцах других насекомых» [16];

12) запах: *земноводные* — *чесночница*. Например: *чесночница* — «род лягушек, издающий слабый запах чеснока и имеющих очень крупных головастика» [15].

С целью наиболее наглядного представления, какие мотивирующие признаки кладутся в основу наименования зоонимов

Мотивирующие признаки	Классы животных								
	млекопит.	птицы	рыбы	насеком.	рептилии	земнов.	черви	моллюски	ракообр.
Цвет (окраска)	+	+	+	+	+			+	
Характерное питание	+	+	+	+					
Характерное действие	+	+	+	+			+	+	
Характерный внешний признак	+	+	+	+	+		+		+
Издаваемые крики, звуки (голос)	+	+		+	+	+			
Место обитания	+	+	+	+					
Возраст	+	+	+	+					
Подобие, сходство с другими животными		+	+						
Строение тела	+		+	+		+	+	+	
Активность животного	+			+					
Место размножения				+					
Запах						+			
ИТОГО	9	8	8	10	3	3	3	3	1

каждой родовидовой общности (млекопитающие, птицы, рыбы и т. д.), предлагается таблица с указанием типов признаков.

При описании зоонимической лексики в словаре используется более 20 признаков, характеризующих животных, но в основу номинации положено значительно меньше — 12. Самой низкой частотностью обладают признаки, характеризующие животных по подобию, сходству с другими животными, месту размножения, активности. И лишь в единственном случае в основу номинации положен признак «запах». Небезынтересными являются наблюдения над реализацией тех или иных признаков в наименовании животных каждой родовидовой общности. Словарный материал показывает, что использование их не одинаково. Так, при номинации млекопитающих чаще используется какой-либо характерный внешний признак, признаки по действию, по цвету (окраске), при номинации птиц — характерный внешний признак, а также признаки, связанные с питанием и местом обитания. Название рыб осуществляется преимущественно с использованием таких признаков, как цвет (окраска), характерный внешний признак, который в большей части базиру-

ется на сходство рыб с какими-либо реалиями (предметами), в то время как в основу номинации значительного числа насекомых положены такие признаки, как цвет (окраска), питание, место обитания. В целом, ведущими среди мотивирующих признаков в номинации животных являются характерный внешний признак, цвет и место обитания.

Анализ явления мотивированности позволяет заключить, что ВФ является ключом к семантическому прочтению слова. ВФ — это намек или просто своеобразная метка на определенное содержание. Само возникновение и функционирование мотивированных слов связано с тем, что носители языка стремятся конкретизировать понятия, осмыслить признаки, которые лежат в основе номинации явлений, опереться на них в словоупотреблении. Они предпочитают слова понятные, объяснимые, раскрывающие сущность явления. А если это так, то при определении лексического значения ссылка на ВФ (реконструкция ее) желательна.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
2. Блинова О. И. Проблемы диалектной лексикологии: Дис. ... докт. филол. наук. Томск, 1974.
3. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
4. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
5. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М., 1965.
6. Кияк Т. Р. Мотивированность лексических единиц. Львов, 1988.
7. Ленин В. И. Конспект книги Фейербаха «Изложение, анализ и критика философии Лейбница» // Полн. собр. соч. Т. 29.
8. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1976.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1989.
10. Плотников Б. А. О форме и содержании в языке. Минск, 1989.
11. Потёбня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1—2.
12. Он же. Эстетика и поэтика. М., 1976.
13. Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
14. Серебренников Б. А. К проблеме «язык и мышление» (всегда ли мышление вербально?) // Современный литературный язык. 1977. Т. 36. № 1.
15. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.
16. Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985—1988.
17. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., 1950—1965.
18. Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.

Д. И. АРХАРОВА
Уральский пединститут

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА
ДИАЛЕКТИЗМОВ В СКАЗОВОМ ТЕКСТЕ
(на материале сказа П. П. Бажова
«Малахитовая шкатулка»)**

Выявляются закономерности введения П. П. Бажовым диалектной лексики в текст сказа «Малахитовая шкатулка», определяются группы использованных в сказе диалектизмов.

Содержательно-смысловые нагрузки диалектизмов можно выявить в процессе контекстного функционально-стилистического и функционально-семантического анализа. Однако прежде всего необходимо уточнить понятие диалектизма в применении к сказовому тексту.

Бажовский сказовый текст в жанровом отношении своеобразен, так как является сказом литературным. Повествование стилизовано под разговорную речь, но в жанровых рамках литературного сказа такая стилизация оказывается соотнесенной с особенностями разговорно-обиходного функционального стиля (ср. со стилизациями под фольклорные тексты в «Аленьком цветочке» С. Т. Аксакова, под городское (мещанское) просторечие у Н. Лескова и М. Зощенко).

Жанр литературного сказа эклектичен по самой своей природе, и его текстообразующей характеристикой является «соединение несоединимого»: 1) сказ с региональной окраской общедоступен и общепонятен (это основная коммуникативная установка автора); 2) внешняя монологичность никак не противоречит своеобразному лингвистическому «диалогу» автора с читателем, так как именно восприятие сказового текста невозможно без значительной активизации языкового сознания и языкового чутья читателя (это касается и диалектизмов, и особенностей разговорно-обиходного стиля); 3) считаем, что в бажовском тексте функционально соединены три «сферы» языка: элементы разговорно-обиходного стиля, имеющие функционально-стилистическую маркированность, составляют его «основу»; они органично (непротиворечиво с функционально-стилистической точки зрения) соединены с общеупотребительными, стилистически нейтральными элементами, присутствующими в любом тексте; элементы устной речи (УР): диалектизмы, фольклоризмы, просторечия, широко используемые Бажовым, своеобразно «инкрустируют» текст, обрастая в нем различными коннотациями. В статье такие коннотации рассмотрены на примере диалектизмов.

В тексте выделено 145 диалектизмов.

Диалектизм — это «фонетические, морфологические и семантические особенности, присущие отдельным диалектам в сопоставлении с литературным языком» [5].

Диалектизмы у Бажова в целом можно охарактеризовать так.

1. Их «набор» невелик; использованы стяженные формы прилагательных, отдельные диалектные падежные формы существительных и местоимений, отдельные словообразовательные модели существительных, глаголов и наречий; среди лексико-семантических диалектизмов выделились глаголы речи и эмоционального состояния/отношения, антропонимические существительные и прилагательные, конкретная лексика [1].

2. Они частотны и легко узнаваемы в тексте, не затрудняют его восприятия, при этом Бажов полностью исключает такие диалектизмы, которые по разным причинам можно «заподозрить» в пародировании устной региональной речи или в «антиэстетизме» (беззатворное произношение аффрикат, стяженные глагольные формы, грубые, фамильярные, бранные слова).

3. Для всех использованных Бажовым диалектизмов существующие диалектные словари выявляют широкий ареал распространения: собственно уральских — 24, урало-сибирских — 13, урало-европейских — 4, европейских — 7, с широким ареалом — 64 [2; 8; 9].

Таким образом, региональность речи на уровне диалектизмов лишь намечена, «по Бажову» нельзя изучать диалектные особенности средне-уральских говоров. Очевидно, в создании необходимого местного, уральского колорита весьма большую роль играют внешние атрибуты текста, его паспортизация — топонимические и оттопонимические названия, например: *...в Полевой (=в поселке Полевском Сысертского р-на), у погорельцев!; ...какая царица в Полевой выискалась!*¹

Нами отмечены следующие принципы введения диалектизмов в текст:

а) диалектный корень соединен только с общеупотребительной грамматической формой (ГФ): *обахму́рило, спра́вный, сговóрная, понужда́ть, посло́вные, хитник, малоу́мный, неочёсливая*;

б) диалектная или диалектно-просторечная ГФ оформляет только общеупотребительный корень: *каба́чка затычка; учено́й человек, запото́вывала, черка́ско седло, в о́рденах да в заслúгах, в це́ркву, сватовья́, са́хнуть, со́йкать*;

в) на относительно небольшом расстоянии друг от друга употребляются в тексте диалектные и общеупотребительные однокоренные или синонимичные слова: *Степан хорошее обеспечение*

¹ Здесь и далее цитируется по изданию: Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. Свердловск, 1975.

семье оставил. Дом справный... обзаведенье полное... Ну, забеднели все-таки. Где же одной женщине с малолетками хозяйство управлять!; В кого только и зародилась. На наших и вовсе не походит; На эту девчоночку люди дивовались... Это не диво, что черненька... А что глазки зелененьки — тоже дивить не приходится...;

г) в отдельно взятом предложении может быть только один (реже два) диалектизма: *У Настасьи... шкатулка малахитова осталась; Сама Хозяйка Медной горы сдала Степана шкатулкой...; Как закованный палец-то, в конце даже посинеет; Степан тоже не понуждал жену носить из этой шкатулки; Настасья — баба работающая, робятишки пословные, не охтимнеченьки живут.*

Таким образом, можно говорить о достаточной жесткости авторских установок, регулирующих наличие диалектных элементов в предложении и — шире — в бажовском тексте.

Этот достаточно частный, на первый взгляд, вывод позволяет делать интересные предварительные обобщения об объеме понятия стилизации в применении к сказовому тексту.

Бажовский текст стилизован «двойко». Во-первых, читаемое повествование стилизовано под разговорно-обиходный функциональный стиль, при этом органично, на основе функционально-стилистического критерия, действующего при построении современного текста, увязаны элементы письменной речи (общепотребительные и разговорно-обиходные) и устной речи. Во-вторых, используемая устная речь стилизована тоже под разговорно-обиходный стиль, что невозможно без использования «нормализаторского», априорного критерия отбора языковых средств для построения повествования (см. замечания о принципах отбора диалектизмов).

Резюмируя, можно выдвинуть положение о «сделанности» бажовских контекстов, построенных в соответствии с жанровыми требованиями эклектичного по своей природе литературного сказа. Этот тезис подтверждается и углубляется при сравнительном анализе диалектизмов, фольклоризмов, просторечий в бажовском тексте.

К фольклорным элементам бажовского текста относим формы типа *хаживал, заповревливать, здоровёшенек, здоровёхонький*, которые типичны для самых разных произведений устного народного творчества. Такое понимание фольклоризма спорно, но определение адекватного объема этих элементов бажовского текста еще впереди, это тема отдельного исследования. Формы, отмеченные выше в качестве фольклоризмов, не свойственны живой разговорной речи и не характерны для разговорного стиля, что важно для нас как доказательство стилизации рассмотренного текста именно в соответствии с разговорно-обиходным функциональным стилем [6].

Бажов отмеченные формы (слова с суффиксами субъективной оценки, глаголы с двойными приставками, глаголы с суффиксом -ыва-) широко употребляет в повествовании о положительных героях — Танюшке, Хозяйке Медной горы, появившейся в виде странницы. Интересно, однако, то, что подобные формы совершенно естественны и для живой диалектной речи [3]. Поэтому считаем, что в бажовском тексте они являются диалектно-фольклорными (вероятно, их функциональные характеристики шире: они являются диалектно-фольклорно-просторечными).

Так же слабо дифференцированы диалектные и просторечные элементы рассматриваемого текста. Под последними понимаем наддиалектные формы, имеющие широкий ареал распространения и функционировавшие в обиходной устной речи как сельского, так и городского населения². Таким образом, просторечные и диалектные элементы оказываются сближенными функционально вследствие широких ареалов распространения.

Наряду с функциональной диффузностью диалектных, фольклорных и просторечных элементов в бажовском тексте нами выявлена достаточно строгая их парадигматическая дифференцированность в соответствии с уровнями языка. На фонетическом уровне преобладают просторечные элементы (*вотчим, робята, однем словом, патрет*), на фонетико-морфологическом — диалектные (стяженные формы прилагательных), на словообразовательном — все три разновидности (*забеднели, вышнее, рассорка, видывала, запоглядывал, надёвывала*), на морфологическом — диалектно-просторечные единицы (*из бархату, после того случаю, в церкву*), на синтаксическом уровне преобладают разговорные конструкции (парцеллированные и сегментированные предложения, конструкции с экспрессивным порядком слов и др.), на лексико-семантическом уровне преобладают диалектизмы.

Эти данные носят пока предварительный характер, но интересными они представляются как раз потому, что не противоречат положениям о стилизованности текста, созданного в рамках эклектичного жанра литературного сказа. Языковой механизм, регулирующий стилизацию, — «сделанный» контекст.

Элементы УР в бажовских контекстах при столкновении с элементами письменной речи становятся стилистически маркированными: они несут в текст стилистическую разговорную окраску. При этом контекстная стилистическая (коннотативная) разговорная окраска диалектизмов, фольклоризмов и просторечий функционально совмещается с функционально-стилистической окраской соответствующих синтаксических разговорных

² Считаем, что Бажов использует в сказах такие просторечно-разговорные элементы, которые в период освоения им уральских сказов (конец XIX в. — 10-е годы XX в.) не противопоставлялись друг другу и составляли основу обиходной речи. Просторечие не было тогда «непрестижной» разновидностью общенационального языка [7; 10].

конструкций. Бажов функционально расширяет границы разговорной стилистической окраски. Это второй языковой механизм, работающий в его стилизованных сказовых текстах.

На наш взгляд, можно говорить о своеобразной стилистической метафоре, возникающей в активизированном языковом сознании читателя: он поставлен в ситуацию узнавания элементов УР в письменном тексте, ситуацию подсознательного сравнения и выбора одного языкового элемента из двух. Считаем такую стилистическую метафору основой изобразительности и выразительности бажовских контекстов. Естественность ее восприятия базируется на специфической «разговорности» (в функционально-стилистическом аспекте) бажовского текста.

Теперь можно говорить о двух основных семантических функциях диалектизмов при восприятии бажовских контекстов: колористической и экспрессивной. Кроме этого, в контекстах, при столкновении общеупотребительной и диалектной лексем, может происходить взаимное уточнение их лексических значений (ЛЗ). См., например, следующие контексты: *На люди те буски вовсе не показывала; Как вовсе маленькая была; На наших девчонок будто и вовсе не походит; Вовсе невестой глядит; Вовсе народ на пожарну* (место для наказания плетью) *не гонял*. В этих контекстах происходит уточнение семантической структуры диалектно-просторечной лексики, содержащей различные усиленные ЛСВ: «никогда», «очень», «совсем», «уж, совсем», «напрасно».

Основные семантические функции диалектизмов выявлялись по следующей методике:

1. Анализ всех предложений сказа.
2. Условный «перевод» предложений с подбором стилистически нейтральных аналогов. Таких аналогов может быть несколько, мы предпочитаем наиболее приближенный к толкованию слова в словаре.
3. Сопоставление диалектизмов и их общеупотребительных аналогов с денотатом по словообразовательным структурам, по мотивированности (по деривационным и мотивационным связям), по наборам сем в ЛЗ.

К диалектным элементам, выполняющим колористическую функцию, мы относим нелексические диалектизмы, лексические диалектизмы — названия бытовых реалий. Например: *«Пригон, завозня, лошадь, корова, снасть всяка — все сгорело»*. (Все сгорело: загон для скота, амбар, лошадь, корова, приспособления всякие.)

Подчеркнутые лексические диалектизмы являются обозначениями хозяйственных построек и являются чисто внешней, региональной заменой соответствующего общеупотребительного слова. Фонетико-морфологический диалектизм в виде стяженной формы прилагательного *тоже* легко заменяется соответствующей общеупотребительной формой. Диалектизмы типа *пригон* и

завозя можно рассматривать в подобных контекстах и как случаи своеобразной смысловой компрессии, так как посредством одной лексемы они именуют реалии, названия которых в литературном языке неоднословны. Принцип экономии языковых средств реализуется и нелексическими диалектизмами типа *надёвывала* — «несколько раз надевала», *нашивала* — «иногда носила». Эта смысловая компрессия осознается читателем (хотя бы интуитивно), что наделяет подобные слова и формы некоторым изобразительно-выразительным (экспрессивным) потенциалом.

Экспрессивная функция в разных группах диалектизмов реализуется по-разному.

Во-первых, определенная экспрессивность, выразительность свойственна диалектизмам с прозрачной словообразовательной структурой, т. е. диалектизмам, чьи деривационные связи осознаются читателем более ярко и свежо, чем по отношению к их общеупотребительным аналогам: *обсказал* (=рассказал) *весь порядок*; *забеднели* (=обеднели) *все-таки*; *запродала* (-продала) *каменья*; *рассорка* (-ссора) *вышла*; *впотай* (-тайком) *содержать*. В приведенных диалектизмах можно отметить большую законченность, «закругленность» действия в глаголе *обсказать*, предельность, «необратимость» действия во втором и третьем примерах, некоторые оценочные коннотации в слове *рассорка*, определенную локальность признака действия в последнем примере. Эта группа примеров в чем-то близка диалектизмам, выполняющим колористическую функцию с элементами смысловой компрессии (*нашивала*, *запотопывала*), в которых словообразовательная структура тоже непривычна для читателя.

Во-вторых, более яркая экспрессивность свойственна диалектизмам, обладающим яркими мотивационными связями (по сравнению с общеупотребительными аналогами): *а мать и пристрожит* (=накажет) *когда*; *Степан не понуждал* (=не заставлял) *жену*; *забрался к ним хитник* (=вор); *что-то с глазами попритчилось* (=случилось); *они все подыскиваются* (=придираются); *ишь, неочесливая какая* (=неучтивая). В этих примерах в восприятии читателя освежаются и деривационные, и мотивационные связи диалектных слов; изобразительно-выразительный «потенциал» этих слов ярче, чем в примерах первой группы типа *обскакал*, *рассорка*, *впотай*, и в восприятии читателя он реализуется полнее.

В-третьих, экспрессивная функция свойственна диалектизмам, отличающимся от своих общеупотребительных аналогов прозрачной словообразовательной структурой, мотивированностью и наличием семы интенсивности в их ЛЗ: *с малых лет в земле скыркался* (=ковырялся); *лестно на себя украшения навздевать* (=приятно надевать); *нешибко была любительница моды выводить* (=небольшая любительница моды соблюдать).

Докажем наличие семы интенсивности в лексическом объеме диалектных слов (см. выделенное ниже).

Ср.: *скыркаться* — «долго, нудно ковыряться» (+действие фоносемантики корня) — *ковыряться* («рыть, копать» [4]), *лестно* — «очень приятно» — *приятный* («доставляющий удовольствие» [Там же]), *моду выводить* — «тщательно соблюдать моду» — *соблюдать моду* («строго придерживаться принятого» [Там же]).

Функционально-семантическую нагрузку диалектизмов последней, третьей, группы можно назвать собственно экспрессивной, в отличие от подобной нагрузки диалектизмов первой и второй групп, так как экспрессивность в этом случае не чисто коннотативная, а имеющая опору в ЛЗ диалектизмов в виде семы интенсивности.

Таким образом, первые две разновидности диалектизмов, выполняющих экспрессивную функцию в бажовском тексте, тождественны по объему своего ЛЗ их общеупотребительным аналогам, а диалектизмы третьей группы — не тождественны. По этой характеристике диалектизмы первой и второй группы сближаются с диалектизмами, выполняющими колористическую функцию (они тоже тождественны по объему ЛЗ своим общеупотребительным аналогам). Диалектизмы, тождественные по ЛЗ своим аналогам, не привносят в текст дополнительных смысловых оттенков (хотя есть определенные дополнения на уровне мотивационного значения), поэтому ко всей этой большой группе диалектных элементов текста приложим выводы об их инкрустирующей роли в тексте.

1. Жанр литературного сказа обуславливает функциональную семантику диалектизмов в сказах Бажова.

2. Диалектизмы функционируют как элементы устной региональной речи, приобретая в бажовских контекстах (предложениях) разговорную стилистическую окраску.

3. Диалектизмы нечетко дифференцируются с другими элементами УР (фольклоризмами и просторечиями) в функциональном плане, однако они достаточно жестко соотносены с определенными языковыми уровнями и очень «дозированно» введены в контексты.

4. Диалектизмы вместе с другими элементами УР реализуют «стилистическую метафору» при столкновении с элементами письменной речи в сказовых контекстах.

5. «Стилистическая метафора» в контексте лишь заложена на уровне «собственных» характеристик слов (из ЛЗ, ГЗ и пр.), но полностью она реализуется лишь в активизированном языковом сознании читателя, ощущающего диалектизмы и другие элементы УР как стилистически маркированные.

6. Считаем «стилистическую метафору» основой изобразительно-выразительного потенциала бажовского текста.

7. Результаты функционально-семантического анализа диа-

лектизмов согласуются с вышесказанным. Опираясь на тождественность / нетождественность ЛЗ диалектизмов и их общепотребительных аналогов, можно говорить о двух основных функциональных нагрузках диалектизмов в контексте: колористической и экспрессивной. Последняя распадается на две разновидности в зависимости от различной степени яркости семантических, мотивационных и деривационных характеристик диалектизмов как стилистически маркированных в контексте слов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архарова Д. И. Элементы устной региональной речи в сказе П. П. Баждова «Малахитовая шкатулка» (функционально-семантический анализ диалектизмов) // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1991.
2. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. М., 1977—1981.
3. Новикова Д. А. Деминутивы существительных в устно-разговорной диалектной речи (на материале тюменских говоров): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1979.
5. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
6. Русская разговорная речь. М., 1981. Ч. 1.
7. Скребнева А. А. К вопросу об общих и различительных явлениях в устной речи (на материале грамматики) // Городское просторечие. М., 1984.
8. Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964—1990.
9. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. М., 1965—1991.
10. Турбин Г. А. О понятиях «полудиалект» и «просторечие» в современной диалектологии // Слово в системных отношениях. Свердловск, 1982.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

А. А. ВОДЯХА
Волгоградский пединститут

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ЗАЧИНА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Выявляются типовые факторы, воздействующие на формирование эмоционального зачина текста: повторная номинация, частицы, междометия и т. п.

Целью данной работы является выявление некой структуры, рамки, которую образуют эмоции, отраженные в языке. Поскольку в анализируемых примерах, благодаря гибкому порядку слов в русском языке, модусные оценочные компоненты могут помещаться перед диктальными, после них или обрамлять их, речь здесь пойдет об эмоциональной рамке высказывания, которую говорящий формирует, чтобы затем включить в нее

описание самого факта. Таким образом, эмоциональная рамка высказывания мобилизует партнеров на осуществление самого процесса говорения-слушания и на принятие выводов в результате сообщения. Из каких же элементов складывается структура рамки?

Прежде всего из зачина, который формирует «установку» на эмоциональность последующего высказывания. Сравним нейтрально окрашенное предложение с нейтральной интонацией с предложением, в котором есть в начале настройка на определенную эмоцию: 1) *Если бы Петр пришел, мы выполнили бы работу*; 2) *Эх (Ах, О...), если бы Петр пришел, мы выполнили бы работу*.

Если рамка полная, тогда мы можем говорить и об эмоциональной концовке, т.е. эмоция в ходе высказывания не ослабла, а нашла свое выражение в конце. Например: *Эх, если бы Петр пришел и мы выполнили эту работу, было бы просто замечательно*.

Иногда модусный компонент может внедриться в диктальный и как бы изнутри поддержать эмоцию, не давая ей слабнуть к концу. *Эх, если бы Петр пришел (а ведь он большая умница) и мы выполнили эту работу, было бы просто замечательно*.

Язык располагает арсеналом средств, призванных обозначать и выражать эмоции: соответствующая лексика, фразеологизированные синтаксические конструкции, особая интонация, порядок слов. Основная роль здесь принадлежит, безусловно, лексике. Причем в лексическом множестве, участвующем в обозначении эмоций, обнаруживаются слова различной частеречной принадлежности (существительные, глаголы, прилагательные, слова категории состояния, междометия), которые, сближаясь по лексической семантике, различаются по грамматической. Здесь речь пойдет лишь о некоторых лексических средствах передачи эмоций.

Говоря о лексических средствах создания определенной эмоциональной «установки», т.е. эмоциональном зачине, мы должны помнить о той роли, которую играют здесь лексические экспрессивы. К лексическим экспрессивам относятся лексемы, выражающие и передающие эмоции, узус эмоциональности которых закреплён в лексикографии [3, с. 17]. Источник экспрессивности лексем составляют все возможные коннотации, возникающие в речи вокруг основного ядра их семантической структуры.

К лексическим экспрессивам В. Н. Телия и вслед за ней С. В. Шорин прежде всего относят лексику ласкания и обзывания, различные адресаты, бранную лексику [4; 5]. Эмотивное значение этих единиц является единственным компонентом их лексического значения и может быть приравнено к денотативному. К таким словам относятся например: *жулик, мерзавец,*

пройдоха.— Жулик! — сердито выкрикнул старик и угрожающе взмахнул палкой.— Пройдоха, но башковитый субъект (К. Паустовский); Мерзавец,— дрожа от негодования, зашипел Персиков механическому человеку.— Как вам это нравится? (М. Булгаков).

Интересно, что одной и той же фразой, словом можно выразить не только различные оттенки одной эмоции, но и разные, даже противоположные эмоции. Самым ярким примером этого факта является употребление бранной лексики в ласкательном смысле и, наоборот, ласкательной лексики с целью осуждения. Например: — *Мерзавец! Тут поучиться бы у него. Как все дела устроил. Одно удовольствие (М. Булгаков).*

Разумеется, что эмотивное значение словарного слова представляет собой обобщенное отражение определенной эмоции, однако каждый индивид варьирует типизированную эмоцию, подгоняя ее под то или иное слово — условный знак этой эмоции — в зависимости от своего индивидуального (но в пределах социального) опыта. Способность передавать различные эмоции, часто противоположные, обладают и междометия, которые также относятся к экспрессивам.

Основной отличительной чертой междометий является то, что они обладают эмоциональным значением, которое всегда выступает на передний план. Исследователи отмечают, что междометие не является произвольным высказыванием. Ввиду приоритета индивидуального отношения говорящего к оцениваемому объекту окружающей действительности эмоциональная оценка по сравнению с рациональной характеризуется большей нацеленностью на адресат. Категоричность оценки обычно связана с уверенностью говорящего в истинности своего оценочного высказывания, со стремлением сделать его более убедительным и тем самым изменить эмоциональное состояние адресата. Междометия, по мнению В. В. Виноградова, составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков, именно знаков, служащих для выражения эмоционально-волевой реакции субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъятий [2]. Итак, междометие — наиболее яркое средство создания эмоционального зачина. Например:

Увы, перевернутая фамилия не спасла профессора от событий, и они начались на другой же день, сразу нарушив всю жизнь Персикова (М. Булгаков). Или: Щука подскочила и тяжело шлепнулась в воду.— Увы! — крикнул старик, но было уже поздно. В стороне Ленка приплясывал и кричал нахальным голосом: — Ага! Получили! Не ловите, когда не умеете! (К. Паустовский).

Некоторые междометия употребляются в крайне разнородных, экспрессивно-противоречивых значениях. Они служат сред-

ством выражения очень далеких, иногда даже исключаящих друг друга чувств и настроений. Например:

О миг блаженный, светлый час (М. Булгаков) — выражается радость, наслаждение; *О гляньте на меня, я погибаю... Пропал я, пропал...* (он же) — тоска; *О янтарный берег Сиены// и молочно-белый Каррары!* (Н. Гумилев) — восхищение; *О, как страшна ночная тень за шкафом* (он же) — страх.

Не менее сложен и разнообразен круг значений междометия *эх*. Оно выражает и укор: *Эх, папаша!* — крикнула она низким сипловатым голосом. — *Что ж ты другую-то колошку пропил!* (М. Булгаков); и сожаление, горе: *Эх, беда, беда!* — говорил, сокрушаясь Тихонов и затирая сапогом лужи, натекшие на чистый кирпичный пол (К. Паустовский); и страстное желание, тоску: *Эх, если бы все вышло так, как задумано: ударить от денкинцев, от эвакуации* (он же).

Бросается в глаза эмоциональная неустойчивость, смысловая диффузия междометий. Они легко подхватываются интонационной волной аффективной речи и изменяются соответственно общей эмоциональной окраске высказывания.

К лексическим средствам выражения эмоционального зачина можно отнести и частицы. Особенно интересной для нас может быть группа усилительно-ограничительных или выделительных частиц. Эти частицы находятся чаще всего непосредственно перед тем словом, которое они выделяют или усиливают, или сразу же после него, а иногда относятся ко всему высказыванию, придавая ему большую выразительность и убедительность.

Они играют роль своеобразных качественных показателей смыслового веса слов или высказываний в целом. Стоя в начале вопросительного предложения, усилительное, по мнению В. В. Виноградова, усиливает выразительность всего высказывания [2]. *И кака я развязность,— расстаивал сам себя Персиков,— бойкость какая-то! И ведь заметьте, что этого прохвоста мне же поручено инструктировать.— Персиков указал на бумагу, доставленную Рокком...— И как я буду его, этого невежду, инструктировать, когда я сам по этому вопросу ничего сказать не могу* (М. Булгаков).

Модальные частицы выражают модальность высказывания в целом или отдельных его компонентов. Иногда они выступают в роли стилистического ключа, открывающего модальность предложения. Иногда они оправдывают, мотивируя выбор или употребление отдельных слов, подчеркивая их экспрессию.

Например:

Это лик благосклонной Изиды
Или пламя встающей луны?
Неужели хотят пирамиды
Посягнуть на покой тишины?

А. Гумилев

Или:

Ответь, ужели так и надо,
Чтобы свидетель злых обид,
У золотых ворот Царьграда
Забыв Олегов медный щит?

Он же

Непосредственно, пожалуй, не относится к лексическим средствам передачи эмоционального зачина, но близко примыкает к ним повторная номинация, которая часто используется в качестве эмоциональных «подпорок» внутри диктальной части. Компонентами номинационных цепочек, как считает Л. Г. Бабенко, могут быть глаголы разной степени семантической близости: максимальной (повторение различных форм одного глагола) и минимальной (повторение глаголов разных лексико-семантических групп) [1]. В анализируемых примерах встречаются оба этих типа, причем при повторе тождественных, контактно расположенных лексем подчеркивается интенсивность чувств. Л. Г. Бабенко говорит только о глагольной повторной номинации, в анализируемых нами примерах компонентами номинационных цепочек могут быть слова, принадлежащие и к другим частям речи.

Желтый и вдохновенный Персиков растопырил ноги и заговорил: — Но как же это так? Ведь это же чудовищно! Это чудовищно, господа — повторил он, обращаясь к жабам в террариум (М. Булгаков); Ну еще шажок! Удержался... Боже мой, что за чудо такое! Он уже за последней кроватью, уже у порога... Он движется, он идет! (В. Лакшин); Как так умер? — стучало в голове у Севки. — Совсем умер? Умер и не живет? Окончательно? Навсегда? — Что-то черное надвигалось на Ганишина (он же).

Итак, мы говорили лишь о некоторых лексических средствах выражения эмоций в языке, однако средства выражения эмоциональных оценок встречаются не только на лексическом, но и на лексико-синтаксическом и текстовом уровнях. Подробное их изучение будет способствовать познанию того, как эмоции и чувства становятся языковыми сущностями, обеспечивающими адекватное понимание адресатом внутреннего мира говорящего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабенко Л. Г. Обозначение эмоций в языке и речи. Свердловск, 1986.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
3. Гетьман З. А., Сокуненко Н. В. Контекстные условия реализации семантики экспрессивов // Романо-германская филология. Вып. 24. Киев, 1990.
4. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
5. Шорин С. В. Некоторые средства и способы реализации эмотивности в художественном тексте // Текст и его категориальные признаки. Киев, 1986.

С. Н. ПЕРЕВОЛОЧАНСКАЯ
Нижегородский пединститут
иностраннных языков

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ИМЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Анализируется контекстуальная семантика античных мифологических имен *Аполлон*, *Киприда*, *Венера* в разные периоды творчества А. С. Пушкина.

Слово, функционирующее в поэтическом тексте, обладает определенной спецификой, которая обусловлена контекстом особого рода. Ю. Н. Тынянов, оперируя понятием «теснота стихового ряда», отмечает, что именно благодаря этому фактору любое, даже «бессодержательное» слово «семасиологизируется», «приобретает видимость значения» [4, с. 121—122]. Поэтический текст — объемное пространство, где существует сложная система взаимоотношений между словами, а их сочетание и взаимодействие придает им особую экспрессию.

Смысловую подвижность поэтического слова часто соотносят с терминами «эстетическое значение» (Б. А. Ларин), «эстетическое приращение смысла» (В. В. Виноградов). Особый интерес приобретают собственные имена, использующиеся в поэтическом тексте в особой эстетической функции. Необходимо увидеть разницу, нетождественность собственного имени как языковой единицы, члена ономастического пространства, взятого вне текста и обладающего определенным значением, и собственного имени как функционирующей единицы, взятой в рамках контекста, где происходит преобразование значения имени, ассоциативный фон которого, до этого времени существовавший лишь потенциально, очень отчетливо выявляется и дает гущение смысла ¹(в данном случае речь идет о рождении целой цепочки импликаций из исходного значения имени) [3]. Отношения между этими значениями собственных имен есть отношения общего и частного. Как видно, существенным моментом в приращении смысла выступает контекст.

Анализ всего корпуса античных мифологических имен в поэтическом языке Пушкина дает возможность говорить о том, что словарное значение мифологических имен и их контекстное употребление отрываются друг от друга. Контекстуальный смысл свидетельствует об эстетической, образной, стилистической трансформации имени. Для примера используем имена с наибольшей частотой употребления: *Аполлон* (35), *Венера* (24), *Киприда* (27). Энциклопедическое толкование образа ¹Аполлона связано с представлением о божестве солнца и покровителе искусств, соединяющем в себе противоположные начала:

темное (губительное) и светлое (созидательное). Объем понятия имени сужается в поэтическом контексте. Имплиcitный смысл, рождающийся в тексте, дает целую цепочку ассоциаций: Аполлон → мифологический герой, бог солнца и искусства → имя его является символом искусства → искусство Аполлона ассоциируется с добрым и возвышенным идеалом → воспринимается как символ высшего поэтического искусства → имя Аполлона воспринимается как символ поэтического дара, благодаря которому художник творит.

Вы, Геликона
Давние жильцы!
За Аполлона
Пейте, певцы!

Заздравный кубок (1816)

При интерпретации данного отрывка за именем Аполлона реально всплывает символ поэтического искусства, на службе у которого «Геликона жильцы» — поэты (Геликон — символ поэзии).

О, если б Аполлон пиитов дар чудесный
Влиял мне в грудь! Тобою восхищен
На лире б возгремел гармонией небесной
И воссиял во тьме времен.

Воспоминания в Царском Селе (1814)

Существенный смысл в данном контексте приобретают символы — детали, связанные с Аполлоном: *лира, дар чудесный, небесная гармония*. Это способ эстетического обозначения поэтического вдохновения, дара слова, скрепленного гармонией небес — рифмой. Ср.:

Играй: тебя младой Назон,
Эрот и Грации венчали,
И лиру строил Аполлон.

К Батюшкову (1814)

Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.

К. Н. Я. Плюсковой (1818)

Сцепление слов *вдохновенный Аполлоном* рождает представление о высоком поэтическом вдохновении, настигшем поэта в минуты творческого озарения.

Приписывание символам определенных значений, за ними стоящих, дает возможность вложить в следующие фразы содержание, выражающее ту или иную степень проявления поэтического дарования. *Сквозь эту кость не проходил / Луч живо-творный Аполлона* — полное отсутствие таланта; *Печать свою*

наложит небесный Аполлон, Меня лелеял Аполлон — свидетельство поэтического дара.

Часто у Пушкина мифологическое имя входит в довольно устойчивое сочетание, так называемую перифразу, имеющую структуру: *сущ. + сущ.* в род. пад. В. Н. Михайлов отмечает, что такие словосочетания «отличаются тесным смысловым и формально-стилистическим объединением членов, причем порой значение главного, определяемого компонента характеризуется смысловой неполнотой» [2, с. 14]. Эта недоговоренность главного слова домысливается при наложении на него ассоциативно-символического фона зависимого слова, выраженного мифологическим именем.

Перифрастические модели с использованием имени *Аполлон* Пушкин вводит в текст, обозначая поэтическое братство: *питомцы Аполлона, питомец нег и Аполлона, питомцы Муз и Аполлона*:

Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас
И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона,
По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной!

Евгений Онегин. I глава

В данном контексте *внуки Аполлона* — поэты. Но общий колорит всего отрывка — Адриатика, напоминание о «Странствиях Чайльд-Гарольда» в строке *По гордой лире Альбиона* (описание Венеции) — вскрывает некую двуплановость в восприятии этой перифразы. В ней уже нет той шутовскости, легкости, что встречалась в лицейских стихах (*питомцы нег и Аполлона*), *внуки Аполлона* — поэты, увлеченные чтением Байрона, для которых он воплощение романтического духа, властитель дум. Таким образом, несмотря на отсутствие прямого упоминания имени Байрона, ситуационный контекст как бы подталкивает к параллелизму восприятия: Байрон — *Аполлон* (кумир, высший образец поэтического искусства).

Мифологическое имя требуется Пушкину и тогда, когда он отзывается о своих собратях по перу. Пушкинская характеристика того или иного поэта носит оценочный характер; сопрягая имя *Аполлон* с различным окружением, поэт выражает при этом свое отношение к предмету изображения: Фонфизин — *творец, любимый Аполлоном*, Дельвиг — *С Аполлоном ты, видно, заодно*, Шишков А. А. — *балованный питомец Аполлона*, Барков — *поэт, проклятый Аполлоном*.

При подобного рода характеристиках встречаются и более развернутые конструкции:

Ужели тот, кто иногда
Жжет ладан Аполлону даром,

За честь не смеет без стыда
Жечь порох на войне гусаром
И, если можно, города?

В. Л. Пушкину (1817)

Сопряжение слов в строке *жжет ладан Аполлону даром* дает возможность говорить о фразеологически устойчивом сочетании слов (Ср. с фразеологизмом *жечь фимиам* (кому)).

Уместно напомнить, что такое понимание мифологических имен было свойственно классической традиции XVIII в., которая дала целую систему символов, связанных с античностью, нашедшую свое отражение не только в поэзии, но и в живописи, скульптуре, архитектуре, музыке.

Но Пушкин не только шел за традицией при восприятии античной символики (что было свойственно ему в лицейский период), он пытался творчески ее переосмыслить. Включая мифологическое имя в поэтическую строку, Пушкин уделяет особое внимание эпитету, используемому для более яркого проявления смысловых оттенков, заданных именем.

О боги мирные полей, дубрав и гор,
Мой робкий Аполлон ваш любит разговор,
Меж вами я нашел и музу молодую,
Подругу дней моих, невинную, простую,
Но в чем-то милую — не правда ли, друзья?

О боги мирные полей, дубрав и гор... (1824)

Эпитет *робкий* при имени Аполлон дает довольно широкий круг ассоциаций: зарождающееся поэтическое чувство, поэтический настрой. Это смысловое поле выявляется при обращении не только к самому тексту, но и к реальной ситуации: пасторальные настроения вызваны, очевидно, размеренной жизнью в Михайловском. Отсюда и приглушенность красок (Ср.: *возгремел гармонией небесной* (1814)), создающаяся за счет целого ряда эпитетов — *мирный, робкий, невинный, простой, милый*. Иного рода представление рождает имя *Аполлон*, употребленное с эпитетом *честолюбивый*:

Увы! Язык любви болтливой,
Язык и темный, и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебе докучен, ангел мой.
Но сладок уху милой девы
Честолюбивый Аполлон.

Увы! Язык любви болтливой... (1828)

Имя *Аполлон* в данном окружении — средство для выражения вызревшего чувства, излитого языком высокой поэзии.

При столкновении слов разных стилистических стихий Пушкиным достигается иронический эффект:

Ужель в театре шумном,
Где дюжий Аполлон
Партером полуумным
Прославлен, оглушен,
Измучившись напевом
Бессмысленных стихов,
Ты спишь под страшным ревом
Актеров и смычков?

Послание к Галичу (1815)

Дюжий Аполлон — это, очевидно, характеристика весьма посредственного автора театрального творения. Данное осмысление рождается на основе вкраплений, рассредоточенных по всему тексту: бессмысленные стихи, полуумный партер — с одной стороны, с другой — какофония звуков: *шумный, оглушен, страшный рев*. На этом фоне сталкиваются разноуровневые значения слов. Эпитет *дюжий* (крепкий, здоровый, плотный), с присущим этому значению оттенком просторечности, никак не может быть приложим к имени *Аполлон*, характеризующемуся возвышенностью чувств, гармонией — космической и человеческой.

В одной из эпиграмм, предпосланных А. Н. Муравьеву, едкая ирония пронизывает строки о бездарном поэте: *Ты, соперник Аполлона, / Бельведерский Митрофан*. Средство достижения данного эффекта то же: сочетание несочетаемого. Аполлон Бельведерский — статуя, воплощающая неземную отдаленность, интеллектуальную и творческую силу; Митрофан — герой комедии Фонвизина «Недоросль», характеризующийся резко противоположными началами. Стилистический сбой, вытеснение имени Аполлон из привычного словосочетания именем Митрофан дает удивительный комический результат. Этот комизм усугубляется перифразой *соперник Аполлона*, где накладывающиеся значения слов порождают смысловое противоречие. Аполлон — традиционный символ высокого, недостижимого искусства, равных которому нет: *соперник*, по словарю В. Даля, — состязатель, противоборец.

Нужно отметить то, что в более поздних стихах появляется особая экспрессия в восприятии мифологических имен. Хотя у Г. О. Винокура есть замечание о пережиточном, редком и невыразительном употреблении имен у позднего Пушкина, с этим мнением нельзя полностью согласиться [1]. Действительно, употребление имен героев античной мифологии резко сокращается в зрелом творчестве Пушкина, но выразительность их приобретает другой оценочный характер. Пространство поэтического текста разряжается, но вместе с тем повышается концентрация философской обобщенности в имени. Этот факт является

следствием открытости системы философских и эстетических взглядов, меняющихся на протяжении всей жизни поэта.

Имя *Аполлон* в стихотворении 1827 г. «Поэт» — не отвлеченный эстетический символ, здесь отсутствует шутливо-фамильярная манера раннего Пушкина. *Аполлон* — символ, наполненный особой экспрессией, большей конкретизацией, и, как следствие этого, он более значителен:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен.

Значение этого символа оттеняют не столь яркие, на первый взгляд, штрихи античной атрибутики, античной образности: *священная жертва, святая лира, божественный глагол*. Таким образом, в данном контексте в имени развиваются смысловые оттенки, «семантические обертоны смысла» (Б. Ларин), рождающиеся из исходного значения имени Аполлон, воспринимаемые и соотносимые нами с понятием долга, философским осмыслением поэтом своего предназначения.

Приращением разных смыслов характеризуется функционирование собственных имен — *Венера, Киприда*. В греческой мифологии Киприда (Афродита, Кифера, римский вариант — Венера) почиталась как богиня любви и красоты. Словарь языка Пушкина фиксирует именно такое исходное значение этих имен.

В поэтическом контексте происходит обогащение значения имени за счет смысловых элементов. В целом приращение смысла идет в двух направлениях:

1. Киприда (Венера) → древнегреческая богиня → символ любви и красоты → любовь как возвышенное святое чувство, достойное быть поэтически воспетым.

2. Киприда (Венера) → древнегреческая богиня → символ любви и красоты → любовь у древних греков считалась следствием, порождением красоты → любовь воспринимается как земное чувство — страстное желание → это представление ассоциируется с представлением о красивой женщине вообще.

Проанализируем ряд контекстов.

Беллона, Муза и Венера,
Вот, кажется, святая вера
Дней наших всякого певца.

В. Л. Пушкину (1817)

Имена трех мифологических богинь — символические языковые знаки, ассоциативно связанные с высшим понятием о войне, искусстве и любви, это источники, из которых поэт черпает свое поэтическое вдохновение.

Есть роза дивная: она
Пред изумленною Киферой
Цветет румяна и пышна,
Благословенная Венерой.

Есть роза дивная: она... (1827)

Каждая деталь этого текста, выполненная в условной поэтической манере, эстетически тонко передает восхищение вечной, чистой женской красотой. Употребление имени в разных вариантах (*Венера*, *Киприда*) способствует усилению восприятия. Смысловой фон того и другого имени является общим, хотя и не полностью совпадающим. *Благословенная Венерой* — олицетворение красоты, дарованной свыше (божественной красоты). *Кифера* в данном контексте соотносится с понятием о совершенстве. Эпитет *изумленная* при этом свидетельствует о высшей степени проявления данного качества.

Очень часто рядом с именем богини любви и красоты встречаются эпитеты, придающие особую конкретность предмету изображения. *Ветреная Венера* — употребляется в значении «легкомысленная кокетка». *Венера пылкая* или *пламенная Киприда* — эпитеты *пылкая*, *пламенная* низводят высокое чувство на уровень земных забав, значение — «любовное увлечение». *Рублевые Киприды* — уже знакомый нам прием столкновения разнородных пластов, создающий эффект стилистической сниженности. На основе этого происходит семантический сдвиг, выстраивается целый ряд эпитетов, синонимов, характеризующих полусветскую женщину — легкомысленную, поверхностную, безумную, ветреную, беспечную, пустую и т. д. Тот же результат достигается в следующем тексте:

Мы пили — и Венера с нами
Сидела прей за столом.

27 мая 1819

Употребление стилистически сниженного деепричастия от глагола *преть* рядом с именем *Венера* сужает значение имени до ощущения конкретного единичного предмета. Произошло вытеснение имени конкретного лица, и в данном контексте за именем *Венера* стоит смысловая пустота, ничего более, кроме значения «женщина». Та же условность и пустота за именем в следующем контексте:

Я люблю в Венере грудь,
Губки, ножку особливо.

Царь Никита и сорок его дочерей (1822)

Эта условность связана с желанием скрыть от глаз цензуры несколько фривольный сюжет сказки. Употребленные в уменьшительной форме слова *губки*, *ножку* создают двусмысленность:

либо это ласковое отношение к возлюбленной, либо фамильярно-шутливое отношение к ветреной Венере.

Очень велико число перифрастических оборотов, где имя — символ красоты и любви — употребляется в шутливо-отвлеченном значении:

Чититель Вакха и Венеры, Венеры набожный поклонник, Друзья Киприды и стихов, друг Венеры и пиров, друг Марса, Вакха и Венеры — с общим значением «любитель любовных развлечений»; *прелестный баловень Киприды, любимец Вакха и Киприды* — «пользующийся успехом у женщин»; *наперсница Венеры, крестница Киприды* — «красивая женщина, окруженная мужским вниманием».

В ряде контекстов объем понятия «любовь», отраженного античным именем, сужается до понятия «чувственная любовь», «мучение», «страдание»: *Киприды нежные затеи* — «любовные утехы»; *Весь день веселью посвящен / А в ночь — вновь царствует Киприда* — «посвятить себя чувственным наслаждениям»; *Пировали с Кипридой, Вакхом и тобой* — «предаваться любовным утехам»; *Наперсник Душеньки двусмысленно шутил, / Киприду иногда являл без покрывала — / И никому из них цензура не мешала* — «описывать эротические сцены»; *Уж мало ль бился я, как ястреб молодой, / В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой* — «познать неразделенную любовь».

Подводя итог, отметим, что функционирование античных мифологических имен в поэтических текстах А. С. Пушкина позволяет говорить о том, что определенное значение собственного имени, взятое из словаря античности, реализуется в тексте, наполняясь свежим содержанием, что приводит к рождению нового смысла. В словаре заключен справочный материал о носителях этих имен, употребление же в контексте приводит к их семантизации. Они актуализируются контекстом, реализуют потенциально заложенные в них семантические признаки, вызывают неожиданные ассоциации, выступают с новой стилистической, семантической и эмоциональной окраской.

Мифологические имена создают большие семантические обобщения, превращаясь в образы-символы. Их совокупность образует определенную эстетическую, художественную систему смыслов в языке Пушкина — это их вторичная семантическая функция.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Винокур Г. О. Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
2. Михайлов В. Н. Собственное имя как стилистическая категория в русской литературе. Луцк, 1965.
3. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
4. Тынянов Ю. Н. Проблемы стихотворного языка. М., 1965.

Т. И. СТЕКСОВА
Т. А. ТРИПОЛЬСКАЯ
Новосибирский пединститут

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ *ДУША* И *СЕРДЦЕ*

На конкретном лексическом материале делается попытка выделить факторы, способствующие функциональной эквивалентности существительных, используемых во вторичных значениях.

Проблемы семантического описания в теоретической лингвистике и, как следствие этого, в практической лексикографии еще недостаточно разработаны. В частности, это касается функциональной характеристики языкового знака: современные толковые словари представляют семантику слова «в статике», тогда как только анализ функционирования слова в речи позволяет наиболее полно выявить его семантические потенции. Современная лингвистика вплотную подошла к идее создания словаря «активного типа» [6]. Так, Ю. Д. Апресян считает, что, «строя определенное правило, лингвист должен работать на всем пространстве лексем и учесть все типы их поведения, не предусмотренные в словаре. ...Правила могут требовать обращения к просодическим, морфологическим, семантическим, прагматическим, коммуникативным, синтаксическим (сочетаемым) свойствам лексем» [1, с. 7].

В свете поставленных задач любопытным представляется целенаправленный функционально-семантический анализ слов *душа* и *сердце*, традиционно трактуемых как лексические синонимы с тождественной семантикой «внутренний психический мир человека».

Речевая практика свидетельствует о том, что эти лексические единицы характеризуются несовпадающими валентностными структурами. Настоящее исследование представляет собой попытку выявить и интерпретировать все типы поведения этих лексем.

«Не верю, что существует человек, у которого не дрогнет душа, не екнет сердце в преддверии решения своей участи... Я не знаю человека, душа которого не дрогнула в преддверии операционной» — эти слова принадлежат Я. Л. Цивьяну, заслуженному деятелю науки, доктору медицинских наук, профессору, человеку, по роду своей деятельности хорошо знающему, что души как предмета материального не существует. Не случайно многие хирурги утверждают, что в человеческом теле нет свободного места, где могла бы поселиться душа. Однако все мы, и специалисты-хирурги в том числе, говорим: *душа уходит в пятки, душа не на месте* (значит, есть место для

души!); еле-еле душа в теле; в чем только душа держится; вытрясти, вытянуть душу и пр. По данным частотного словаря, на миллион словоупотреблений слово *душа* встречается 376 раз. Из этого следует, что в нашем языковом сознании живет представление о существовании души, ее свойствах, возможностях, качествах.

Трудность семантизации подобных лексических единиц состоит в том, что понимание непредметных имен опирается на семантическую компетентность говорящих. Для того чтобы понять недескриптивные значения, необходима прагматическая компетенция [2].

Семантика слов *душа* и *сердце* достаточно полно представлена в толковых словарях, однако не сформулированы правила их употребления и адекватного истолкования в тексте. Информация эта бесспорно важна и в методическом плане (для обучения родному и неродному языку): практика вузовского преподавания лексикологии русского языка свидетельствует о том, что студенты испытывают существенные трудности в толковании семантики и употребления подобных имен. Поэтому задачей нашего исследования является функционально-семантический анализ имен *душа* и *сердце* в современном русском литературном языке.

В толковом словаре С. И. Ожегова семантика слова *душа* представлена следующим образом:

- 1) внутренний психический мир человека, его сознание;
- 2) то или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами;
- 3) вдохновитель чего-либо, главное лицо;
- 4) в человеке;
- 5) в старину: крепостной крестьянин.

В первом значении слово *душа* оказывается синонимичным слову *сердце* во втором переносном значении («орган как символ переживаний, чувств, настроений человека»). Близость значений этих слов позволяет предполагать и высокую степень взаимозаменяемости их в речи. Так, возможна взаимозамена в следующих контекстах: *сердце/душа сжимались, болели, переворачивались, дрожали, разрывались, надрывались, радовались, ликовали*.

Но наряду с этими употреблениями встречаются такие, когда взаимозамена невозможна: *Уже душа его — последнее желание жизни, отвергающее гибель до предсмертного дыхания, — уже душа его явилась наружу из исходящих тайников его тела, и поэтому лицо его и опустевшие глаза были столь мало одушевлены какой-либо жизненной нуждой, что не означали ничего, и нельзя было определить характер этого человека, его зло и добро, — а он все жил* (А. Платонов). В отличие от души сердце, как духовный мир человека, явиться наружу не может. Или: «...их душа, их понимание жизни

светлели и росли тогда, как растут растения из земли, с которой сняты каменные плиты» (он же). «Что-то» в значении слова *сердце* сопротивляется употреблению его в данном контексте.

Чтобы выявить причины возможности/невозможности взаимозамены в тексте этих слов в синонимических значениях, необходим целенаправленный анализ их функционирования в речи. Это позволит выявить возможные расхождения в семной структуре их значений, уточнить сочетаемостные возможности этих синонимов, внести коррективы в семантизацию слов *душа* и *сердце*.

Исследование проводилось на материале художественной литературы и публицистики. Было проанализировано более 150 контекстов с интересующими нас словами.

Анализ проводился в два этапа. На первом этапе обращалось внимание на значение синтаксической позиции этих слов в предложении. Причем анализировалось употребление не грамматического падежа, который является лишь «поверхностным», а семантическое значение падежа, ибо, как отмечает А. Вежибица, «глубинные языковые категории (по мнению одних, агенс, пациенс или инструмент; по мнению других, субъект, прямой объект и косвенный объект) могут облекаться в форму любого поверхностного падежа; это только вопрос «падежной маркировки» или «падежного места» [3].

И *душа*, и *сердце* употребляются во всех грамматических падежах, и в этом между ними различий нет. Различия выявляются при анализе глубинных значений падежей. В ряде случаев совпадают и грамматические падежи, и их глубинные значения [4].

Душа и *сердце* могут выступать со значениями: объекта действия и локатива, статуального, качественного и акционального признаков; выступать в роли адресата, передавать объектно-орудийное и объектно-директивное значение, могут занимать позицию предиктируемого субъекта, носителя статуального признака. Продемонстрируем это на ряде примеров:

Ее душа не смирялась; Ее терпеливое рабочее сердце в одиночестве билось сейчас против смерти (А. Платонов);

Фомин был счастлив, когда сбивал противника, вросшего в бетон и землю, или когда отчаяние своей души превращал в надежду, а надежду — в успех и в победу; — Не будет нам смерти! — сказал я врагу, и с беспамятством ненависти, возродившей мощность моего сердца, я обхватил и сжал тело Рудольфа (он же);

Нельзя плодотворно работать, если прячешь чувство приглушенной злобы и мести в душе (Е. Мещерякова); *Он понял, что весь изранен, он чувствовал, как тает, исходит его жизнь и пусто и прохладно становится в его сердце...* (А. Платонов).

В других случаях значения, свойственные одному, не характерны для другого слова. Так, если слово *душа* выступает в

прикомпаративном значении, в значении объекта контактно-локального действия, в значении лица или предмета, а слово *сердце* — в количественном значении, в значении пространственного предела как начальной (или конечной) точки движения, то взаимозамена слов-синонимов невозможна. Приведем примеры из А. Платонова:

Видя в Паршине его душу, люди как бы ослабевали при нем, перед таким открытым и щедрым источником жизни...; И Одинцову представилась вдруг пустая душа в живом, движущемся мертвяке, и этот мертвяк сначала убивает всех живущих, а потому теряет самого себя; И та же рука, что вела его жестко вперед, та же большая рука согревала его, и тепло ее проникало ему до сердца; Но жизнь сохранилась во мне; она ушла из сердца и оставила темным мое сознание, однако она укрылась в некоем тайном, может быть, последнем убежище...

Если в случае несовпадения падежных слов *душа* и *сердце* невозможность синонимической замены явная, то труднее объяснить невозможность взаимозамены, когда эти слова выступают в тождественных значениях.

Проанализированные контексты показывают, что гораздо легче замещается слово *сердце* словом *душа*; реже контекст позволяет заменить *душу* на *сердце*, хотя семные структуры интересующих нас ЛСВ практически тождественны: 1) не материальная, а психическая сущность; 2) мир переживаний, эмоций, страстей.

Из употреблений слов *душа* и *сердце* следует, что языковое сознание говорящих (языкового коллектива) хранит их особый образ. В семантике слова присутствуют, кроме денотативного и коннотативного, эмпирический компонент, или «чувственно-наглядный образ предмета номинации». Как пишет И. А. Стернин, «в акте речи обнаруживаются разные элементы этого образа — представления о форме, вкусе, цвете, характерных деталях, весе, высоте, ширине предметов, их типичных действиях и т. д. Актуализация этих признаков, как и любых компонентов значения слова, определяется коммуникативной задачей, ситуацией речевого акта» [5, с. 74].

Слова *душа* и *сердце* входят в ЛСГ имен со значением психического состояния человека. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, основным источником психологической лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных, метафорических смыслах» [2, с. 95].

В своей работе Н. Д. Арутюнова строит семантический образ имен, обозначающих чувства, куда входит и существительное *душа*. Выявление наглядно-чувственного образа в семантике слова *душа* в сопоставлении со словом *сердце* позволяет уточнить и дополнить картину, представленную в указанном исследовании.

довании. Каков же чувственно-наглядный образ, или эмпирический компонент, в структуре анализируемых ЛСВ?

1. С точки зрения местонахождения:

Душа — подвижная субстанция: *душа ушла в пятки, вытрясти душу. Они кратко без веры выстрелили во мрак, но Иван уже был подле них и с удовлетворенной яростью схватил одного противника за душу, за горло, под скулами, а в другого бросил гранату с неотпущенной чекой* (А. Платонов).

Сердце — имеет постоянное место, находится там, где орган кровообращения: *У меня сердце не на месте* (Б. Пастернак). Местонахождение определяет и наличие такого свойства: душу можно увидеть, а сердце нет.

2. И душа, и сердце могут быть вместилищем, могут «вместать» в себя чувства, переживания, ощущения, представления:

...но что-то с тех пор запало в душу и подсказывало, что у меня есть мать (В. Богатырев); *...и в душе его тронулось привычное горе, старая тоска по погибшему дому отца; Но пожизненно останется в душе Шадрина чувство вечной, кровавой связи с армией, ставшей для него семьей, домом, школой за годы войны* (А. Платонов); *Хоть я и молчал столько времени, но Вы единственный человек, о ком я думаю с радостью в сердце* (Д. Хармс); *Но он воодушевился этой работой, он принял ее в свое сердце не как службу, но как смысл своего существования* (А. Платонов).

3. Душа, как и сердце, способна испытывать определенные ощущения, воздействия: *сдавить душу, боль в душе, надирать душу, саднить душу, беречь душу*.

Онемевшее сердце его стало словно бесчувственным, чтобы не принимать в себя печали; Боль в сердце от горя и воспоминаний мешала ему иногда работать; Сколько раз дрожало его сердце, когда он всматривался в последнюю минуту в дорогое утихшее лицо друга перед вечной разлукой с ним (А. Платонов).

4. И душа, и сердце обладают способностью проявляться «частями». *Важнее всего казалось тогда ощущение, что у князя, перефразируя Высоцкого, «до крови истончал» лоскут души, обнажились нервы, как после дождя на косогоре обнажаются корни деревьев, но дерево еще живет* (Вл. Стеклов). Может быть «часть», «частица» души, «кусочек» сердца. *Сколько я сердца своего истратила на вас, сколько крови моей ушло...* (А. Платонов).

5. Душа напрямую не связывается с представлением о предмете, но в речи часто отражается материализованное представление о душе (от бесконечности до лоскута). Сердце связывается в сознании с представлением о предмете (сердечной мышце).

В результате анализа составляющих элементов эмпирического компонента намечается несколько типов оппозиций, существующих в языковом сознании:

1) сердце противопоставляется разуму. *Мое собственное*

сердце скрыло бы это от меня, потому что нелюбовь почти как убийство, и я никому не в силах была бы нанести этого удара (Б. Пастернак). Хотя встречается и такое употребление: *У него было впечатлительное разумное сердце художника* (А. Платонов).

2) сердце противопоставляется органам восприятия (зрение, слух). *Зряче только сердце, главного глазами не увидишь* (А. С. Экзюпери).

3) душа противопоставляется телу. *Она душой не мучается, она только телом томится,— сказал Иван Владыко* (А. Платонов). Сердце также противопоставляется телу, но оппозиция эта не так сильна, как в случае с душой: нельзя схватить за сердце, встряхнуть, вытянуть его.

Итак, мы видим, что эмпирический компонент в семантике слов *душа* и *сердце* не является тождественным: *сердце* более «предметно», тесно связано с физическим органом. Зачастую в контекстах наблюдается своего рода совмещение разных ЛСВ многозначного слова *сердце*.

Представления же о душе не связаны с конкретным предметом в языковом сознании говорящих; сердце имеет определенное «жилище», а местонахождение души весьма неопределенно. Именно поэтому душа легко сочетается с абстрактными существительными. Ср.: *отчаяние, апатия, свобода, состояние, безразличие, неспособность души; насилие над душой; убийство души*.

Как показывает функционально-семантический анализ слов *душа* и *сердце*, эмпирический компонент в семантике слова может также определять сочетаемостные возможности лексических единиц, сферу его функционирования.

Так, в сочетаниях *добыть сердцем, одолеть сердцем* подстановка слова *душа* невозможна, так как *душе* свойственно не чисто орудийное значение, как слову *сердце*, а объектно-орудийное (значение орудия ассоциируется с предметным образом); можно *дойти до сердца, проникнуть до сердца*, можно *уйти из сердца*, но не *до души/из души*, так как конечная и исходная точка движения предполагают наличие какого-либо предмета, который является точкой отсчета движения (сердце). Можно *коснуться души*, но не сердца, так как она может находиться внутри, выходить наружу, проявляться в глазах и лице. Именно поэтому можно *душу увидеть, представить, созерцать*, а сердце такой способностью не обладает.

В результате функционально-семантического анализа непредметных имен *душа* и *сердце* уточнена семная структура их ЛЗ, выявлен круг их лексической сочетаемости и сделана попытка объяснить различия в функционировании этих синонимических единиц: их синтаксическая валентность зависит от семной структуры ЛЗ, а именно от эмпирического компонента в семантике недескриптивных имен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
3. Вежицка А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 15.
4. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. М., 1988.
5. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
6. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
7. Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика. М., 1976.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Сулименко Н. Е. Лексическая экспликация диалогичности монолога	5
Попова Т. В. Контекстное варьирование семантики производного слова	12
Блинова Л. А., Купина Н. А. Нравственные концепты в лексическом освещении (по материалам современной публицистики)	20
Тростников М. В. Метафора И. Анненского и А. Фета	31
Томилова С. Д. Периферийные семы глаголов как база для формирования вторичных значений	40
Черняк В. Д. Функциональные аспекты синонимии и проблемы текстового воплощения языковой личности	47
Гридина Т. А. Проявление системных механизмов языка в речевой деятельности (феномен языковой игры)	55
Шувалова И. Е. Семантика имени бытующего предмета в бытийных конструкциях разных типов	63
Буданова Т. А. Семантическое варьирование категории длительности в русском языке	71
Багичева Н. В. Лексическая и прагматическая семантика терминов родства	77
Новикова М. Ю. Коннотация как макрокомпонент лексического значения и как эстетически нагруженный подтекст	84
Петрунина С. П. Паронимические оговорки в диалекте	89
Хачатурова Л. А. Внутренняя форма зоонимов	93
Архарова Д. И. Функциональная семантика диалектизмов в сказовом тексте (на материале сказа П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка»)	103
Бодяха А. А. Лексические средства создания эмоционального зачи на высказывания	110
Переволочанская С. Н. Мифологическое имя в поэтическом тексте	115
Стекова Т. И., Трипольская Т. А. Функционирование и семантика лексических синонимов <i>душа и сердце</i>	123

